

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БЫЛИНЫ
ПРО СТАРОГО
КАЗАКА
ИЛЬЮ МУРОМЦА

СВОДНЫЙ ТЕКСТ

МОСКВА
2024

Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

**Былины про старого казака Илью Муромца:
сводный текст**

Составитель А. С. Миронов

Москва
2024

УДК 398
ББК 82.3(2)
Б95

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Рецензенты:

*Ужанков А. Н., доктор филологических наук,
Закунов Ю. А., кандидат философских наук,
Ларионцев М. М., кандидат культурологии*

Б95 **Былины про старого казака Илью Муромца** : сводный текст / составитель А. С. Миронов. — Москва : Институт Наследия, 2024. — 426 с. — ISBN 978-5-86443-466-6.

Сводный текст былинных сюжетов про Илью Муромца составлен из фрагментов записей собраний Кирши Данилова и П. В. Киреевского, а также вариантов, записанных в XIX–XX вв. от лучших народных певцов Т. Г. Рябина, К. И. Романова, Т. Иевлева, А. Сарафанова, П. И. Корнилова, В. П. Щеголенкова, П. Л. Калинина, А. П. Сорокина, безымянных «сказителя девяностолетнего из Колодозера» и шальского лодочника, Н. Прохорова, И. П. Сивцева-Поромского, А. Е. Чукова, Н. М. Швецова, Д. В. Суриковой, Г. Л. Крюкова, Ф. Т. Пономарева, П. Г. Маркова, В. Я. Тярсова, Е. В. Рассолова, А. М. Крюковой, Л. Г. Тупицына и др. Принципы отбора фрагментов былин для сводного текста изложены в предисловии составителя.

© Миронов А. С., сводный текст, предисловие, 2024
© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2024

ISBN 978-5-86443-466-6

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	4
ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА	19
ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА	31
ИСЦЕЛЕНИЕ	62
ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА	75
ИЛЬЯ И СВЯТОГОР	123
ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ	152
ИЛЬЯ И ДОБРЫНЯ	186
ИЛЬЯ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ	204
ИЛЬЯ, ДОБРЫНЯ И ПОТЫК	207
ИЛЬЯ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ	254
ИЛЬЯ И НАХВАЛЬЩИК	275
КАЛИН-ЦАРЬ	322
ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА	402

От составителя¹

Сюжеты русского героического эпоса даны нам во множестве вариантов, записанных от разных певцов, при этом ни один из таких вариантов не передаёт во всей полноте смысл конкретного сюжета. Поэтому, чтобы получить представление об идейно-художественном замысле той или иной былины (старины), о причинно-следственных связях между её сюжетными элементами, необходимо ознакомиться со всем корпусом вариантов, в том числе с записями оборванными или дефектными.

Первооткрыватель живого бытования русского героического эпоса П. Н. Рыбников сообщал в письме И. И. Срезневскому о том, что им составлены «своды главнейших былин по всем вариантам», вместе с тем отмечая, что «из этого свода сами собою определяются: значение богатыря, его характер, его роль; позднейшие прибавки, развитие некоторых частных в ущерб целому сами собою отделяются от первоначальных очертаний»². Исследователь обещал прислать «своды» первых двух сюжетов и описывал метод их составления: «ничего не прибавляя от себя, я расположу факты, относящиеся до богатыря, сообразно с понятием о нем, которое у меня образовалось при изучении свода вариантов»³.

Из письма очевидно, что П. Н. Рыбников собирался выслать своему адресату отнюдь не подборку всех записанных им вариантов конкретного сюжета, но уже сведённый из разных записей итоговый текст.

Упомянутые выше «своды» утрачены; сводные тексты былин, созданные на основе дополняющих друг друга фрагментов разных записей, всё ещё отсутствуют, что весьма затрудняет восприятие обществом эпических смыслов, в частности, их актуализацию средствами профессионального искусства.

Между тем в современном былиноведении господствует представление о том, что попытки создать для каждого эпического

¹ Настоящее предисловие содержит фрагменты нашей статьи «Внеэстетическая жанровая функция былины как основание для моделирования инварианта эпического сюжета», опубликованной в журнале «Традиции и современность», № 34 за 2023 г.

² Письмо П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому от 21 апреля 1864 г. / [Колесницкая И. М.] Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому // Русский фольклор. Вып. IV. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1959. — С. 301. (Разбивка автора.)

³ Там же. С. 301.

сюжета «идеальный» текст — текст, наиболее полно отражающий исходный замысел этого сюжета, — являются несостоятельными с научной точки зрения.

Скептики разделяют позицию В. Я. Проппа, критиковавшего первого русского фольклориста П. В. Киреевского за то, что тот «дополнял пробелы одних текстов соответствующими местами из других, менее удачные места заменял более удачными, то есть составлял некий сводный текст, представляющий, по его мнению, наиболее полную и совершенную форму песни»⁴. По убеждению В. Я. Проппа, «такое предприятие лишено какого бы то ни было научного значения»⁵.

В. Я. Пропп призывал учитывать все варианты каждого сюжета, потому что «совокупность сопоставляемых текстов всегда полнее каждого из текстов в отдельности», а их сличение позволяет раскрыть «идею, лежащую в основе песни», — «народный замысел во всей его совокупности и художественной цельности»⁶. Однако «замысел», по мнению учёного, с течением времени претерпевал изменения в общественном сознании, что приводило к отрицанию многих первоначальных его элементов. Если же замысел былины отрицает сам себя и смыслы произведения оказываются инвертированными, то и составление «идеального» текста, моделирующего инвариант, будет «лишено научного значения».

«Исходный замысел», по мнению В. Я. Проппа и его последователей, уже недоступен пониманию самих носителей былинной традиции, его могут восстановить только учёные, изучая эпос в диахроническом аспекте. При этом воспроизвести в виде текстовой модели реконструированные учёными «исходные замыслы», как правило, связанные с дохристианскими представлениями вроде «основного мифа», культа мёртвых, ритуального incesta и обрядов инициации — никто бы не решился: слишком резко характеры и поступки героев таких «восстановленных» былин отличались бы от традиционных, известных по записям XIX–XX веков.

Итак, собственную модель сводного текста «изначальных былин» последователи В. Я. Проппа не предлагают; более того, сама возможность создать такой текст заранее ими отрицается — как якобы противоречащая принципу вариативности фольклора. Вместе с тем бездоказательно утверждается, что замысел каждого

⁴ Пропп В. Я. Русский героический эпос. — М.: Гос. изд-во худ. лит.-ры, 1958. — С. 20.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 22–23.

сюжета раскрывается не просто во множестве вариантов, но непременно — в *неограниченном* их множестве, включающем противоположные по смыслу «редакции» или «варианты реализации»⁷. Так, видный последователь В. Я. Проппа Б. Н. Путилов утверждал, что эпическое творчество не только «дополняет первоначальный замысел», но и «отчасти отменяет его»⁸.

В соответствии с первым законом логики, если каждая былина раскрывается в неограниченном множестве смыслов, то все эти смыслы по сути тождественны друг другу. Если каждый из былинных «замыслов» не содержит в себе ничего, ограничивающего варианты его реализации, то содержательные границы между «пучками вариантов» разных былинных сюжетов должны со временем стереться.

Принимая предположение о «неисчерпанности вариантов реализации» каждого былинного «замысла», мы должны допустить, что, например, сюжет о первой поездке Ильи Муромца должен в какой-то момент «обогатиться» вариантом, отменяющим исходный смысл былины. В таком варианте Илья, как можно предположить, убивает князя Владимира и, женившись на княгине Апраксии, остаётся править в Киеве. Подобный вариант сюжета перестанет существенно отличаться от финала песни о Волхе Всеславьевиче, убившем Индейского царя и присвоившем его жену.

Между тем факты свидетельствуют о том, что вариативность русских эпических сюжетов строго ограничена. Так, ни в одном из множества известных вариантов Садко не остаётся жить в Подводном («Поддонном») царстве, наслаждаясь богатством и любовью морской царевны и забыв при этом о своей жене, ждущей его в Новгороде. Аналогичным образом нет вариантов, в которых Алеша Попович, убив Змея Тугарина, занимает освободившееся место фаворита киевской княгини. И никто из русских сказителей, насколько можно судить по имеющимся записям, не пропел о том, как былинный Добрыня изменяет своей жене Настасье с красавицей Забавой, освобождённой богатырём из змеиного плена.

Знакомство со всеми известными науке былинными записями убеждает нас в том, что вариативная ограниченность эпического замысла есть особенность старины как фольклорного

⁷ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. — СПб. : Наука, 1994. — С. 194.

⁸ Путилов Б. Н. Былины — русский классический эпос // Былины : Сборник. — Л. : Сов. писатель, 1986. — С. 38.

жанра. С нашей точки зрения, та сила, которая эффективно «сдерживала» творческие новации певцов, была внешней по отношению к художественной стороне эпического творчества. Мы говорим о внеэстетической жанровой функции былины, которая заключалась в способности сказителя воздействовать предсказуемым образом на структуру «ценностного центра»⁹ своих слушателей.

В русских былинах поступки действующих лиц, направленные на достижение ценностей нехристианского эпического сознания — личной славы (молвы) и личной имущественной чести (почестей, даров, добычи)¹⁰ — в подавляющем большинстве случаев¹¹ влекут за собой дурные для персонажей последствия. Как логично предположить, это приводило к девальвации указанных ценностей в сознании слушателей.

Напротив, к благим для былинных персонажей последствиям приводят поступки, вызванные тем, что герои высоко ценят («держат в чести») Божьи установления («веру русскую», православные святыни, «закон Божий», «правду-истину», «честное вдовство», «честное девичество», сиротство, нищенство «Христа ради» и др.), а также стремятся совершать бескорыстные подвиги, направленные на защиту страдающего человека¹².

Таким образом, былины могли подавлять в сознании слушателей эгоистические ценности личной славы, личной имущественной чести, гнева и мести — всё то, что А. А. Ухтомский называл «доминантами на свое лицо»¹³. Одновременно опытный певец имел возможность, учитывая социальный статус слушателя, род его занятий, пол и возраст, подобрать из «арсенала» былинных сюжетов именно тот, который способствовал утверждению в ценностном

⁹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. — С. 56.

¹⁰ О соответствии ценностей нехристианского эпического сознания идеалам «ветхого человека» (Еф. 4: 22–23; Рим. 6: 6; Кол. 3: 9) см.: Миронов А. С. Аксиологические доминанты в системе ценностей русского эпического героя // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21. — № 2. — С. 38–65.

¹¹ Единственным исключением является сюжет о Волхе Всеславьевиче; возможно, старина про премудрого Змеевича, князя-оборотня, захватившего власть в чужой стране, является лишь первой частью диптиха, в завершающей части которого (утраченной) протагонист погибает.

¹² Подробнее об этом см.: Миронов А. С. Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев: культурфилософский анализ : дисс. ... д-ра философ. наук. — Волгоград, 2021. — С. 243–282.

¹³ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. — Рыбинск : Рыбинское подворье, 1997. — С. 170, 234–235.

центре реципиента альтруистической доминанты — «доминанты на лицо другого»¹⁴.

Целевое воздействие, оказываемое тем или иным сюжетом на «ценностный центр» слушателя и обеспечиваемое определённым набором поэтических средств, — это и есть «предтекстовое состояние»¹⁵ песни, существующий прежде акта исполнения «идейный замысел» былины, который, по справедливому наблюдению В. Я. Проппа, раскрывается только при детальном сопоставлении вариантов¹⁶. Исследователь настаивал на том, что подобный замысел прослеживается во «многообразии художественных форм [его] воплощения»¹⁷, однако сравнительно-аксиологический анализ вариантов показывает, что многообразие в данном случае всё же носит весьма ограниченный характер. Содержание каждого «веера смыслов», ассоциируемого с отдельным эпическим повествованием, уникально и не сливается с другими именно потому, что всякий былинный сюжет имеет собственный неповторимый «профиль» ценностно-корректирующего воздействия. Иными словами, изначальный замысел былинного сюжета раскрывается в многообразии только тех вариантов, смысл которых соответствует его неповторимой внеэстетической функции и позволяет этой функции реализоваться.

Если же созданный певцом вариант содержал смыслы, которые затрудняли требуемое воздействие на слушателя в конкретных обстоятельствах фольклорной коммуникации, то такой вариант, будучи непригодным к использованию другими певцами, естественным образом утрачивал актуальность. Он не мог быть воспринят традицией и потому должен быть исключён исследователями из «веера реализаций», ассоциируемого с тем или иным былинным сюжетом.

Например, «шенкурский вариант» былины о первой поездке Ильи Муромца¹⁸, в котором богатырь, напившись на князем

¹⁴ Подробнее см.: *Миронов А. С.* К вопросу о функциональной классификации былинных сюжетов // Вестник РГГУ. — Серия: Литературоведение, языкознание, культурология. — 2020. — № 3. — С. 12–32.

¹⁵ *Путилов Б. Н.* Вариативность: основа творческого процесса в фольклоре // Фольклор и народная культура. — СПб.: Наука, 1994. — С. 194.

¹⁶ *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. — С. 25.

¹⁷ Там же. С. 25.

¹⁸ *Илья Муромец (Народная сказка) // Москвитянин. — 1843. — Ч. 6. — № 11. — С. 7–16.* (Былина была передана в редакцию учителем из Шенкурского уезда Никифором Борисовым и якобы записана «со слов крестьянина» неким

пиру, начинает до смерти избивать плетью гостей киевского правителя и затем исчезает как призрак, не соответствует внеэстетической функции рассматриваемого сюжета. Эта функция заключается в утверждении ценности богатырской силы («талана-участи») как бескорыстного служения чтимым объектам, святыням, в число которых входит законная власть, законный брак, «честные столы» (напоминающие о Тайной вечере) и др. Рассматриваемый вариант отнюдь не раскрывает новых смысловых оттенков сюжета, но наносит ущерб традиционному образу главного героя и, как следствие, должен быть признан «авторским», т. е. случайным, испорченным.

Мы согласны с В. Я. Проппом в том, что «среди певцов имеются и гении, и посредственности, и путаники»¹⁹, а также в том, что «необходимо относиться критически к каждому варианту, учитывая, кем, когда, где и от какого сказителя песня записана»²⁰. Фиксируя несоответствие ценностного «кода» отдельного варианта жанровой функции сюжета в целом, исследователь получает надёжное, на наш взгляд, основание для отнесения такого варианта к числу нетрадиционных, фальсифицированных или отражающих возвратное влияние на былинку литературных богатырских сказок, лубочных «повестей в лицах» и других позднейших переложений.

Раскрывая для каждого сюжета его ценностно-корректирующую функцию, мы получаем критерий для отбора значимых вариантов; при этом фрагменты соответствующих записей могут быть сведены в текстовую модель функционально-сюжетного инварианта. Необходимая для моделирования подобного инварианта «формула» данной в сюжете ценностно-корректирующей функции может быть выявлена в результате аксиологического анализа. Такой анализ основывается на представлении о протагонисте героических песен как о деятеле, поступок которого неизменно указывает на ту или иную предельную ценность национального эпического сознания. Поскольку герой эпоса всегда наделён неким особенным даром (физической силой или хитроумием, умением колдовать и т. д.), его существование мыслится и певцом, и слушателями как имеющее большую ценность, чем жизнь обычного человека. Готовность же героя рисковать своей жизнью указывает слушателю на исключительную (предельную) ценность того начала, к обладанию которым герой стремится. Сам же поступок

И. А. Ядовиным. Далее текст произведения приводится нами по этой публикации с указанием номера страницы после каждой цитаты.).

¹⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. — М. : Гос. изд-во худ. лит.-ры, 1958. — С. 24.

²⁰ Там же. С. 22.

(подвиг) предстаёт в этой связи как акт «обмена» неприемлемого для героя «бытия-без-ценности» на новое бытие, в котором он обладает искомой аксиологической категорией.

Слушатель былины сначала оценивает мотивацию богатыря, его ценностный выбор и сам поступок, а затем сопереживает герою, когда узнаёт о последствиях совершённого им деяния. Соответственно, аксиологический анализ сюжетных вариантов должен включать в себя следующие обязательные этапы:

1) определение исходного ценностного статуса героя в его начальном аксиологическом «возрасте», т. е. в состоянии *до* поступка (подвига, предполагающего готовность «обменять» собственную жизнь на некую предельную ценность): какие ценности разделяет герой изначально и фиксируется ли певцом «недостаток» той или иной ценности?

2) выявление конкурирующих аксиологических категорий, задающих ситуацию ценностного выбора;

3) определение той предельной ценности, на которую герой готов обменять своё изначальное «бытие-без-ценности» и которая побуждает его действовать с риском для жизни;

4) определение того, какой характер носят последствия совершённого поступка (благими последствиями очевидным образом являются те, которые привели к обладанию искомой ценностью; дурными же — те, которые не привели к подобному обладанию, но предполагают утрату персонажем свободы, жизни или его героического статуса, понятого как способность применять свою чудесную силу);

5) выявление того, как изменился «курс» ценности, предпочтённой героем в ситуации аксиологического выбора, с учётом наступления для самого героя благих или же дурных последствий: укрепилась ли доминанта его «ценностного центра» или, напротив, произошла её деконструкция?

Для того чтобы вывести ценностный код инварианта, мы должны сверить данные, полученные на основании аксиологического исследования всех известных науке версий конкретного сюжета. Результаты нашего анализа²¹ свидетельствуют о том, что аксиологические «формулы» сюжетов, выводимые для записей от лучших певцов (а также для былин Кириши Данилова и наиболее полных версий из собрания П. В. Киреевского, обретших хрестоматийную известность), совпадают в главных своих чертах.

²¹ Миронов А. С. Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев: культурфилософский анализ : дис. ... д-ра философ. наук. — Волгоград, 2021. — С. 243–282; 383–413.

Под лучшими певцами мы подразумеваем «первоклассных» заонежских и пудожских сказителей по классификации П. Н. Рыбникова (см. процитированное выше письмо к И. И. Срезневскому): Т. Г. Рябинина, К. И. Романова, Т. Иевлева, А.В. Сарафанова, П. И. Корнилова, В. П. Щеголенкова, П. Л. Калинина, А. Сорокина, безымянного «сказителя девяностолетнего из Колодезера», Н. Прохорова, шальского лодочника, Г. Амосова; а также тех, кого Ю. А. Новиков относил к разряду лучших в Олонецкой и Архангельской губерниях: И. П. Сивцева-Поромского, А. Е. Чукова (Бутылку), Н. М. Швецова, Д. В. Сурикову; непревзойдённых старинщиков Архангельско-Беломорского края: Г. Л. Крюкова, Ф. Т. Пономарева, П. Маркова, В. Я. Тяросова, Ф. Чуркина, Е. Садкова, Е.В. Рассолова, А. М. Крюкову, М. Д. Кривополенову; великих певцов Печоры, которых Н. Е. Ончуков называл учителями целого поколения прекрасных сказителей²²: пижемских учителей М. Г. Торопова, В. А. Чупрова и их лучших учеников — от А. Е. Осташова до Е. П. Чупрова²³; знаменитого алтайского певца Л. Г. Тупицына и др.

Только те элементы ценностного кода, которые оказались общими для всех записей, сделанных от лучших певцов, составили аксиологическую формулу инварианта — своего рода план будущего сводного текста. Затем мы проанализировали прочие записи былин о Илье Муромце, в том числе поздние и дефектные, чтобы выявить и на этом материале сюжетные элементы, совпадающие в ценностном плане с «формулой» инварианта.

Заметим, что идентичным ценностным кодом могут обладать варианты, которые в контексте структурализма представляются весьма различными на том основании, что в них «существенно отличается изложение узловых моментов — сюжетные ходы, трактовки основных коллизий»²⁴. Например, Б. Н. Путилов считал «исключающими друг друга» две «редакции» сюжета былины о Садко: «Садко — бедный гусяр, пленяющий своей игрой водяного царя» и «Садко — гуляющий молодец, явившийся с Волги в Новгород» и усматривал различие «не только в способах обогащения, но и в характеристике персонажей»²⁵. Между тем в ценностном плане

²² См.: Ончуков Н. Е. Былинная поэзия на Печоре // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. XX.

²³ См.: Власов А. Н. Сказители печорских старин // Рябининские чтения. — 1999. — Петрозаводск : Музей-заповедник «Кижы», 2000. — С. 46.

²⁴ Путилов Б. Н. Примечания // Былины : Сборник. — Л. : Сов. писатель, 1986. — С. 492.

²⁵ Путилов Б. Н. Былины — русский классический эпос /// Там же. С. 38.

эти варианты отнюдь не противоречат друг другу и в равной мере являются функциональными: структура «ценностного центра» Садко-гусяря и Садко — «волжского сура» идентична, в обоих случаях последствия поступков, совершённых протагонистом, приводят к девальвации личной славы и богатырского таланта как личного права. Таким образом, даже варианты сюжета, содержащие нетождественные сочетания предиката, агенса и пациенса и потому совершенно различные со структуралистской точки зрения, могут быть идентичны в аксиологическом плане и производить весьма сходное воздействие на «ценностный центр» слушателя.

Итак, главным критерием отбора в случае каждого фрагмента являлась его функционально-эстетическая ценность. Учитывалось то, насколько конкретная идея, образ, поэтический приём соответствуют внеэстетической задаче сказителя, стремившегося транслировать аудитории ценностный код исполняемого произведения — т. е. оказать специфическое воздействие на слушателей.

Помимо содержательных элементов, значимых в плане реализации ценностно-корректирующей функции, для сводного текста были отобраны и элементы конструктивные, обеспечивающие как связность действия внутри сюжета («общие места»), так и — если подобное представлялось возможным — логическую связь конкретного сюжета с предыдущим или последующим событием, происходящим на протяжении «эпической биографии» главного героя.

Например, в записи от В. П. Щеголенка находим, что Илья Муромец спрашивает у меньшей дочери Соловья-разбойника: «Есть ли красивее тебя и храбрее меня?», и певец сообщает, что, услышав о «прекрасной королевне», живущей в далёком городе, «раздумался старой казак Илья Муромец». Этот мотив кажется оборванным, а потому художественно неоправданным; так, В. Ф. Миллер считал его механически привнесённым из сказки о Еруслане Лазаревиче: «Илья вовсе не покушается, как Еруслан, отыскать красавицу подсолнечного града, а идет в Киев к князю Владимиру, <...> да и роль рыцаря/искателя красавиц вовсе не идет старому казаку»²⁶.

Между тем аксиологический анализ былин про Илью Муромца позволяет проследить органичную связь этого эпизода с мотивацией протагониста в песне про Илью и Святогора. Красивейшая в мире женщина, которая одна является достойным эквивалентом личной чести сильнейшего героя, — концепт, с лёгкостью обнаруживаемый в целом ряде нехристианских эпосов: от Рамааны,

²⁶ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — С. 570–571.

карельских рун и ирландских саг до «Песни о Нибелунгах» и якутских олонхо. В былинном же мире красивейшая женщина принадлежит сильнейшему богатырю — Святогору; одержав победу над Соловьём-разбойником и доказав своё первенство в Киеве, Илья устремляется на поиски Святогора не просто для того, чтобы «поглядеть» на него; «старый казак» хочет победить этого богатыря и присвоить его жену. Без понимания подлинных мотивов Ильи совершенно непонятно, зачем он нападает на спящего в седле исполина. Мотивация протагониста раскрывается в связи с его желанием разыскать первую на свете красавицу, и в аксиологическом плане упомянутый выше эпизод былины, пропетой В. П. Щеголенком, имеет значительную ценность — несмотря на то, что певец, по-видимому, забыл имя самой красавицы (Латымирка, Латыгорка, Златыгорка, Владимирка, согласно разным былинным вариантам) и заменил её сходным сказочным образом безымянной дочери Подсолнечного короля.

Как следствие, фрагмент из записи от В. П. Щеголенка, казавшийся механическим заимствованием из волшебной сказки, может быть включён в сводный текст. Этот эпизод подсказывает слушателю то направление, в котором развивается «ценностный центр» былинного героя, когда после триумфа в Киеве Илья подвергается искушению и начинает воспринимать собственную силу не как начало, обязывающее к бескорыстному служению, но как дающее ему право на добычу и личную честь.

Второй критерий, на основании которого производился отбор цитируемых пассажей, — самодостаточная эстетическая ценность тех или иных элементов художественного целого: образов, способов построения композиции, исполнения «общих мест», а также удачные детали и подробности, словесные формулы, отдельные слова и выражения, передающие особенности русского национального характера и манифестирующие стилистику былинного эпоса.

Из массива исследуемых записей нами были исключены, помимо зависимых от книги и фальсифицированных²⁷, также и те, которые не являются завершёнными в функционально-эстетическом плане, то есть не содержат всех элементов *аксиоматива* — элементарной аксиологической структуры эпоса, в которой при помощи причинно-следственной связи духовно-психологического характера скреплены в неразделимое целое мотивация героя, его

²⁷ Мы пользовались перечнем зависимых от книги и фальсифицированных вариантов, составленном Ю. А. Новиковым (*Новиков Ю. А. Былина и книга : Указатель зависимых от книги былинных текстов.* — Вильнюс : Вильнюс. пед. ин-т, 1995).

поступок и закономерные с точки зрения эпического сознания последствия этого поступка²⁸. Мы исходим из того, что логическая, этическая и эстетическая взаимосвязь мотивации, действия и последствий этого действия вполне осознавалась певцом как смысл аксиоматива и таким образом закреплялась в памяти. Границы аксиоматива в сюжете определены, с одной стороны, первичным состоянием «ценностного центра» главного героя и, с другой стороны, его результирующим (как правило, изменённым) состоянием. В связи со сказанным выше варианты, в которых отсутствует хотя бы один элемент аксиоматива, нами расцениваются как неполные: если сказитель не демонстрирует слушателю причинно-следственную связь между мотивацией, поступком и его последствиями, то, следовательно, он утратил контекстуальное представление о замысле былины, о внеэстетической функции её сюжета. Фрагменты неполных в ценностном плане записей тем не менее могут быть использованы при составлении сводного текста в том случае, если такие записи соответствуют второму критерию отбора: содержат отдельные элементы, обладающие самостоятельной эстетической ценностью.

* * *

Чтобы описать функционально-аксиологический «код» того или иного былинного сюжета, мы будем пользоваться следующими условными обозначениями.

Личная слава (также молва, известность; греч. *κλέος*) — предельная ценность эпического сознания для многих народов мира, имеющая нематериальный характер и побуждающая современников и потомков помнить об удивительных событиях, связанных с именем конкретного героя — **К**.

Способы достижения славы эпическим протагонистом различны:

- «совершивший небывалое в детстве» — **К₁**;
- «доказавший первенство в своём искусстве» — **К₂**;
- «смело преступивший закон, положенный смертным» — **К₃**;
- «добившийся от врагов материальной компенсации за бесславие или бесчестие» — **К₄**;
- «обесславивший врагов удивительным образом» — **К₅**;
- «казнивший врагов удивительным способом» — **К₆**;

²⁸ Подробнее об этом см.: *Миронов А. С.* Изменение ценностного центра героя как смысл былинного мотива // *Litera*. — 2020. — № 1. — С. 75–93.

- «добывший удивительное имущество» — K_7 ;
- «отнявший (ценное) имущество у прославленного врага» — K_8 ;
- «победивший удивительного врага» — K_9 ;
- «победивший властителя» — K_{10} ;
- «победивший вражеское войско или враждебно настроенное сообщество» — K_{11} ;
- «заполучивший чужую удивительную или недоступную невесту или жену по её доброй воле, однако вопреки сопротивлению членов её семьи» — K_{12} ;
- «неосквернённый, праведный» — K_{13} ;
- «нарушивший законы природы или богов» — K_{14} ;
- «стяжавший бессмертие» — K_{15} .

Общая, коллективная слава всего национального богатырства как молва о сообществе героев, совершающих удивительные деяния (в том числе своего рода «грозная известность», удерживающая иноземных властителей от завоевательной активности), складывающаяся из сообщений о подвигах, исполняемых не в личных интересах эпических персонажей, но бескорыстно, по велению сердца, во славу Божию (греч. $\Delta\acute{o}\xi\alpha$) — Δ .

- Слава Божия как молва о бескорыстной помощи страдающему человеку — Δ' ;
- Слава Божия как общая слава сообщества христиан — Δ'' ;
- Слава Божия как слава о чуде Божиим — Δ''' .

Личная честь (греч. $\tau\acute{\iota}\mu\eta$) — личный «рейтинг» обладателя ценного имущества (а также материально-знаковых благ), который увеличивают трофеи, почести и дары властителей, полученные персонажем в качестве платы за совершённые им подвиги — $\tau(K)$. Слагаемые личной чести таковы:

- достойный предок — $\tau_1(K)$;
- достойный сородич — $\tau_2(K)$;
- достойное положение в сообществе (особое место коня у коновязи, почётное место самого героя на пиру и т. д.) — $\tau_3(K)$;
- яства как почести — $\tau_4(K)$;
- пития как почести — $\tau_5(K)$;
- услаждение музыкальной игрой — $\tau_6(K)$;
- любовные ласки как почести — $\tau_7(K)$;
- особо ценный или чудесный конь — $\tau_8(K)$;
- особо ценный, необычный или прославленный доспех, драгоценное одеяние — $\tau_9(K)$;

- особо ценное, необычное или прославленное оружие — $\tau_{10}(\mathbf{K})$;
- знамя как почётный символ — $\tau_{11}(\mathbf{K})$;
- богатое жилище, драгоценный шатёр, блестящая свита — $\tau_{12}(\mathbf{K})$;
- исключительный по своим достоинствам слуга, вассал или же подчинённый — $\tau_{13}(\mathbf{K})$;
- табуны, корабли, земельные угодья — $\tau_{14}(\mathbf{K})$;
- золото, драгоценные украшения — $\tau_{15}(\mathbf{K})$;
- дружина, личное войско или отряд — $\tau_{16}(\mathbf{K})$;
- красавица (любовница, наложница или жена) — $\tau_{17}(\mathbf{K})$;
- достойный наследник — $\tau_{18}(\mathbf{K})$;
- власть — $\tau_{19}(\mathbf{K})$;
- трансцендентный покровитель или слуга; трансцендентный помощник — $\tau_{20}(\mathbf{K})$.

Честь другого — честь внешней по отношению к герою реалии: материальной святыни, чтимого и защищаемого общественного института или Божьего установления на земле — $\tau(\Delta)$. Следующая система обозначений позволяет учесть, какая именно реалья почитается персонажем:

- трапеза, хлеб, вино — $\tau_1(\Delta)$;
- спящий или немощный человек — $\tau_2(\Delta)$;
- нищий (нищенство как таковое) — $\tau_3(\Delta)$;
- сиротство — $\tau_4(\Delta)$;
- вдовство — $\tau_5(\Delta)$;
- девичество — $\tau_6(\Delta)$;
- обручница, обручник (обручение как таковое) — $\tau_7(\Delta)$;
- мать, дитя (материнство как таковое) — $\tau_8(\Delta)$;
- отец, предок (отцовство как таковое) — $\tau_9(\Delta)$;
- побратим, крёстный (побратимство, крёстное родство как таковое) — $\tau_{10}(\Delta)$;
- национальное богатейство как общественный институт — $\tau_{11}(\Delta)$;
- законная власть — $\tau_{12}(\Delta)$;
- законный брак (как церковное таинство) — $\tau_{13}(\Delta)$;
- церковная служба, церковное пение, колокольный звон — $\tau_{14}(\Delta)$;
- святые иконы, святые мощи — $\tau_{15}(\Delta)$;
- святые отцы — $\tau_{16}(\Delta)$;
- Божий храм, монастырь — $\tau_{17}(\Delta)$;
- православная вера — $\tau_{18}(\Delta)$.

Сила — особый «талант», способность совершать (исключительные) поступки (греч. *ἐνέργεια*), понимаемая как личное (природное или приобретённое) право на личную же честь и личную славу — $\epsilon(\mathbf{K})$.

Сила также может быть направлена на защиту страдающих людей и святых, чтимых реалий — $\epsilon(\Delta)$. В этом случае сила мыслится как полученный свыше дар, обязывающий к служению и предполагающий ответственность за свою практическую реализацию.

Разновидности эпической силы следующие:

- врождённая телесная сила — $\epsilon_1(\mathbf{K})$ или $\epsilon_1(\Delta)$;
- красноречие, владение нормами этикета, «вежество» — $\epsilon_2(\mathbf{K})$ или $\epsilon_2(\Delta)$;
- красота, очарование — $\epsilon_3(\mathbf{K})$ или $\epsilon_3(\Delta)$;
- богатство — $\epsilon_4(\mathbf{K})$ или $\epsilon_4(\Delta)$;
- талант зодчего — $\epsilon_5(\mathbf{K})$ или $\epsilon_5(\Delta)$;
- мастерство наездника — $\epsilon_6(\mathbf{K})$ или $\epsilon_6(\Delta)$;
- меткость (при стрельбе из лука и проч.) — $\epsilon_7(\mathbf{K})$ или $\epsilon_7(\Delta)$;
- умение играть на музыкальных инструментах — $\epsilon_8(\mathbf{K})$ или $\epsilon_8(\Delta)$;
- умение играть в шахматы, шашки и т. д. — $\epsilon_9(\mathbf{K})$ или $\epsilon_9(\Delta)$;
- ловкость, быстрота, смелость-отвага, устрашающий напор — $\epsilon_{10}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{10}(\Delta)$;
- владение ворожкой, магией; оборотничество — $\epsilon_{11}(\mathbf{K})$;
- мудрость, хитроумие, умение отгадывать загадки — $\epsilon_{12}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{12}(\Delta)$;
- стойкость, смелость-неустранимость, выдержка — $\epsilon_{13}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{13}(\Delta)$;
- могучий слуга, подчинённый или помощник, удивительный конь — $\epsilon_{14}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{14}(\Delta)$;
- могучий родич, побратим или крёстный — $\epsilon_{15}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{15}(\Delta)$;
- дружина, войско — $\epsilon_{16}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{16}(\Delta)$;
- дар молитвы $\epsilon_{17}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{17}(\Delta)$;
- трансцендентный покровитель (святой или демон) — $\epsilon_{18}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{18}(\Delta)$;
- харизматическая сила — $\epsilon_{19}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{19}(\Delta)$;
- терпение, выдержка, мужество, стойкость к соблазнам и страстям — $\epsilon_{20}(\mathbf{K})$ или $\epsilon_{20}(\Delta)$.

Наконец, ключевой инструментальной ценностью эпического сознания является *героический гнев*. *Гнев условно «языческий»* — это переживание бесславия или желание ещё большей личной славы,

заставляющее героя совершать поступки для распространения молвы о себе самом (др.-греч. [в частности, у Гомера] *μῆτις*) — **μ(-К)**.

Гнев как реакция на личное бесчестие или недостаточное, по мнению героя, чествование его властителем или обществом (т. е. чествование, не соответствующее высокому уровню его силы) — **μ(-τК)**.

Гнев праведный (в былинах — «сердце богатырское», «обида») как эмоциональное переживание бесчестия (греч. *θυμός*), нанесённого другому; благородная ярость, связанная с чувством сострадания, побуждающая совершать подвиги не в личных интересах, но зачастую вопреки им, по велению сердца, во славу Божию — **θ(-Δ)**.

Гнев как благочестивая ревность о чести религиозной святыни (материальной или же нематериальной), побуждающая защищать эту святыню с риском для собственной жизни — **θ(-τΔ)**.

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Проанализировав по изложенному выше плану былинный сюжет об исцелении Ильи Муромца, мы получаем следующие результаты.

Исходный ценностный статус главного героя в его начальном «аксиологическом возрасте» характеризуется отсутствием телесной силы $-\epsilon_1$. Однако за протагониста молятся его родители, т. е. он обладает инструментальной «энергией» молитвы, возносимой другими людьми:

И ушли-то ёго родители во Божью церквú,
И молились-то они да ведь как Богу-ту,
И просили-то ему они здоровьца.

Откликом на родительскую молитву становится посещение Ильи Христом и апостолами (в вариантах: ангелами, святителем Николаем) под видом нищих странников, которые просят у героя поднести им напиток.

Предельная ценность, мотивирующая протагониста, — страдающий человек $-\Delta$ (калики перехожие, «нищая братия») и нищенство «Христа ради» как таковое, расцениваемое в качестве «честной» реалии, одного из священных Божьих установлений на земле.

Герой оказывается в ситуации ценностного выбора: помочь страдающим, подвергнув себя если не смертельному риску, то по меньшей мере угрозе осмеяния, личного беславия (в случае падения с печи) — либо избежать опасности ($-(\neg K)$), но вопреки велению сердца преступить (тем более в великий церковный праздник) заповедь Христа ($-\tau_3(\Delta)$), велевшего видеть Его в каждом нищем, просящим подаяния²⁹.

Ценностный выбор, сделанный Ильёй, можно описать при помощи неравенства аксиологических величин:

$$-(\neg\Delta)+\tau_3(\Delta)-K > -(\neg K) - \Delta - \tau_3(\Delta)$$

Сердце персонажа исполняется любовью-жалостью, состраданием $\theta(-\Delta)$; эта эмоция побуждает его совершить бескорыст-

²⁹ «...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 40).

ный поступок (заметим, что калики не обещают вознаграждения за помощь). Поскольку физические возможности героя ничтожны, его попытка спуститься с печи уже есть подвиг ради ближнего, и Бог откликается на такое движение сердца, придавая протагонисту силу. Как следствие, вся физическая мощь исцелённого Ильи есть «энергия» не естественная $\epsilon_1(\mathbf{K})$, данная при рождении, но харизматическая $\epsilon_{19}(\Delta)$, чудесная, как бы «заёмная» у Бога: герой призван распоряжаться ею не в личных интересах, но исключительно для защиты святынь и помощи ближним.

Илья перечисляет материальные и нематериальные святыни, для защиты которых он будет использовать полученный от Бога дар. Это — православная вера $\tau_{18}(\Delta)$, церкви $\tau_{17}(\Delta)$, честное вдовство $\tau_5(\Delta)$ и сиротство $\tau_4(\Delta)$:

«А ишше мог я бы стоять за веру православную,
А за те же за церкви да я за Божьи нонь,
А за те за поцётные монастыри,
А за тех я за вдов за благоверных,
А за ту сироту я да маломожонну».

Когда нищие велят Илье приобрести горбатого, «худого» жеребчика, герой уже знает, что перед ним не простые странники, но исцелившие его святые слуги Божии (предельная ценность $\tau_{16}(\Delta)$ в аксиосфере персонажа христианского типа). Илья из почтения к ним выполняет наказ, хотя публичное появление на уродливом коне не только чревато персональным бесчестьем $-\tau_8(\mathbf{K})$, но и угрожает осмеянием, позором, т. е. личным бесславием $-\mathbf{K}$. Жеребчик, однако, превращается в могучего коня, что обеспечивает герою дополнительную чудесную «энергию» $+\epsilon_{14}(\mathbf{K})$.

Как можно видеть, поступки протагониста приводят к благоприятным последствиям: богатырь не только остаётся верен предельным ценностям, побудившим его действовать, но и восполняет нехватку телесной силы обретением силы харизматической. Наблюдая за развитием сюжета, слушатели убеждаются в том, что ценностный выбор, сделанный главным героем, является адекватным самой реальности, т. е. верным. Как следствие, в рассматриваемой былине укрепляется «курс» следующих аксиологических категорий:

- ближний, страдающий человек Δ ;
- нищенство «Христа ради» $\tau_3(\Delta)$;
- святые люди, слуги Божии $\tau_{16}(\Delta)$;

- «сердце богатырское» как способность испытывать сострадание и благочестивую ревность о религиозных святынях $\theta(-\Delta)$;
- родительство (материнство, отцовство) $\tau_8(\Delta)+\tau_9(\Delta)$;
- молитва, молящийся человек $\varepsilon_{18}(\Delta)$;
- харизматическая сила, получаемая свыше для подвигов сострадания и защиты религиозных святынь $\varepsilon_{19}(\Delta)$;
- сила богатырского коня $\varepsilon_{14}(\Delta)$, не обладающего внешними достоинствами, которые могли бы обеспечить личную честь его владельцу;
- православная вера $\tau_{18}(\Delta)$, церкви $\tau_{17}(\Delta)$, честное вдовство $\tau_5(\Delta)$ и сиротство $\tau_4(\Delta)$.

В результате мы имеем следующую формулу ценностного кода, характеризующего сюжет об исцелении Ильи Муромца (знаки равенства отмечают момент совершения ценностного выбора; первый поступок — решение спуститься с печи, второй — приобретение «худого» коня):

$$\begin{aligned}
 & -\varepsilon_1+\tau_8(\Delta)+\tau_9(\Delta)+\varepsilon_{18}(\Delta)-\Delta+\theta(-\Delta)+\theta(-\tau_3\Delta)+(-K) = \\
 & = +\varepsilon_{19}(\Delta)-(-\Delta)+\tau_{16}(\Delta)-\tau_8(K)-K = \\
 & = +\varepsilon_{14}(\Delta)+\tau_3(\Delta)+\tau_{18}(\Delta)+\tau_{17}(\Delta)+\tau_5(\Delta)+\tau_4(\Delta)
 \end{aligned}$$

Приведём её расшифровку: герой, лишённый телесной силы, но имеющий родителей, которые молят о нём Бога, искренне сострадает ближним; он всем сердцем отвергает возможность нанести ущерб святыне нищенства «Христа ради» и, будучи готов пережить личное бесславие, совершает продиктованный благочестием поступок.

Этот поступок обеспечивает ему прилив харизматической силы и позволяет прекратить страдания ближних. Герой чтит святых слуг Божьих, оказывает им послушание и выбирает себе по их совету уродливого жеребца, само обладание которым равносильно бесчестию и бесславию.

Тем не менее исполнение наказа святых позволяет герою обрести чудесного коня, что даёт ему возможность выступить на защиту православной веры.

Таким образом, внеэстетическая ценностно-корректирующая функция рассматриваемого сюжета заключается в девальвации концепта телесной силы как начала, дающего личное право на славу и почести, при одновременном утверждении в сознании слушателей ценности харизматической силы, которую возможно использовать лишь альтруистически: для защиты страдающих людей и религиозных святынь.

Задача певца — утвердить в «ценностном центре» слушателя доминанту «на лицо другого»: предельную ценность ближнего. Такая функция сюжета позволяла использовать его для самой широкой аудитории, в том числе детской; особенно эффективным акт фольклорной коммуникации был, вероятно, в тех случаях, когда певца слушали физически крепкие и при этом склонные к агрессии молодые люди.

Сюжет об обретении Ильёй силы имеет концептуальное значение, поскольку знакомит слушателей с христианским пониманием эпического героя. Такой герой действует не ради личной славы и добычи — в отличие от персонажей дохристианских и нехристианских эпосов (или, как в случае с героической поэзией западноевропейских народов, персонажей, нацеленных на идеал «ветхого человека»). Получение силы от самого Христа и апостолов — не просто «легенда», с помощью которой народ пытался объяснить происхождение необычайной силы Ильи³⁰, но своего рода смысловое зерно, определяющее особенный характер богатыря. В этом сюжете важно то, что отличает Илью Муромца от множества других протагонистов национальных героических песен, которые получают телесную силу от природы или же благодаря волшебству: будучи «перекованы» или «перепекаемы» в печи, погружаемы в кровь дракона или в воды священного источника. Отличие заключается прежде всего в том, что сила Ильи имеет духовное происхождение, не «накладываясь» при этом поверх его врождённой или добытой благодаря магии физической мощи. Илья не обладает собственной силой; следовательно, каждое его действие должно быть направлено на исполнение воли Того, кто дал ему саму возможность действовать. Певец нехристианского эпоса, его традиционная аудитория и сам герой, соответствующий модели «ветхого человека», воспринимают силу как личный «актив» её обладателя; последний волен распоряжаться этим качеством по собственной прихоти. Когда Сигурд «Саги о Волсунгах» получает от Одина чудесный меч и становится непобедимым, этот персонаж расценивает своё новое качество как нечто присущее ему по праву избранного, по воле судьбы, призвавшей его к стяжанию бессмертной славы. Иначе воспринимает свой дар Илья Муромец: не как «актив» или «бонус», но как обязанность, бремя.

«Калики» говорят Ильёе о том, что ему «смерть не писана» в чистом поле, в бою; сказанное, однако, не является гарантией

³⁰ См. в частности: *Астахова А. М.* Примечания // *Илья Муромец*. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — С. 450.

неуязвимости, данной раз и навсегда: Илья непобедим, пока он исполняет возложенную на него миссию, т. е. является орудием Божьей воли. Сила, приданная герою свыше, может быть отнята при попытке использовать её в корыстных целях (пример такого недостойного применения харизматической силы мы обнаруживаем, в частности, в былине про Илью и Святогора).

Былина об исцелении Ильи Муромца малособытийна; в ней отсутствует антагонист, а время и пространство сжато в границах нескольких часов и нескольких вёрст; единственный конфликт здесь — конкуренция аксиологических доминант во внутреннем мире героя. Поэтому сюжет имеет в определённом смысле манифестирующее значение; внимание слушателя сосредоточено на ценностном выборе протагониста, на противопоставлении конкурирующих концептов богатырской силы и, шире, двух типов богатырства.

В. Ф. Миллер сравнивал этот былинный сюжет с якутскими, вотяцкими, литовскими и др. сказками. Никак не обосновывая презумпцию первичности сказочного материала и не обнаруживая в сказках об исцелении богатыря упоминаний о Муромской земле и селе Карачарове, исследователь приходил к парадоксальному выводу, согласно которому фабула былины является изначально сказочной³¹, отмечая в то же время, что «исцеление Ильи неизвестно и древнейшим записям былин о нем, относящимся к XVII и началу XVIII века»³². Другие исследовали также полагали, что повествование об исцелённом сидне начало ассоциироваться с Ильей Муромцем уже на позднейшем этапе живого бытования русского героического эпоса. По мнению сторонников такого взгляда, в большинстве записей былины об исцелении Ильи стихотворная форма находится «в состоянии уже разлагающемся»³³, а в отдельных регионах вообще заместились формой прозаической³⁴. Однако даже с мнением В. Ф. Миллера, указывавшего на то, что и в сказках встречается «приобретение силы посредством питья» и полагавшего, что сюжет «зашел к олонецким сказителям из сказок»³⁵,

³¹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. — М. : Институт русской цивилизации, 2015. — С. 522 и далее.

³² Миллер В. Ф. Указ. соч. С. 550.

³³ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское: Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. — СПб. : Тип. Н. Н. Михайлова, 1869. — С. 169.

³⁴ Астахова А. М. Примечания // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — С. 449.

³⁵ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. — М. : Институт русской цивилизации, 2015. — С. 547.

мы вынуждены не согласиться. Сказки — материал по сравнению с героическим эпосом гораздо более изменчивый, незащищённый ни статусом «старины», оберегаемой от искажений при передаче, ни строгостью поэтической формы, а потому чрезвычайно подверженный новациям — в принципе, по нашему убеждению, не могут быть привлечены к сравнению с былинами; всякое сходство сказки с былиной скорее объясняется заимствованиями из былинного материала, обогащавшими репертуар народных исполнителей.

Результаты аксиологического анализа свидетельствуют о том, что сюжет об исцелении органичен для аксиосферы русского эпоса, поскольку утверждает специфический концепт силы как бремени бескорыстного служения, — концепт, неизвестный волшебной сказке. Герой сказки при помощи чудесной силы — порой будто невольно, но всё же с неизменным успехом — стяжает личную честь (красавицу, богатство, царскую власть). Если герой сказки помогает страдающему существу, это оказывается лишь средством для достижения корыстной цели, обеспечивая покровительство чудесного патрона, тогда как в былинах об Илье Муромце страдающее существо самоценно: ближний является не инструментальной, но предельной ценностью.

Уникальность былинного концепта силы, раскрытого в сюжете об исцелении сидня, заключается ещё и в том, что эта невиданная сила («новая» как для «сказочного» сознания, так и для нехристианского эпического) имеет ценность только в том случае, если может быть направлена отнюдь не на «великие» подвиги, совершаемые ради личной чести и славы, но на лишённое смысла (для «ветхого человека») служение вдовам и нищим, сирым и несправедливо обиженным, т. е. на подвиги деятельного сострадания. Поэтому эпические калики переходящие «умалют» вполнину колоссальную силу, полученную героем после первого глотка ключевой воды. В понимании сказочника, чем больше силы у богатыря, тем лучше; иначе в былинах. Былина не ценит силу, даже чудесную и харизматическую, если она не может быть (как, например, в случае Святогора) применена к миру простых людей, нуждающихся в помощи богатыря. Заметим, что «отнятие» каликами половины силы, первоначально данной Илье Муромцу, перекликается с нежеланием того же героя принять всю силу от Святогора; идея получения силы в ограниченном объёме глубоко органична для русского эпоса и никак не могла перейти в былинку из волшебной или богатырской сказки.

Что же касается отсутствия большого количества записей рассматриваемого сюжета в стихотворной форме вне контаминации

с сюжетом о первой поездке Ильи Муромца, то в связи с этим вновь необходимо указать на «малособытийность» былины и прежде всего на отсутствие в ней антагониста. Богатырский поступок в этом случае выглядит необычно, ведь в центре композиции — всего лишь акт сострадания, вызвавший решение сидня спуститься с печи. С одной стороны, подобная организация песни позволяла сказителю привлечь внимание слушателя к глубокому внутреннему смыслу события, которое внешне выглядит как обычный акт милосердия. Однако, с другой стороны, небольшой объём произведения (не более 200 стихов) естественным образом способствовал тому, что старинщики соединяли его с повествованием о первой поездке героя.

Былина о первой поездке является, без сомнения, самой объёмной из старин про Илью Муромца (она включает такие эпизоды, как мощение дорог, а иногда и нападение станичников; описывает снятие осады с города и отказ протагониста от даров, предложенных спасёнными жителями; повествует о встрече с Соловьём, а затем с его детьми и женой; о появлении богатыря в Киеве на пиру и о реакции киевского общества на незнакомца; о проверке способностей Соловья, казне последнего и о решении по поводу того, как именно следует распорядиться его богатством). Учитывая это, можно предположить, что многим певцам представлялось возможным изложить историю про исцеление побывальщиной, т. е. как бы скороговоркой, превращая её в своего рода прозаический пролог большой старины о первой поездке, что вполне соответствует «манифестирующей» функции начального сюжета. История об исцелении, будучи концептуально значимой и потому неотъемлемой составляющей эпического контекста — общего «знания» традиционной аудитории, — была известна подавляющему большинству слушателей, поэтому сказывать её отдельно имело смысл только в том случае, если старинщик выступал перед маленькими детьми.

В плане функциональной поэтики следует обозначить образы-символы, указывающие слушателю на ключевые элементы данного в сюжете ценностного кода. Во-первых, в результате неожиданной перемены ролей просящим милостыню оказывается сам Илья Муромец:

«Я не то тебе подать, да готов сам принять».
Говорит на то калика да перехожая:
«Есле готов ты принять, дак я тебе подам».

Образ Ильи-нищего — одинокого странника, путешествующего без коня и без оружия, в бедной одежде, с одним посохом в руке, — получит глубокую проработку в сюжете про Илью и Идолице. Подобно тому как Христос и апостолы под видом нищих явились к протагонисту, сам богатырь в каличьей одежде явится в Царьград, чтобы защитить нищую братию от Идола, запретившего просить милостыню именем Христа, — то есть, по сути, встанет на защиту тех, кто в своё время исцелил его и даровал ему силу.

Ценностное содержание эпического пролога, сам его смысл и представление о причинно-следственных связях этой песни с событиями других былин о «старом казаке», с грядущими эпизодами эпической биографии Муромца утрачиваются, если певец «забудет» о том, что исцеление Ильи происходит в канун одного из Господских праздников (к каковым относятся Рождество и Крещение, Пасха и Преображение); если слушатели не узнают о том, что родители сидня молили Бога о даровании ему здоровья.

Между тем смысл былины не будет утрачен, если певец не сообщит слушателю о том, что явившиеся Илье странники — не просто нищие, но сам Христос с апостолами, потому что в любом нищем христианину следует видеть самого Спасителя. Простые нищие являются слугами Божьими, через которых реализуется Его замысел об Илье Муромце. И если калики перехожие — это слуги Бога или сам Спаситель, то представляется оправданным использование для исцеления не «питьеца медвяного», как в варианте Л. Богданова, не «кваса» либо «пива»³⁶, как в испорченных прозаических пересказах, но — как в лучших вариантах³⁷ — воды и хлеба (т. е., на языке былин, «дара Божьего»), которые в восприятии каждого православного человека непременно связывались и связываются со святой водой и святой просфорой (богослужебным хлебом, используемым для таинства Евхаристии, а также во время Проскомидии).

Горбатый и «некрасивенькой», «худой» и «немудрой» жеребчик, которого Илья заботливо выхаживает и который превращает-

³⁶ Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 51 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 319.

³⁷ Илья Муромец: [Былина] № 1/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Типография А. Семена, 1860. — С. 1–3; Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 42 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 180–186; Илья Муромец: [Былина] № 53 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 221–230; Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 54 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 327–333.

ся в богатырского коня, способного перескакать через городские стены, — суть образ, символизирующий самого витязя, призванного к великому служению из состояния немощи и ничтожества. Если герою нехристианского типа необходим удивительный и прекрасный конь, по возможности, необычный — достойный своего могучего всадника и свидетельствующий о высоком уровне личной чести последнего, то «косматенький» конь Ильи не может быть предметом гордости, он не будет объектом зависти и желанной добычей для соперника. «Бурушко-косматушко» категорически не соответствует общеэпическому представлению о богатырском коне — подобно самому Илье Муромцу, каждый поступок которого разрушает канон поведения, предписанный любому нехристианскому эпическому герою.

Помимо утверждения указанных выше аксиологических доминант (страдающий человек и христианские святые), а также девальвации ценности личной чести (в компоненте $-\tau_8(\mathbf{K})$ «драгоценный, чудесный конь»), певец имел возможность использовать рассматриваемую былинку для утверждения ценности послушания святым отцам, слугам Божиим, а также инструментальной ценности доброго богатырского коня, который необязательно должен обладать привлекательной внешностью.

Следует обратить внимание и на то, что былина об исцелении Ильи Муромца игнорирует следующие обязательные для нехристианской героики ценностные категории:

— достойный предок, достойный сородич, достойное положение в сообществе — $\tau_1(\mathbf{K}), \tau_2(\mathbf{K}), \tau_3(\mathbf{K})$;

— яства и пития как почести — $\tau_4(\mathbf{K}), \tau_5(\mathbf{K})$.

Важно подчеркнуть, что на протяжении будущей эпической биографии Ильи Муромца ни одна из этих ценностей не будет иметь значения для богатыря. Он не будет добиваться более высокого социального статуса за счёт брака с королевной или представительницей знатного и богатого рода (в отличие от Дуная Ивановича, Вольги Всеславовича, Михайло Потыка, Ивана Годиновича, Хотена Блудовича); не будет судить о силе богатыря по количеству съеденного и выпитого последним (в отличие от Тугарина и Идолища). Структура «ценностного центра» героя в этом плане останется неизменной, что лишний раз доказывает: сюжет об исцелении и обретении Ильёй силы — не позднейший домысел исполнителей, обусловленный влиянием волшебной сказки, но органичный и концептуально значимый элемент русского героического эпоса.

В мировой эпической поэзии наиболее близкое соответствие рассматриваемому сюжету в аксиологическом плане представляет

собой византийский воинский эпос IV века, древнейший известный науке памятник христианской гекзаметрической поэзии — «Видение Дорофея сына Квинта поэта», сохранившийся в записи на папирусе из Бодмеровского собрания (Par. Bodmer, 29) и написанный в стилистике гомеровских поэм.

Во второй части «Видения...» протагонист, подвергшийся бичеванию, окровавленный и обессиленный, несмотря на неприглядный внешний облик и немощь, призывается к служению — охранять ворота, ведущие в замок Христа: «Был я в крови весь, постыдно... / Так возле двери стоять... / Но терпел я и то, что блаженные мне повелели, / Делал, ибо казалось, что мне это было полезно» (199–202)³⁸.

Проявив стойкость в унижении, герой получает в награду новую силу от Бога, для того чтобы защищать честь религиозной святыни $\tau_{17}(\Delta)$. При этом Дорофей исцеляется и даже становится выше ростом. Примечательно, что для исцеления персонажа используется святая вода:

Он окрестил меня, и после этого все мои члены
Выросли вмиг, и мужи, на меня взирая, дивились,
Видя, что сделался я исполином, мужем могучим.
[Лучшим?] из всех, наделен был и мужеством несокрушимым.
(232–235)

Дорофей вместо физической силы обретает силу харизматическую, отныне он превосходит остальных воинов и служителей в крепости Христа. Однако Христос оставляет героя простым стражем при вратах («И приказал мне стоять при дверях...» [294]), подобно тому как переходящие калики, наделив Илью Муромца сверхчеловеческой силой, вскоре ограничивают её и призывают героя к смиренному труду: оказать помощь родителям на «работушке хлебопашеской», расчистить пожню, огородить хлеб от скота.

В «Видении Дорофея» Христос призывает протагониста служить простым привратником, напомнив ему о ценности врат Божьего чертога («...нетленна чертога ограда» [322]) — святыни, которую следует чтить и оберегать. В свою очередь, нищая братия призывает Илью к служению святыням отцовства и материнства.

³⁸ Здесь и далее цитируется перевод Т. Л. Александровой: *Александрова Т. Л. Видение Дорофея* (Par. Bodmer, 29) // Вестник ПСТГУ. — Серия 3: Филология. — 2019. — № 59. — С. 57–72. (В скобках после каждой цитаты указываются номера строк по русскому переводу.)

Чтобы сохранить, «удержать» в себе харизматическую силу, христианскому герою, согласно «Видению Дорофея...», необходимо соблюдать определённые правила. Первое правило — «всех почитай» в доме Христа (246) — утверждает новое, христианское понимание чести (точнее, права на чествование). Честь, в соответствии с этим подходом, не может быть личной характеристикой самого героя; честь для христианина — всегда «честь другого», атрибут внешних реалий, святынь. Именно такое, характерное для христианского героического эпоса понимание чести мы обнаруживаем в сюжете об исцелении Ильи Муромца: принимая силу, герой перечисляет святыни, защите которых он намерен посвятить свою жизнь.

В «Видении Дорофея» содержится заповедь, совершенно невысказанная для эпического героя-язычника, принципиально несовместимая с дохристианским пониманием силы. Протагонист узнаёт о том, что силу, полученную от Бога, можно использовать только для защиты ближнего или святыни, истины веры, но не в личных интересах.

Христианское понимание героической силы как бремени служения исключает возможность тщеславной зависти: «пусть ни один, кто чувствует зависть³⁹, / Не призывает бессмертного Бога» (257–258). Беззаконной, кощунственной является и молитва о победе, если герой хочет одержать верх лишь для того, чтобы стяжать личную славу и завладеть чужим имуществом, а также получить почести и дары от того властителя, которому служит.

Если для нехристианского эпического сознания весьма важной оказывается инструментальная ценность героического гнева, испытываемого персонажем при ощущении недостаточной личной чести или личной славы, то певец «Видения...» пытается заместить этот концепт христианской ценностью «чистого желания»: сердечного рвения ради ближнего или религиозной святыни.

Герой, свободный от честолюбия и воспринимающий полученную свыше силу как призвание к бескорыстному служению Богу и ближнему, не может испытывать корыстных желаний (т. е. вожделеть даров, почестей, трофеев, а также превозноситься над другими людьми). Поскольку его устремления чисты и соответствуют воле Божьей, такой герой непременно получит желаемое: «Ибо (поскольку, в том случае если. — А. М.) твой

³⁹ В английском переводе (*Kessels A. H. M., van der Horst P.W. The Vision of Dorotheus [Pap. Bodmer 29]. Edited with Introduction, Translation and Notes // Vigiliae Christianae. — № 41. — 1987. — Pp. 313–359*) точнее: не «из зависти», но «vaingloriously» (258), т. е. «тщеславно», «в тщеславии», или даже «подавшись тщеславию».

ум непорочен <...> / Даст тебе Бог, что в сердце своем ты желаешь» (252–253). Таким образом, протагонист может уверенно рассчитывать на помощь Бога: «“Иисус ведь скале железной подобен”» (263). При «переводе» этого правила на язык русского эпоса мы получаем обетование, данное каликами: тому, кто воспринимает свою силу как бремя бескорыстного служения, в бою «смерть не писана».

В «Видении...» обнаруживаем и другую ключевую инструментальную ценность христианского эпического сознания: концепт молитвы, которую возносят за героя другие люди. Для победы важно, «чтоб о тебе в веселии также и старцы молиться / Начали» (251–252). Именно такие молитвы обеспечивают протагонисту «Видения...» прилив харизматической силы. Этот христианский эпический концепт в его неизменном виде обнаруживаем и в былинном сюжете об исцелении Ильи Муромца — героя, который исцеляется и обретает силу по молитвам своих благочестивых родителей.

Инструментальная ценность харизматической, данной свыше силы как призвания к служению $\epsilon_{18}(\Delta)$ становится доминантой «ценностного центра» героев и византийской поэмы, и русской былины; она равно возрастает в сознании слушателей и «Видения...», и «Исцеления...». Кроме того, в обоих случаях певец утверждает в «ценностном центре» слушателей аксиологическую категорию христианских святынь: прежде всего, православной веры $+t_{18}(\Delta)$. Поэт «Видения...» оказывает на ценности своей аудитории такое же воздействие, какое стремится оказать на души своих слушателей старинщик, исполняющий былинку об исцелении Ильи Муромца.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

Исходный ценностный статус главного героя в его начальном «аксиологическом возрасте» характеризуется наличием харизматической силы $\epsilon_{19}(\Delta)$. Родители напоминают богатырю о том, что его сила получена от Бога по обету, «обещанию», из чего следует, что он не может распоряжаться ей по своему усмотрению:

«Когда ты было у нас хворо-нездоровое,
Много об тебе мы обещалися:
Когда будешь ты у нас живой-здоровой,
Когда будешь ездить по полю по чистому,
Не проливай ты напрасно крови человеческой».

Свою силу Илья намерен использовать для восстановления перекрытого Соловьём-разбойником доступа православных людей к святыням Киева: храмам и монастырям, «спасенным пещерам» $\tau_{17}(\Delta)$, к мощам чудотворцев, к наследию святых отцов $\tau_{16}(\Delta)$, к чтимым образам $\tau_{15}(\Delta)$.

Протагонист принимает решение ехать в Киев «дорогой прямоежею» — отнюдь не для того, чтобы распространить молву о себе как о бесстрашном витязе, презревшем опасности и победившем злодея. Илья спешит, в первую очередь, к пасхальной обедне. Во-вторых, он желает послужить киевскому князю. Богатырь намерен по прибытии в столицу былинной Руси не только «помолиться чудотворцам киевским» и «постоять за веру Христьянскую», но и «заложиться за князя Владимира, / Послужить ему верой-правдою».

Перекрыв дорогу на Киев, Соловей-разбойник лишил эпическое Залесье связи не только с церковными святынями, но и с законным христианским правителем $\tau_{12}(\Delta)$. В частности, люди не могут послужить верой и правдой своему князю, взять на себя «работу богатырскую».

Наличие на пути помехи в виде Соловья-разбойника главный герой воспринимает не как личный вызов и не как возможность прославиться благодаря убийству знаменитого и непобедимого злодея, но как то, что не даёт православному народу отправлять насущные духовные потребности, т. е. как поругание самой христианской веры $\tau_{18}(\Delta)$.

Это отличает Илью от героев многих архаичных эпосов, которые ищут поединка со знаменитым противником только для того,

чтобы, победив, присвоить себе его славу (так, Гильгамеш выступает против Хумбабы отнюдь не потому, что последний совершил что-либо дурное). Илья не ищет встречи с Соловьём, он едет к пасхальной обедне и Соловья устранивает как бы мимоходом, поневоле. Отправляясь в путь, богатырь не испытывает героической ярости, не гневается на антагониста, потому что не хочет «мыслить злом на татарина», прежде чем убедится в его враждебности.

Выезд богатыря: тотальная девальвация дохристианского концепта личной чести

Стараясь исполнить родительскую заповедь, Илья предпринимает самые строгие меры: он запрещает себе, находясь в дороге, братья за оружие. Нередко пели, что он даже «приковывает» к седлу свою палицу. Слушатель былины убеждался в том, что Илья не воспринимает свою силу как личный «актив», как возможность прославиться, выказав превосходство в бою: герой как будто готов и вовсе отказаться от применения своего «таланта», стать неприметным паломником — одним из многих простых людей, путешествующих к святыням Киева. Готовность протагониста отвергнуть любое произвольное насилие способствует тому, что ключевая ценность дохристианского эпоса τ_{10} (К) девальвируется в сознании слушателей.

В сюжете раскрывается русское эпическое понимание богатырского доспеха, которое решительно отличается от дохристианского концепта τ_9 (К). Для условно «языческого» героя важен доспех, свидетельствующий о подвигах его владельца и распространяющий таким образом личную славу последнего. Поэтому Аяксу, Кухулину, Хильдебранду важен доспех, снятый с тела поверженного врага; по той же причине Зигфрид наносит на свой щит и одежду изображения поверженного им дракона. Доспех героя должен быть либо легендарным, напоминающем о некогда совершённом подвиге, либо подчеркнуто дорогостоящим, указывающим на высокий уровень личной имущественной чести того, кто им обладает. Иначе в былине: певец как бы извиняется перед своим слушателем за то, что упряжь богатырского коня содержит элементы, изготовленные из драгоценных материалов, их применение оправдывается надёжностью, «износостойкостью»:

Ай маханский шолк да не сорвется,
Как казанская медь да не ржавеёт.

Таким образом, былина последовательно отрицает ключевые компоненты, определяющие личную честь дохристианского эпического героя на первом этапе его становления. Если ранее, в сюжете об исцелении, девальвации подвергались ценности телесной силы, благородного, знатного происхождения $-\tau_1(\mathbf{K})$, $-\tau_2(\mathbf{K})$, $-\tau_3(\mathbf{K})$, обильных яств и изысканных напитков $-\tau_4(\mathbf{K})$, $-\tau_5(\mathbf{K})$, а также прекрасного коня $-\tau_8(\mathbf{K})$, то теперь эпический певец последовательно снижает значение следующих концептов:

— особо ценный, необычный или прославленный доспех, драгоценное одеяние $-\tau_9(\mathbf{K})$;

— особо ценное, необычное или прославленное оружие $-\tau_{10}(\mathbf{K})$.

В будущем Илья не изменит себе: он никогда не присвоит доспех поверженного противника, а сражаться будет тем, что буквально попало под руку, не испытывая нужды в волшебном — именном, заговорённом, уникальном — оружии (в отличие, например, от героев «Одиссеи» и «Рамаяны», якутских олонхо и бурятских улигеров, скандинавских саг и французской «Песни о Роланде»).

Таким образом, начало повествования о первой поездке Ильи Муромца в ценностном плане продолжает сюжет о его исцелении, расширяя набор девальвируемых ценностей «ветхого человека». В эпизоде у рощи к этому набору добавляются ещё две отвергнутые героем аксиологические категории:

— богатство (богатое жилище $-\tau_{12}(\mathbf{K})$, слуги $-\tau_{13}(\mathbf{K})$, табуны, корабли, уделы, уголья $-\tau_{14}(\mathbf{K})$, золото, драгоценные украшения $-\tau_{15}(\mathbf{K})$);

— красавица $-\tau_{17}(\mathbf{K})$.

Итак, «ценностный центр» протагониста в начале быliny имеет следующую структуру:

$$-\varepsilon_1(\mathbf{K})-\tau_1(\mathbf{K})-\tau_2(\mathbf{K})-\tau_3(\mathbf{K})-\tau_4(\mathbf{K})-\tau_5(\mathbf{K})-\tau_8(\mathbf{K})-\tau_9(\mathbf{K})-\tau_{10}(\mathbf{K})-\tau_{12}(\mathbf{K})-\tau_{13}(\mathbf{K})-\tau_{14}(\mathbf{K})-\tau_{15}(\mathbf{K})-\tau_{17}(\mathbf{K})+\varepsilon_{19}(\Delta)+\varepsilon_{14}(\Delta)$$

Для общеэпического сознания ценностный «портрет» русского богатыря совершенно невозможен; это портрет антигероя. Точнее — «недогероя»; того, кто ни при каких обстоятельствах не может считаться героем: перед нами некто, лишённый физической силы и родовой чести, не обладающий почётным местом в сообществе, не имеющий возможности усладить самого себя обильными яствами и изысканными напитками, также не имеющий достойного коня, драгоценного доспеха и сколько-нибудь примечательного оружия; человек, не добывший ни красавицы, ни богатства.

Этот *бесчестный* — с точки зрения дохристианского и нехристианского эпического сознания — «недогерой» не испытывает ни малейшего гнева в связи со своим низким уровнем личной чести и не пытается увеличить свою телесную силу при помощи волшебства, а также не стремится добыть прекрасного коня, захватить у кого-либо драгоценный доспех или уникальное оружие, жениться на прославленной красавице и разбогатеть:

$$-\mu(-\tau_{1+2+3+4+5+8+9+10+12+13+14+15+17}^{\mathbf{K}})$$

Илья Муромец мог бы использовать колоссальный ресурс себялюбивого героического гнева, который придаёт отвагу и умножает силу протагонистов нехристианских эпосов, созданных самыми разными народами мира, — от Сухраба и Рустама («Шахнаме»), Кухулина и Беовульфа до Гэсэра, Манаса и Мюльджю Бегё. Однако русский богатырь невысоко ценит подобную общеэпическую «энергию».

«Недогерой» обладает при этом непостижимой для языческого сознания харизматической силой $\epsilon_{19}(\Delta)$. Ценность такой силы в глазах «ветхого человека» ничтожна, так как её нельзя использовать в корыстных целях, для стяжания личной чести и личной славы. А во-вторых, у «недогероя» есть странный косматый конь, который с огромной скоростью преодолевает большие расстояния и способен перескакивать через городские стены. Однако персонаж «языческого» типа не может пользоваться этим чудесным конем $\epsilon_{14}(\Delta)$, ведь внешний вид животного не соответствует тому, как должен выглядеть прекрасный конь прославленного воина.

***Обновление «дорожки прямоезжей»:
православные святыни дорожке личной славы***

Как мы помним, в песне об исцелении свой первый героический поступок Илья совершил в отсутствие антагониста. И в былине о первой поездке начальное действие богатыря не связано с насилием: увидев, что путь к святыням Киева стал непроходимым, что «прямоезжая дорожка заколодела», т. е. заросла лесом, богатырь нарушает собственную заповедь не слезать с коня:

Тогда стал доброй молодец первой залог разрушивать, —
Слезавает со добра коня,
Левой-то рукой коня ведет,
Правой рукой дубья рвет, мосты мостит...

Неспособность соблюсти принятую на себя заповедь — позор для эпического героя нехристианского типа, однако Илья невысоко ценит собственную личную славу. Для него важнее православная вера, храмы и монастыри, святые образы. Если не слезть с коня и не расчистить дорогу, жители Залесья будут и дальше лишены доступа к следующим материальным и нематериальным святыням:

- церковная служба, пение, колокольный звон $-\tau_{14}(\Delta)$;
- святые иконы, святые мощи $-\tau_{15}(\Delta)$;
- святые отцы $-\tau_{16}(\Delta)$;
- Божий храм, монастырь $-\tau_{17}(\Delta)$;
- православная вера $-\tau_{18}(\Delta)$.

Итак, богатырём движет ревность о религиозных святынях $\theta(-\tau_{14+15+16+17+18}\Delta)$. Поскольку церкви, иконы и др. являются для Ильи Муромца предельной ценностью и превышают в его понимании цену его собственной жизни, то благочестивая ярость, вызванная попранием этих святынь, становится для «старого казака» мощным побудительным началом. Огонь богатырского сердца придаёт герою христианского типа смелость и силу — подобно тому как дух честолюбивого гнева и мстительной злобы придаёт смелость и силу персонажам «языческого» склада.

Ради святынь Илья нарушает собственную заповедь и жертвует личной славой, рискуя репутацией «праведного» героя, свято соблюдающего взятые на себя обязательства (K_{13}). Формулу сделанного им ценностного выбора можно записать в виде следующего неравенства:

$$\begin{aligned} & -(-\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta))-K_{14} > \\ & -(-K_{13})-\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta) \end{aligned}$$

Ценностный код первого аксиоматива этой былины (выезд героя, выбор им пути на росстани и мощение прямоезжей дороги) суть следующий:

$$\begin{aligned} & -\varepsilon_1(K)-\tau_1(K)-\tau_2(K)-\tau_3(K)-\tau_4(K)-\tau_5(K)-\tau_8(K)-\tau_9(K)-\tau_{10}(K)- \\ & \tau_{12}(K)-\tau_{13}(K)-\tau_{14}(K)-\tau_{15}(K)-\tau_{17}(K)-\mu(-\tau_{1+2+3+4+5+8+9+10+12+13+14+15+1} \\ & 7K)-(-\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta))+\theta(-\tau_{14+15+16+17+18}\Delta)+\varepsilon_1 \\ & 9(\Delta)+\varepsilon_{14}(\Delta) = -(-\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta))-K_{13} \end{aligned}$$

*Спасение жителей осаждённого города:
любовь как категорический императив*

Следующий эпизод былины — освобождение от «темной силушки» жителей осаждённого города, которые в праздничную пасхальную ночь не радуются, но плачут и прощаются с жизнью. Илья Муромец оказывается в ситуации ценностного выбора, когда на одной чаше весов находится его личная слава как героя, призванного соблюдать заповеди. Если в предыдущем эпизоде на другой чаше весов была ценность христианских святынь, почитание которых прекратилось из-за того, что прямоезжая дорога «заколodelа», то теперь поруганию подвергается не только ценность великого праздника — Воскресения Христова ($\tau_{14}(\Delta)$), но и аксиологическая категория страдающего человека Δ .

Сердце богатыря охвачено любовью, состраданием к жителям, и он ввязывается в бой с осаждающими. Для нехристианского эпического сознания мотивация протагониста необъяснима: «темная силушка» не нанесла лично Илье Муромцу никакого ущерба, за который следовало бы отомстить, тогда как победа над тремя царевичами не обещает выдающейся добычи (напротив, нарушение принятой на себя заповеди угрожает богатырю бесславием). Герой «языческого» типа в рассматриваемой ситуации не сможет разъяриться, у него нет оснований ощутить гнев $\mu(-\tau K)$, который умножит его силу и потому необходим для победы. Однако Илья Муромец вместо гнева испытывает другое, не менее сильное чувство — любовь-жалость, сострадание $\theta(-\Delta)$ к осаждённым, которые вместо того, чтобы переживать пасхальную радость, «во слезах тут да захлёбающеся»:

Закипело в ём сердце да молодецкоё,
Росходилась силушка богатырская,
Ищо оци-те ясны замутилисе,
Как горюция слёзы да покатилисе.
Говорил он таково́ слово́:
«Всяк кладёт заповедь — да не всяк исполняет!»

В былине, записанной от пудожского сказителя Трофима Романова, обнаруживаем, что певец счёл необходимым подчеркнуть следующий факт: Илья «разрушил заветы великие», так как ему «жаль стало мужиков» в осаждённом городе⁴⁰. В другом варианте акцент ставится на защиту религиозных святынь:

⁴⁰ Илья и Соловей // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. — М.: Сотрудник школ, 1910. — С. 293.

«А ведь надо постояти за веру верную,
А за тыи ли за церквы за соборныи!»

Использование «сырого дуба» для очистки земли от «поганой силушки» является попыткой хотя бы формально соблюсти заповедь: решить задачу, не прикасаясь к сабле, копыю, боевой палице. Илья действует привычным для крестьян способом; но если раньше сила использовалась для расчистки делянки или огораживания полей от скота, то теперь богатырь поднимается на новую ступень нравственного служения и переживает новый «прилив» чудесной силы $\varepsilon_{19}(\Delta)$. Эту силу Бог посылает герою в ответ на движение его сострадающего сердца совершенно таким же образом, как ранее Илья получил чудесную силу в ответ на жалость, проявленную им к каликам переходим. Слушатель былины убеждается: чем чаще богатырь проявляет сострадание, побуждающее его отважиться на безрассудный поступок, не задумываясь о том, что для победы заведомо не хватает собственных сил, — тем больше силы он получает от Бога.

Победив трёх царевичей, осадивших город, протагонист оказывается перед очередным ценностным выбором. Он может казнить попавших в плен властителей и тем самым обеспечить молву о себе самом как о воине, победившем сразу трёх представителей царского рода ($+K_{10}+K_{10}+K_{10}$), либо оставить царевичей в живых и отпустить их, надеясь, что те распространят в чужой земле молву о славном киевском богатырстве Δ'' .

Если Илья убьёт своих юных пленников, которые являются легитимными наследниками царского рода (пусть иноземного), то это станет поруганием законной, данной от Бога власти $\tau_{12}(\Delta)$. Как следствие, Илья делает выбор в пользу общей славы русских богатырей Δ'' :

А как головы снять, — царски сѣмины погубить.
Вы поедьте по свым местам,
Вы чините везде такову славу,
Што святая Русь не пустà стоит,
На святой Руси есь сильныи, могучи богатыри.

Ценностный код разобранного аксиоматива представлен ниже:

$$-\Delta - \tau_{14}(\Delta) + \theta(-\Delta) + \theta(-\tau_{14}\Delta) = +\varepsilon_{19}(\Delta) + \varepsilon_{14}(\Delta) - (-\Delta) - (-\tau_{14}(\Delta)) - K_{14} = +\tau_{12}(\Delta) + \Delta'' - K_{10} - K_{10} - K_{10}$$

Приведём расшифровку этого кода: герой, сталкиваясь с поруганием ценности страдающего человека и религиозной святости (праздника Пасхи Христовой), переживает острое чувство сострадания и праведный гнев — и сознательно рискует жизнью. Он немедленно получает свыше чудесную силу и с помощью могучего коня прекращает страдания людей и осквернение нематериальной святости, нанося при этом ущерб своей собственной личной славе из-за нарушения ранее принятой заповеди.

Приняв решение почтить святую законной власти и оставить пленных царевичей в живых, герой способствует общей славе русского богатырства и лишает себя личной славы, которую он мог бы стяжать как победитель и убийца сразу трёх представителей царского рода.

Жители освобождённого города предлагают богатырю дары («злато-серебро», «золотой казны несчетныя») и просят его стать их князем, воеводой и т. п. Здесь мы видим попытку оценить миссию Ильи, так сказать, земными мерками: по сути, черниговские (быкетовские, смолягинские, латинского или сибирского царства) жители предлагают протагонисту назвать ту цену, за которую он готов отказаться от своей богатырской судьбы. Обмен силы на дары — классическая схема, определяющая поведение героя нехристианского типа, который расценивает свои чудесные способности как личный «актив» и основу персональных прав:

Ах как те ле мужики быкетовския
Ах таша́т тут они да злато-серебро.
Говорит тут старо́й да Илья Муромец:
«Мне не надо ведь ваше да злато-серебро,
Попросите-ко вы мне да могу́чей силы».

Молитвы спасённых от «темной силушки» жителей необходимы Илье, в частности, для победы над Соловьём. «Попросить» у Бога силы для Ильи Муромца главное, что народ может сделать для своего защитника. В аксиологическом плане важно противопоставление материальных ценностей («злата-серебра») и духовной ценности молитвы, благодаря которой герой получает силу и последующую победу:

«Мне ненадобно-то ваша золота казна несчётная:
Золотой казной мне ведь не откупатисе!»

Золото не имеет большой цены в глазах протагониста: он не заинтересован в том, чтобы увеличить «рейтинг» личной чести за

счёт трофеев. И если когда-либо Илье придётся вступить в бой со смертельно опасным противником, то он сделает это исключительно ради предельных ценностей, заведомо превышающих в его понимании цену его собственной жизни, — ради ближнего или религиозной святыни. В случае поражения «откупаться» золотом — т. е. предлагать победившему противнику дары в обмен на пощаду — Илье не придётся: если герой христианского типа не достигнет своей цели, не спасёт страдающего и не защитит святыню, т. е. не исполнит свою миссию, то после этого и сама его жизнь не будет иметь особенной ценности в глазах богатыря.

Илья Муромец не только отказывается от золота, он отвергает и нематериальное вознаграждение за свой подвиг, каковым является личная слава — молва, возникающая вокруг имени великого воина. Именно этим объясняется нежелание богатыря назвать себя:

«Ой ты, гой еси, удалой добрый молодец!
Садись за стол хлеб-соль кушати,
Ты скажи нам свою отчину».
Проговорил удалой добрый молодец:
«Я по поездке Юриш-Мариш-Шишмаретин,
По потехе Борис-королевич млад...»

Слушатель убеждается в том, что Муромец воспринимает свою чудесную силу как обязывающую его к бескорыстным подвигам. Любой былинный сказитель, будучи православным человеком, неоднократно слышал во время богослужения отрывок из Евангелия от Матфея, читаемый в дни памяти тех святых, которые могли исцелять различные болезни и недуги: наделяя апостолов этой способностью, Спаситель заповедовал им: «...даром получили, даром давайте» (Мф. 10:8). Действуя в точности по заповеди Сына Человеческого, Илья Муромец не требует даров от тех, кому он оказал помощь.

Схватка с Соловьём-разбойником и его пленение: праведный гнев как источник бесстрашия

Следующая значимая деталь в былине — устрашающий свист Соловья, из-за которого конь Ильи Муромца спотыкается или даже падает наземь, и последующая контратака богатыря. В русской сказке такое поведение животного есть верный знак будущего поражения и гибели всадника. Как правило, наездником является

антагонист, он обычно спрашивает у споткнувшегося коня, не чуел ли тот «какую невзгону»⁴¹. Сам по себе свист и воздействие, производимое этим свистом на Бурушку, есть попытка устрашения, предпринимаемая Соловьём, и эта попытка оказывается безуспешной.

В понимании Ильи Муромца его поражение невозможно по законам Божьей правды: герой призван восстановить почитание киевских святых жителями Залесья. Поэтому протагонист не придаёт значения дурной примете: злые силы и злые предзнаменования не имеют власти над богатырём, исполняющим миссию сострадания, — ведь эту миссию он принял на себя по воле Божьей и во исполнение народных молитв. Более того, проявление трусости и слабости со стороны коня вызывает праведный гнев наездника. Услышав свист и поняв, что его могучий конь под ним «падает окарачь», Илья впервые убеждается в реальности Соловья. Если ранее Муромец должен был, повинувшись отцовской заповеди, «не помыслить злом на татарина», то теперь «татарин» вполне обнаруживает свои враждебные замыслы. В рассматриваемом аксиомативе угроза религиозным святыням $-\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta)$, ранее лишь подразумеваемая в эпизоде мощения дорог (в отсутствие антагониста), наконец получает конкретное воплощение.

Убедившись в реальности угрозы, богатырь переживает праведный гнев $\theta(-\tau_{14+15+16+17+18}(\Delta))$, благодаря которому проявляет неустрашимость и стойкость $\epsilon_{13}(\Delta)$. Всаднику удаётся «заразить» своей отвагой коня: Бурушка поднимается на ноги, однако ему не хватает сил вплотную приблизиться к свистящему, шипящему и ревушему недругу, поэтому Илья вынужден воспользоваться луком и стрелой. Проявив меткость $\epsilon_7(\Delta)$, он повергает Соловья наземь и пленяет его.

Герой не считает себя вправе осудить Соловья на казнь, поэтому, взяв последнего в плен, он доставляет его на суд законной власти, демонстрируя тем самым почтение к киевскому князю.

Как можно видеть, Илья побеждает Соловья-разбойника не посредством физической силы, но благодаря тому, что его богатырское сердце разгорается праведным гневом, который придаёт герою стойкость и неустрашимость. Без неустрашимости одного только умения метко стрелять из лука было бы недостаточно: богатырь не смог бы приблизиться к цели на необходимое расстояние.

⁴¹ См., напр.: Буря-богатырь Иван коровий сын: [Сказка] № 136 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. — М.: Наука, 1984. — С. 219; Марья Моревна: [Сказка] № 159 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. — М.: Наука, 1984. — С. 302.

Повторим ещё раз: сбив Соловья с дерева, Илья не казнит его, но намерен доставить на суд законного правителя, чтобы таким образом почтить святыню богоданной христианской власти $\tau_{12}(\Delta)$. Герою «языческого» типа казнь Соловья позволила бы «похитить» великую славу последнего и стать широко известным в качестве убийцы знаменитого злодея, долгое время остававшегося непобедимым (личная слава в компоненте K_9 : «сразивший удивительного врага»).

Уничтожение или порабощение потомства врага, насилие над его супругой как способ причинить противнику дополнительное бесчестие (соответственно $-\tau_{18}(K)$ и $-\tau_{17}(K)$) обнаруживаем в эпосах многих народов мира, от «Илиады» до «Песни о Нибелунгах», нартской и огузской героики, и чем более жестокой является казнь, тем выше вероятность того, что о подобном кровавом деянии широко распространится молва K_{6+8} . Илья Муромец, будучи героем христианского типа, не заинтересован в личной славе: он не присваивает жену Соловья (поскольку чтит святыню законного брака) и не намеревается казнить детей поверженного противника, воздавая честь святыням материнства и отцовства $\tau_{8+9}(\Delta)$ даже в этом случае.

Формула аксиоматива, характеризующего настоящий эпизод, такова:

$$-\varepsilon_{14}-\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta)-\Delta'+\theta(-\tau_{14+15+16+17+18}(\Delta)) \\ +\varepsilon_{13}(\Delta)+\varepsilon_{14}(\Delta)+\varepsilon_7(\Delta)=-(-\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta))- \\ \Delta'+\tau_{12}(\Delta)-(+K_{9+8})+\tau_{13}(\Delta)+\tau_{8+9}(\Delta)-(+\tau_{17+18}(K))-(+K_{6+8})$$

Приведём её расшифровку: когда богатырский конь утрачивает свою силу из-за свиста и герой убеждается в том, что Соловей действительно затрудняет доступ богомольцев к киевским святыням и причиняет страдания людям (в том числе своим пленникам), герой исполняется праведным гневом, становится неустрашимым, взнуздывает своего коня и таким образом получает возможность проявить своё богатырское качество — умение метко стрелять. Протагонисту удаётся устранить помеху, затруднявшую доступ к святыням Киева (что предполагает возобновление паломничества к ним), однако страдания пленников Соловья продолжают-ся. Почитая законную власть, герой отказывается по своей воле казнить антагониста и распорядиться его золотом. Воздавая честь святыне законного брака и материнства/отцовства, богатырь не намерен присвоить жену поверженного противника и казнить его детей, чем лишает себя самого возможности стяжать личную славу.

*Илья освобождает пленников Соловья:
сострадание как абсолютная ценность*

Соловей повержен и притянут к седлу богатырского коня, но миссия сострадания остаётся неисполненной до тех пор, пока Илья не выпустит русских пленников из подвалов, где они томятся под властью сыновей и дочерей антагониста. Наряду с облегчением доступа залешан к киевским святыням $-(\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta))$ именно освобождение страдальцев Δ' (а не победа над Соловьём-разбойником как таковая) является целью богатыря. Именно по этой причине жене и детям антагониста не удаётся подкупить Муромца: Илья не намерен выдавать им Соловья, потому что тот, став свободным, снова примется за разбой, т. е. будет наносить ущерб ценностям $\tau_{14}(\Delta)-\tau_{15}(\Delta)-\tau_{16}(\Delta)-\tau_{17}(\Delta)-\tau_{18}(\Delta)$ и причинять страдания людям.

Пленив своего противника, Илья направляется не в Киев (хотя и спешит к праздничной обедне), но в «села Кутузовы»: туда, где живут жена и многочисленное потомство Соловья. Он делает это не потому, что хочет присвоить золото, награбленное злодеем за тридцать лет; его цель — освободить многочисленных русских людей, взятых антагонистом в плен:

«Не надо мне ваша золота казна,
Отмыкайте лучше все погреба глубокие,
Отмыкайте подвалы широкие,
Не сидят-ле у вас удалы добры молодцы?»

Итак, героя мотивирует предельная ценность христианского эпического сознания: страдающий человек, ближний. Илья требует у дочерей Соловья:

«Выпускайте вы удалых добрых молодцов,
Отправляйте-ко вы их во страны свои,
Отправляйте-ко вы всех к вотцам-матерям».

Получив отказ под надуманным предлогом, «старой казак» испытывает героический гнев, который придаёт ему достаточно силы, чтобы «стоптать все двери железные» и освободить пленников, а затем выдержать чудовищный удар палицей «в сорок пуд», который наносит ему богатырка, дочь Соловья.

Совершив бескорыстный подвиг любви ради страдающих пленников, богатырь преумножает славу Божию, а вместе с тем,

пусть и невольно, собственную известность. Формула этого аксиоматива такова:

$$\Delta' + \theta(-\Delta) + \epsilon_{19}(\Delta) = +\Delta + K_9$$

Первый соблазн: право сильного

После нападения старшей дочери Соловья, вооружённой палицей, Муромец подвергается новой атаке: на этот раз младшая дочь пытается соблазнить богатыря своей красотой. Герой задаёт ей характерный вопрос:

«Есть ли красивее тебя и храбрее меня?»

Выше мы отмечали, что этот вопрос свидетельствует о важном изменении в структуре «ценностного центра» протагониста: одержав победу над знаменитым противником, освободив его многочисленных пленников и предполагая, видимо, что освобождённые разнесут по всему миру молву о произошедшем, Илья как бы сам удивляется своей храбрости, проявленной им в схватке с Соловьём. Впервые он задумывается о том, что выдающаяся сила и храбрость могут служить достижению корыстных целей. Если ранее свою силу герой воспринимал как заёмную у Бога «энергию», побуждающую действовать бескорыстно, то теперь, судя по заданному им вопросу, богатырь помышляет о том, что, будучи сильнейшим, он имеет право обладать самой прекрасной из женщин.

Узнав о первой красавице эпической вселенной, Илья «раздумался» — и эта мысль, глубоко укоренившись, впоследствии подвигнет его на поиски Святогора. Только победив последнего, можно добыть красивейшую женщину в мире, обладание которой обещает великую личную славу K_{13} . Анализ сюжета об Илье и Святогоре (сюжета, который непосредственно следует за песней о первой поездке «старого казака») показывает, что именно эта ценность будет доминировать в сознании героя в тот самый момент, когда Илья решится на поругание немощного, спящего человека $\tau_2(\Delta)$ и нападёт на дремлющего богатыря, везущего в ларце свою жену, невиданную красавицу:

$$\epsilon_{19}(\Delta) + \mu(-K_{13}) - \tau_2(\Delta) = -\epsilon_{19}(\Delta) - \epsilon_{13}(\Delta) - (+K_{13}) - \epsilon_{14}(\Delta)$$

Однако харизматическая сила $\epsilon_{19}(\Delta)$, приданная герою свыше для дел милосердия и благочестия, не может быть использована

в корыстных целях, для стяжания личной славы K_{13} (а также не может быть умножена посредством честолюбивого героического гнева $\mu(-K)$). Вот почему Илья Муромец совершенно утратит свою силу, как только дерзнёт напасть на спящего в седле Святогора. «Старого казака» ожидает глубочайшее внутреннее потрясение:

«Как раньше ездил я да наеживал,
Как сразу я головушек поймывал,
С добрых-то я коней попихивал.
Теперь-то у меня сила не по-старому,
Могутá стала да не прежняя».

Мы увидим, что, утратив силу, богатырь лишится и смелости $\epsilon_{13}(K)$: в страхе он спрячется в ветвях дерева, а когда жена Святогора начнёт угрожать Илье, тот проявит малодушие и выполнит требование развращённой красавицы. Вступив в связь с прославленной Латымиркой (Златыгоркой, Святогоркой), герой отнюдь не обретёт личной славы K_{13} , потому что его нельзя будет считать «добытчиком» красавицы. Напротив, он сам станет её добычей, окажется послушной игрушкой в её руках. Богатырь утратит всю свою силу, дарованную ему каликами переходжими, а также потеряет возможность использовать силу своего чудесного коня $\epsilon_{14}(\Delta)$.

Появление в Киеве: сострадание — превыше личной славы

Вернёмся к анализу былины о первой поездке Ильи Муромца: пленив Соловья и повелев его детям везти телеги с награбленным золотом на суд князя Владимира, богатырь прибывает в Киев. Исполняя своё намерение помолиться вместе с горожанами на пасхальной литургии, он спешит в храм и понимает, что прибыл уже к концу службы. Протагонист молится Богу о прощении своих грехов:

«Не исполнил старóй казак Илья Муромец
Заповеди я той да Божией,
Надо бы служить Господу Богу во храме молебен:
Окровавлены руки да во человечесю кровь».

Покаянная молитва богатыря есть действие, мотивированное ценностью святыни $\tau_{19}(\Delta)$ («христианская душа»): собственную

душу герой христианского эпоса воспринимает как некую драгоценность, вручённую ему Богом во временное владение. При этом протагонист даже не помышляет о том, чтобы компенсировать ущерб личной славе, нанесённый неисполнением принятой на себя заповеди.

Во время княжьего пира «старой казак» подвергается осмеянию, обвинениям во лжи (т. е. бесславию) со стороны столичных богатырей, бояр и самого князя Владимира. Выслушав смиренный доклад Ильи о том, что тот проехал «прямоезжей дорожкой», попутно разогнав войско трёх царевичей и пленив Соловья, князь и его окружение воспринимают это как возмутительное притязание на великую личную славу, а именно:

— молва о победившем вражеское войско K_{11} ;

— молва о победившем удивительного противника K_9 .

Если доклад Ильи окажется правдой, то эпический властитель обязан воздать богатырю великие почести и осыпать его дарами. Однако внешний вид героя заставляет обитателей былинного Киева усомниться в том, что столь великие деяния мог совершить человек, который в их глазах не обладает ни личной, ни родовой честью. Закон нехристианского эпоса требует того, чтобы сила героя выражалась в определённом наборе внешних примет, свидетельствующих о высоком уровне его личной чести: «настоящий» герой должен обладать прекрасным конём и доспехом, чудесным оружием, дружиной и слугами. Помимо этого, такой герой должен быть в некоторой степени уже известен присутствующим и располагать свидетельствами ранее одержанных побед (т. е. трофеями). В случае с Ильёй ничего подобного не происходит: как мы помним, освободив город от армии трёх царевичей, Илья назвалсч чужим именем, а победа над Соловьём была одержана им в пустынном месте и без свидетелей. Наконец, добрая слава о «старом казаке», распространяемая освобождёнными пленниками Соловья, не могла дойти до Киева прежде самого Ильи, который достиг города с небывалой быстротой благодаря своему чудесному коню.

В момент прибытия Ильи в Киев за пиршественным столом князя Владимира преобладают «ветхие люди», неготовые принять героя христианского типа. И напротив, когда в городе появится Чурила Пленкович — удалец, не обладающий ни силой, ни смелостью и потому не совершающий подвигов, однако чрезвычайно богатый, окружённый блестящей свитой, облачённый в роскошные одежды, — этот антипод Ильи Муромца будет с восторгом принят и самим князем, и всем его окружением.

Итак, перед киевскими боярами, богатырями — человек, судя по всему, лишённый личной чести и никому не известный, одетый по-крестьянски, однако претендующий при этом на славу великого героя. Реакцией на появление «деревенщины» становится смех: богатырь подвергается бесславию. В сходных ситуациях герои «языческого» типа, столкнувшись с недооценкой своих подвигов со стороны властителя и его окружения, непременно испытывают гнев. Одни из них в ярости покидают дворец правителя, отказываясь ему служить, подобно Рустаму («Шахнаме»); другие обдумывают, как отомстить (Ахиллес, Гийом Короткий Нос); третьи начинают войну на уничтожение (как, например, главный герой «Саги о Тидреке»).

Однако Илья Муромец не испытывает себялюбивого гнева. Он смиренно даёт князю пояснения и затем приглашает его посмотреть на чудовищного пленника, привязанного к седлу косматого богатырского коня, оставленного без попечения на дворе. Вскоре у Ильи возникает возможность отомстить князю и его заносчивым гостям, однако «старый казак» не опускается до мщения, но, выказывая почтение законной власти, проявляет сострадание к обидчикам. Он велит антагонисту свистеть вполсилы, чтобы не причинить ущерба властителю и его гостям; самого Владимира с княгиней Илья предусмотрительно берёт «под руки», избавляя тем самым от позорной перспективы «ползать окаракою» по полам княжьей горницы. Когда Соловей, нарушив повеление богатыря, свистит в полную силу, Илья сердится из-за того, что тот оглушил, напугал и едва не убил богатырей и бояр.

Былина завершается картиной княжьего пира, который возобновляется уже с участием «старого казака». Заметив, что Илья невольно потеснил за столом других богатырей, Алеша Попович бросает в него нож. С точки зрения персонажа нехристианского типа такой поступок есть вызов: если герой-«язычник» не отомстит обидчику, его сочтут трусом, что равноценно утрате личной славы $-K_4$. И наоборот, если герою удастся добиться от обидчика материальной компенсации или же убить его, в мире нехристианского эпоса это непременно обеспечит мстителю личную славу (K_4 или K_6 соответственно).

Как мы видели выше, Илья Муромец гневается нередко, но вовсе не тогда, когда «положено» общеэпическому герою. «Старой казак» прощает Алеше попытку бесчестия: поймав в воздухе пущенный Поповичем нож, Илья вонзает его в пиршественный стол и мирно продолжает трапезу. Муромец невысоко ценит личную славу K и не испытывает гнева $\mu(-K)$. Для него намного важнее ценности благословенной Богом трапезы $\tau_1(\Delta)$ и законной власти

христианского правителя $\tau_{12}(\Delta)$, гостем которого является Алеша. Это — первая причина того, что «старый казак» отказывается «кровать палаты белокаменные» и осквернять «честные столы». Вторая причина — нежелание причинять страдание ближнему $-\Delta'$: Илье, как можно предположить, нравится дерзкий характер Алеши, и он готов стерпеть обиду, лишь бы не убивать такого же, как и он сам, русского богатыря (впоследствии именно Илья попросит Добрыню проявить жалость к Алеше и не казнить последнего за попытку обманом увести Настасью — жену Добрыни). Аксиологический код этого былинного эпизода может быть представлен в виде следующей формулы:

$$-K_{4+6} - \mu(-K_{4+6}) + \theta(-\tau_{1+12}\Delta) + \theta(-\Delta) = +\tau_1(\Delta) + \tau_{12}(\Delta) - (-\Delta) - K_{4+6}$$

В финале былины слушатели узнают о том, что князь Владимир подарил Илье Муромцу свою шубу. В композиционном плане эта фабульная деталь является своего рода «мостиком» к следующему сюжету про «старого казака»: герой впервые вынужден принять награду за подвиг, он становится обладателем ценного имущества, вызывающего зависть $\tau_9(K)$ («необычный или прославленный доспех, драгоценное одеяние»). Шуба с княжьего плеча (некоторые певцы полагали, что эта драгоценная шуба ранее принадлежала Дунаю Ивановичу и была выслужена им у Политовского / Леховинского короля) резко повышает уровень личной чести Муромца в глазах окружающих и немедленно вызывает зависть у бояр.

Впоследствии бояре начнут клеветать на «старого казака», пытаясь убедить Владимира в том, что богатырь желает погубить его и захватить власть. Для связи рассматриваемой былины с последующими важно, что аксиологический статус героя изменился: теперь, будучи обласкан князем, он обладает и личной славой: во-первых, как победитель трёх царевичей и их войска ($+K_{11}$); во-вторых, как герой, пленивший Соловья-разбойника ($+K_9$); и в-третьих, как тот, кто спас князя и княгиню от бесчестия или даже смерти. Последнее равноценно победе над князем и признанию того, что сила богатыря превышает силу его повелителя ($+K_{10}$).

Молва о подвигах Ильи Муромца, распространившись по былинному миру, безусловно, с лихвой возмещает ущерб, причинённый его личной славе из-за нарушения принятой на себя заповеди и в связи с нежеланием отомстить Алеше Поповичу за публичное оскорбление. Кроме того, сам князь Владимир объявляет «старого казака» лучшим из богатырей и ставит его выше «князей-бояр»:

«Вот тебе, Илеюшко, я дам честь и славушку —
Над князьями ты будешь еще выше всех.
Над богатырями-то ты будешь да еще выше всех!»

Великая честь $\tau_3(\mathbf{K})$ — достойное положение в сообществе: особое место коня у коновязи, почётное место самого героя на пиру и т. д. — и великая слава $\mathbf{K}_{11} + \mathbf{K}_9 + \mathbf{K}_{10}$ начинают конкурировать в сознании протагониста с христианскими ценностями: честью святынь $\tau(\Delta)$ и славой Божией Δ , которую умножают бескорыстные подвиги сострадания и любви. В следующем сюжете («Илья и Святогор») конкуренция этих ценностей обострится: «старый казак» покинет Киев, чтобы «посмотреть» на Святогора (т. е. сразиться с ним), и такая мотивация отнюдь не может быть признана христианской, особенно если учесть, что Христос и апостолы, исцелившие Муромца, заповедали ему «не биться» со Святогором. Не страдающий человек и не честь христианских святынь побуждают Илью искать встречи с этим богатырём, но желание победить и «похитить» его славу, а также его личную честь (прежде всего, знаменитую на весь мир красавицу-жену, о которой «старому казаку» рассказала меньшая дочь Соловья).

В упрощённом виде аксиологическая формула финальной части былины о первой поездке Ильи Муромца и её расшифровка выглядят так:

$$\begin{aligned} & -\mathbf{K}_{11} - \mathbf{K}_9 - \mu(-\mathbf{K}_{11+9}) - \tau_{12}(\Delta) - \tau_1(\Delta) - \Delta + \theta(\tau_{12+1}\Delta) + \theta(-\Delta) = \\ & = +\varepsilon_{20}(\Delta) + \tau_{12}(\Delta) + \tau_1(\Delta) + \Delta + \mathbf{K}_{11} + \mathbf{K}_9 + \mathbf{K}_{10} + \tau_3(\mathbf{K}) + \tau_9(\mathbf{K}) \end{aligned}$$

Герой оказывается обесславлен, однако не испытывает в связи с этим гнева. Когда же по злему умыслу Соловья поруганию подвергаются законная власть христианского правителя и «честные столы» (т. е. трапеза), когда Соловей причиняет страдания самому князю, его супруге и гостям, сердце героя разгорается благочестивой ревностью и желанием защитить страдающих.

Это делает Илью неуязвимым для соловьиного свиста. Герой восстанавливает статус законной власти и «честных столов», прекращает страдания людей, после чего князь Владимир прославляет его и чествует.

* * *

Именно таков ценностный код этого сюжета согласно версиям лучших певцов. В том случае, если аксиологический код какой-либо записи существенно отличается от кода лучших вариантов, это

является, по нашему убеждению, надёжным критерием для того, чтобы отнести подобную запись к числу фальсифицированных или возникших под влиянием литературных источников (авторских «былин», богатырских сказок, лубка). Приведём в качестве примера одну из таких фиксаций, которая не соответствует ценностно-корректирующей функции рассмотренного сюжета и потому не была воспринята русской эпической традицией.

В 1843 году М. П. Погодин в своём «Москвитянине» опубликовал необычную запись старины, сообщённую ему учителем из Шенкурского уезда Никифором Борисовым (см. выше). В этой былине Илья Муромец ведёт себя так, как будто он сознательно стремится нарушить все возможные представления эпического сознания о «чести-хвале богатырской». Сначала протагонист насмерть запарывает плетью («о семй хвостах да с прёволкой» [12]) Катюшеньку-перевозчицу, причём делает это на глазах у её отца, Соловьёв-разбойника. Причиной жестокой казни становится высказанное Соловьём пожелание, чтобы Катюшенька перевезла Илью через Дунай в обмен на освобождение своего отца.

В этом фрагменте смущает даже не сам по себе нетрадиционный хронотоп непреодолимой речной преграды: обычно конь Ильи Муромца «перевозу не спрашивает» и преодолевает реки без посторонней помощи. В других записях былин мы не встречаем того, чтобы переправа через водную поверхность составляла какую-либо трудность для Бурушки и его всадника. Гораздо более настораживает то, что в рассматриваемом эпизоде Ильи, по сути, мстит Катюшеньке. Как мы видели выше, у лучших певцов характер эпического Ильи Муромца отнюдь не предполагает мщения $\mu(-\tau\mathbf{K})$, $\mu(-\mathbf{K})$ (тем более до смерти) за обиду, нанесённую ему лично. Сердце Ильи «разгорается» лишь тогда, когда он видит несправедливость, совершённую по отношению к другим людям, однако оскорбления и неприязнь в свой собственный адрес богатырь переносит спокойно (достаточно вспомнить его реакцию на нож, брошенный Алешей Поповичем). Таким образом, убийство Катюшеньки только за то, что она не выказала должного уважения самому Илье, противоречит структуре его «ценностного центра».

Далее Илья Муромец расправляется с Соловьём-разбойником, причём делает это как-то намеренно долго, будто получает удовольствие от процесса. Сначала богатырь бьёт антагониста «о сыру землю», но этого оказывается недостаточно, и он подбрасывает его тело «выше башни наигольныйи» (16). Заметим, что Соловей, вероятно, давно мёртв, но Илья всё равно не может остановиться: он и «остатки» злодея продолжает «хлопать» о «серой камень» (16).

Ничего подобного в других записях былины о первой поездке обнаружить невозможно.

Убив Соловья, Илья приходит в пиршественный зал. Здесь его не удовлетворяет количество вина в чаше, которую подносит ему князь Владимир:

Илья-то берёт её да одной рукой;
Он и пьёт её да на один дух;
Ещё всё-то ёму мало кажется.
Ты несй ещё, князь, цяшу бóльшую... (14)

В понимании крестьянской аудитории такая невоздержанность однозначно предосудительна. Илья ведёт себя как герой нехристианского типа, для которого огромное количество съедаемого и выпиваемого есть показатель богатырской силы. Заметим, что негативное отношение к протагонисту даже подчёркивается указанием на то, что Илье «мало кажется»: на самом деле Илье достаточно, ему лишь *кажется* обратное.

В вариантах, записанных от лучших певцов, русские богатыри отличаются от «поганных» (например, Тугарина или Идолища), в частности, тем, что подчёркнуто мало пьют: Илья съедает «два калачика крупивчатых»⁴², Алеша Попович делит свой кусок с побратимом. Неумеренность в еде и питье есть устойчивая эпическая характеристика враждебного силача; неслучайно Алеша Попович смеется над Тугариным, вспоминая ненасытную корову, опившуюся улавины (т. е. хмельного напитка):

А у Федора у попа у ростовскаго,
А была его корова, право, старая,
Кабы старая, коровищо, мохнатая,
По загороду корова да волочиласе,
Улавиной корова задавиласе...⁴³

В записи, полученной от Н. Борисова, читаем, что после второй чаши «ещё тут Илью маленько да ошабүрило» (15). Однако в других былинах мы не находим указаний на то, что Илья подвержен воздействию хмеля. Слабость к вину имеют Михайло Потык и Василий Пьяница, в некоторых вариантах — Василий

⁴² Илья Муромец и Идолище // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1894. — С. 331.

⁴³ Алеша Попович и Тугарин: [Былина] № 116 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 528.

Буслаев и Садко. Что же касается Муромца, то вино никогда не оказывает на него воздействия: в былинах нет ни одного рассказа о том, что Илья, опьянев, «порасхвастался»; даже коварная королева не пытается опоить его (как опаивает, например, Михайлу Потыка его неверная жена). Образ «старого казака» жёстко связан с запоминающейся сценой: Илья пьёт воду по просьбе калик переходных; в эпическом сознании этот герой через питье получает свою силу и не может через питье же подвергнуться соблазну, ослабеть. Невосприимчивость к опьянению есть проявление «энергии» $\epsilon_{20}(\Delta)$ (терпение, выдержка, мужество, стойкость к дурным внешним воздействиям, соблазнам и страстям), и эта категория, в понимании лучших эпических певцов, является неотъемлемым элементом «ценностного центра» их любимого героя.

Многие певцы сказывали о том, что Илья, сядясь за пиршественный стол, невольно потеснил остальных богатырей, и только в варианте Н. Борисова поведение Муромца при этом становится откровенно вызывающим, когда богатырь заявляет ласковому князю Владимиру: «Не хочу я у вас не пить, ни йсь» (15).

В понимании крестьянской аудитории герой, отвергая угощение, наносит ущерб святыне законной власти христианского государя $\tau_{12}(\Delta)$, а также отказывается почтить «честные столы», благословенную трапезу $\tau_1(\Delta)$. Поруганием этих «честных» установлений Илья не ограничивается, он начинает помахивать своей плёткой «о семи хвостах да с проволокой» (15) и... запарывает насмерть всех гостей князя Владимира, включая других богатырей. При этом он «поворачивает» с боку на бок свои жертвы и пеняет им, что его «на приезде <...> не уцествовали» (16). Из соображений мести за личное бесчестие в компоненте $-\tau_3(\mathbf{K})$ — отказ в достойном положении в сообществе, почётном месте на пиру, выделенном месте коня у коновязи и т. п. — протагонист попирает предельную ценность христианского эпоса Δ^2 : ценность страдающего человека, ближнего.

Буквально залив кровью пиршественный зал и чудом оставив в живых одного только князя Владимира, который успел «собольей шубкой закинуться» (16), Илья Муромец исчезает, совершенно как некий злой дух, что, очевидно, указывает на применение им инструментальной ценности $\epsilon_{11}(\mathbf{K})$ — категории, предполагающей владение ворожкой, колдовством и оборотничеством:

Илья-то тут и был, и нет,
Нет ни вести, ни повести
Ныне и до́веку. (16)

Помещённое в финал песни избиение княжеских гостей становится главным «подвигом», совершённым героем. Формула ценностного кода по завершающему эпизоду этого былинного варианта такова:

$$-\tau_3(K) - \tau_5(K) + \mu(-\tau_{3+5}K) - \varepsilon_{20}(\Delta) + \varepsilon_1(K) + \varepsilon_{11}(K) = \\ + K_3 + K_6 + K_{10} + K_{11} - \tau_{12}(\Delta) - \tau_1(\Delta) - \Delta'$$

Протагонисту отказано в почётном приёме, который должен соответствовать его уровню силы; в частности, ему не предложены подобающие напитки. Это воспринимается персонажем как личное бесчестие и вызывает героический гнев, который усиливается из-за алкогольного опьянения, ведь богатырь не может противостоять воздействию вина. Гнев «активирует» физическую силу героя, а также его колдовские способности. Поступок протагониста (убийство всех княжеских гостей) позволяет ему возместить ущерб, нанесённый его личной чести, а также стяжать личную славу того, кто, смело преступив закон, писанный для простых смертных, казнил своих врагов удивительным способом, победил властителя и в одиночку одержал верх над враждебно настроенным сообществом. При этом герой оскверняет богоданную власть христианского государя и «честные столы». Протагонист также попирает заповедь Христа о любви к ближнему и наносит ущерб общей славе русского богатырства, оказавшегося неспособным противостоять его кощунственным действиям.

Ценностно-корректирующая функция сюжета в записи, опубликованной в «Москвитяине», противоположна функции этого же сюжета у лучших певцов:

Запись былины	Ценности, укрепляемые в сознании слушателя	Ценности, девальвируемые в сознании слушателей
Запись из с. Павлово Нижегородской губернии: Илья Муромец [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 34–39.	Законная власть $-\tau_{12}(\Delta)$; честные столы $-\tau_1(\Delta)$; страдающий человек, ближний $(-\Delta')$; терпение, мужество, выдержка, стойкость $+\varepsilon_{20}(\Delta)$; гнев-ревнование о поругаемых святынях $\theta(\tau_{12+1}\Delta)$; сострадание $+\theta(-\Delta)$.	Личная слава $-K_4 - K_6$; героический гнев, вызванный нанесением ущерба личной славе $-\mu(-K_{4+6})$.

<p>Запись от Т. Г. Рябинина: Илья и Соловей-разбойник: [Былина] № 74 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 11–19.</p>	<p>Законная власть $-\tau_{12}(\Delta)$; честные столы $-\tau_1(\Delta)$; страдающий человек, ближний $(-\Delta')$; терпение, мужество, выдержка, стойкость $+\epsilon_{20}(\Delta)$; гнев-ревнование о поругаемых святынях $\theta(\tau_{12+1}\Delta)$; сострадание $+\theta(-\Delta)$.</p>	<p>Личная слава $-\mathbf{K}_{11}-\mathbf{K}_9$; героический гнев, вызванный нанесением ущерба личной славе — $\mu(-\mathbf{K}_{11+9})$.</p>
<p>Запись от Л. Г. Тупицына: Илья Муромец. Первая поездка его в Киев: [Былина] № 1 // Русские былины старой и новой записи. — М. : А. А. Левенсон, 1894. — С. 1–7.</p>	<p>Законная власть $-\tau_{12}(\Delta)$; честные столы $-\tau_1(\Delta)$; страдающий человек, ближний $(-\Delta')$; терпение, мужество, выдержка, стойкость $+\epsilon_{20}(\Delta)$; гнев-ревнование о поругаемых святынях $\theta(\tau_{12+1}\Delta)$; сострадание $+\theta(-\Delta)$.</p>	<p>Личная слава $-\mathbf{K}_{11}-\mathbf{K}_9$; героический гнев, вызванный нанесением ущерба личной славе — $\mu(-\mathbf{K}_{11+9})$.</p>
<p>Запись от Г. Л. Крюкова: Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 68 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 295–299.</p>	<p>Законная власть $-\tau_{12}(\Delta)$; честные столы $-\tau_1(\Delta)$; страдающий человек, ближний $(-\Delta')$; терпение, мужество, выдержка, стойкость $+\epsilon_{20}(\Delta)$; гнев-ревнование о поругаемых святынях $\theta(\tau_{12+1}\Delta)$; сострадание $+\theta(-\Delta)$.</p>	<p>Личная слава $-\mathbf{K}_{11}-\mathbf{K}_9$; героический гнев, вызванный нанесением ущерба личной славе — $\mu(-\mathbf{K}_{11+9})$.</p>
<p>Вариант, опубликованный в «Москвитяине» за 1843 г. — Ч. 6, 11. — С. 7–16.</p>	<p>Личная слава $+\mathbf{K}_3+\mathbf{K}_6+\mathbf{K}_{10}+\mathbf{K}_{11}$; личная честь — достойное положение в сообществе $\tau_3(\mathbf{K})$; личная честь — услаждение напитками $\tau_5(\mathbf{K})$; гнев, вызванный личным бесчестьем $\mu(-\tau_{3+5}\mathbf{K})$; физическая сила $+\epsilon_1(\mathbf{K})$; колдовство $+\epsilon_{11}(\mathbf{K})$.</p>	<p>Страдающий человек, ближний $(-\Delta')$; законная власть — $\tau_{12}(\Delta)$; честные столы — $\tau_1(\Delta)$; терпение, выдержка, мужество, стойкость к соблазнам и страстям — $\epsilon_{20}(\Delta)$.</p>

Как можно видеть, ценностный код сюжета, установленный по записям от лучших певцов, совпадает, тогда как его зеркальной противоположностью является аксиологическая формула, характерная для варианта от Н. Борисова. Структура «ценностного центра» главного героя в последнем случае позволяет отнести его к условно «языческому» типу на том, в частности, основании, что протагонист воспринимает свою силу исключительно как персональный «актив», позволяющий добиться личной чести (почестей) и славы. Основываясь на результатах аксиологического анализа, мы можем уверенно классифицировать запись от Н. Борисова как не имеющую отношения к русской былинной традиции. Такой вариант не мог быть воспринят другими сказителями и непременно был бы отвергнут коллективным эпическим сознанием.

К. С. Аксаков, комментируя текст, опубликованной в «Москвитяине», отмечал, что образ Ильи Муромца в нём «не тот, каков во всех остальных песнях и рассказах»⁴⁴. Он также указывал на наличие позднейшей лексики в этом варианте («ваша милость», «сенаторы», «государевы вотчины» и даже «царь» вместо эпического «князь»⁴⁵). Возможно, этот поздний вариант, якобы записанный в г. Шенкурске Архангельской губернии, был создан в разбойничьей или казачьей среде. Перед нами тот случай, когда талантливый сказитель переработал и дополнил былинку, при этом в силу субъективных факторов (возможно, сказалась некая личная жесточенность певца, его склонность к насилию или мятежные настроения) подобная переработка оказалась ценностно неприемлемой и для слушателей, и для других сказителей.

В связи с этим примером персонального новаторства, разрушающего традиционный канон, следует заметить, что ещё А. Ф. Гильфердинг поставил «важный вопрос об отношениях личного творчества и предания в составе былин»⁴⁶ и указал, что индивидуальный вклад певца в «облако смыслов» эпоса может быть дурным. Исследователь приводит два примера: «В одном из этих пересказов (былины о Добрыне Никитиче. — А. М.) всего подробнее описываются и выставляются ребром заботы Владимира о том, чтобы прислуга не впускала никого постороннего на брачный пир Алешин, и переговоры Добрыни со служителями о том, чтобы ему

⁴⁴ Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням // Русская беседа. — 1856. — Кн. 4. — С. 61.

⁴⁵ Там же. С. 61.

⁴⁶ Гильфердинг А. Ф. Олонекская губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 33.

дозволили войти: словом, центр действия перенесен в переднюю. В другом пересказе Владимир, чтобы понудить Добрыню жену выйти за Алешу Поповича, издает указ удалить из Киева “всех вдов и жен беспашпортных” и грозит Настасье этим законом. Что может быть безобразнее того и другого пересказа? Между тем первый из них характеристичен по отношению к личности самого певца: это — молодой человек, который ходил бурлаком на Канал, на заработанные деньги кутил в Петербурге на Сенной, прокутившись, поступил в услужение к какому-то купцу и недавно только воротился к себе в деревню и сел там на крестьянство. Из всех певцов былин, мне встретившихся, этот больше всех вращался в лакейской сфере, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказ же, где говорится о беспашпортных вдовах, свидетельствует о том, как запечатлевается в былинах след событий, поражавших народ. Этот вариант, который я слышал единственно на Водлозере, заключает в себе воспоминание того, что в пятидесятых годах нынешнего столетия разогнали из раскольничьих скитов в Данилове и на Лексе (т. е. за несколько десятков верст от Водлозера) всех вдов и девиц, проживающих там без паспортов»⁴⁷.

По справедливому утверждению А. Ф. Гильфердинга, каждая былина, помимо наследия предков, характеризуется и «личным вкладом певца», и «отпечатком местности»⁴⁸. Однако и личный вклад, и локальные особенности не могли быть включены в «облако смыслов» русских былин, если не соответствовали эпической системе ценностей. В таком случае личный вклад оставался единственным фактом сказительского творчества и не обогащал традицию.

В своё время С. П. Шевырев, один из первых исследователей ценностей русского эпоса, утверждал, что записывать былины нужно «не от рядовых, случайно встреченных лиц, а исключительно от лучших знатоков и мастеров»⁴⁹. Анализ записей, сделанных от лучших певцов, позволяет прийти к следующим выводам:

1. Предельной аксиологической категорией, на которую протагонист старин про Илью Муромца готов обменять своё изначальное «бытие-без-ценности» и которая побуждает его совершать поступки с риском для собственной жизни, является

⁴⁷ Там же. С. 33–34.

⁴⁸ Там же. С. 34.

⁴⁹ Цит. по: *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. Т. 1. — М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1958. — С. 401.

страдающее существо, ближний — Δ'. Совокупность славных (т. е. общеизвестных, в том числе за пределами Руси) подвигов, совершаемых богатырями не ради личной славы каждого из них, но (порой вопреки этой личной славе) бескорыстно, «во славу Божию», ради страдающего существа, образует коллективную, соборную славу русского богатырства.

Чудесную смелость и силу былинные герои нередко получают в тот момент, когда проявляют деятельное сострадание, являющееся следствием их чувства «обиды» $\theta(-\Delta)$: гневной реакции на то, что другому человеку причинены страдания. Такая «обида» не о себе самом, но о страдающем человеке близка былинному понятию «жалости». Именно «жалость» заставляет Илью Муромца не нападать первым на «чужого» и не убивать «своего», даже защищаясь («Не помысли злом на татарина, / Не убей в чистым поле хресьянина»⁵⁰), а также щадить противника, когда богатырь видит, что перед ним женщина («На то старый был жалослив»⁵¹); не добивать раненого или убегающего врага («А которые на убег-то, вслед не гонится»⁵²).

Однако в былинах проявления жалости как сострадания $\theta(-\Delta)$ необходимо отличать от жалости, выказываемой героями нехристианского типа в отношении своего личного имущества $\mu(-\tau\kappa)$. Например, Дунаю Ивановичу «жаль» шатра, разгромленного Добрыней Никитичем («Бой Добрыни с Дунаем»), а царю Вахромею — «безсчётной золотой казны»⁵³.

Илья Муромец — герой христианского типа — страдает переходим каликам⁵⁴, просящим воды, и своим родителям, утомлённым тяжёлым трудом на расчистке пожни⁵⁵; осаждённым жителям Чернигова (причём ради них герой даже нарушает «заповедь

⁵⁰ [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 34.

⁵¹ Старина про Алешу Поповича: [Былина] № 7 // [Ефименко П. С.] Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность. — М.: Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. — С. 30.

⁵² Илья Муромец и Соловей разбойник // Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск: ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. — С. 72.

⁵³ Михайло Потык: [Былина] № 52 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. — С. 368.

⁵⁴ См., в частности: Об Илье Муромце. Воспитание: [Былина] № 2 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 2.

⁵⁵ Там же. С. 2, 4.

отцовскую»⁵⁶); пленникам Соловья⁵⁷; детям разбойника⁵⁸; князю, княгине и всем людям, пострадавшим от соловьиного свиста, а также Алеше Поповичу, прилюдно бросившему в Муромца нож⁵⁹. Замечательный русский педагог А. Н. Сиротинин считал главным качеством Ильи Муромца именно «любовь ко всякому обездоленному человеку»⁶⁰ и усматривал в этом отличие русского богатыря от западноевропейских рыцарей, которые проявляли сострадание только к благородным, поскольку «жалкие вилланы, крестьяне, что копошились под стенами замка, и за людей не считались», тогда как милосердие Ильи Муромца «далеко переходит пределы рыцарских замков и княжеских палат»⁶¹.

Представление русского эпического певца о страдающем человеке как о той ценности, ради которой герой должен жертвовать собственной жизнью, соответствует пониманию высшей добродетели у Отцов восточно-христианской Церкви. В частности, преп. Исаак Сирийский полагал, что «новый человек» характеризуется «милующим сердцем» — органом совершенной любви. По мнению епископа Ниневи, обладающие «милующим сердцем» готовы множество раз умереть из-за любви к людям.

Преп. Исаак Сирийский говорит о том, что «сердце милующее» есть «возгорение сердца у человека о всем творении, о людях, о птицах, о животных, о бесах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы, от великой и сильной жалости, объемлющей сердце»⁶². Однако

⁵⁶ Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 77 // Былины Печеры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 219.

⁵⁷ См.: Илья Муромец и Чернигов. Соловей разбойник. Приезд в Киев: [Былина] № 3 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 6.

⁵⁸ Там же. С. 8. (См. также: Три поездки Ильи Муромца и [его] ссора с Владимиром: [Былина] № 63 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 345.)

⁵⁹ См., в частности: [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 39.

⁶⁰ Сиротинин А. Н. Беседы о русской словесности. — СПб. : Я. Башмаков и К^о, 1913. — С. 88–89.

⁶¹ Там же. С. 120–122.

⁶² Исаак Сирийский. Слово 48 // Исаак Сирийский. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирианна, подвижника и отшельника, бывшего епископом христоролюбивого града Ниневи. Слова подвижнические. — Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. — С. 206.

буквальное совпадение на лексическом уровне⁶³ — «возгорение сердца» у Исаака Сирина, жившего в VII веке на Ближнем Востоке, и «разгарчивое сердце богатырское» у былинных певцов Русского Севера — отнюдь не является единственным сходством. Так, результаты ценностного анализа былин указывают на то, что многие действующие лица русского эпоса испытывают жалость и действуют, руководствуясь этим чувством (в частности, Алеша Попович жалеет опозоренного Змеем Тугариным князя Владимира и Олену/Елену, сестру Сбродовичей; Илья Муромец и Добрыня Никитич — попавшего в беду Михайло Потыка; Добрыня — Алешу Поповича (в былине про сватовство последнего к Настасье); Дюк Степанович — побеждённого Чурилу; князь Владимир — заживо погребённого Михайло Потыка; Бермята — свою жену-изменницу, а его служанка — обманутых мужей, чьих жен совратил Чурила; Садко — гибнущих на море корабельщиков и т. д.). Добавим, что подобная мотивация для мировой эпической поэзии по меньшей мере нехарактерна: так, для Гомера жалость есть признак слабости или безумия⁶⁴.

Уникальной чертой былинного эпоса является то, что его герои способны проявлять жалость к своим противникам и к их потомству (Илья Муромец, например, жалеет трёх царевичей и детей Соловья-разбойника). Притом что жалость к представителю «чужого мира» — величайшая редкость для эпического творчества самых разных народов, русский герой получает от своих родителей знаменитую заповедь «не помысли зла на татарина».

Эта заповедь становится действительной нормой поведения для «старого казака» (см., например, его намерение «прогнать»⁶⁵ татарских богатырей, сражающихся между собой, тогда как

⁶³ С очевидной поправкой на то, что мы имеем здесь перевод, причём с греческого, а не с языка оригинала — сирийского.

⁶⁴ Например, у Гомера жалость испытывает Аякс Теламонид к павшим от руки Гектора Менесфу и Анхиалу, однако он приближается к месту их гибели не для того, чтобы отбить тела у троянцев. «Жалость» Аякса очень похожа на гнев и жажду мщения; она подвигает героя на убийство ближайшего троянского воина. Однако Гомер неслучайно называет чувство, овладевшее Аяксом, именно «жалостью»: у Аякса нет причин мстить троянцам за убитых, потому что они не являются его родственниками или друзьями. Испытывать же праведный гнев гомеровский герой может только в том случае, если бесчестят его самого (ср. гнев Ахилла, у которого отобрали долю в общей добыче). Поскольку у Аякса нет личного повода для мести, его поступок Гомер объясняет иррациональным движением сердца, недостойной «страстью» — жалостью (См.: *Гомер. Илиада.* — М.: Гос. изд-во худож. лит.-ры, 1949. — С. 118).

⁶⁵ Бой Добрыни и Дуная: [Былина] № 7 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 43.

в эпосах других народов герои предпочитают убивать противников ради славы или добычи). Как бы в точном соответствии с призывом Исаака Сирина и другие персонажи русских былин проявляют жалость «ко всякой твари»: к змее и её змеёнышам (Михайло Потык), к страдающей Непре-реке (Сухман), к плачущему туру (девушки в былине про Добрыню и Маринку), к ворону (в песне о королевичах из Крякова).

2. Другая ценность, укрепляемая в сознании слушателей былины о первой поездке Ильи Муромца, — христианские святыни $\tau(\Delta)$, «честные» реалии. Отличительным признаком богатыря в былинах является способность переживать любовь к материальным святыням и богоданным институтам, социальным установлениям. При этом реакцией на осквернение сакрального становится праведный гнев $\theta(-\tau\Delta)$ (в былинах «ярость» о «правде-истине», «обида»); этот гнев придаёт герою чудесную смелость и харизматическую силу.

«Старой казак» проявляет любовь-ревнование об «обеденке», доступ к которой затруднён по вине Соловья-разбойника⁶⁶, о святынях Киева, об институте брака (реакция на кровосмешение в роду Соловья)⁶⁷, о законной власти (защита князя и княгини от соловьиного свиста)⁶⁸, о «честных столах» и самом институте богатства (в эпизоде с ножом, брошенным Алешей)⁶⁹.

3. Одновременно с утверждением доминант страдающего человека и православной веры, а также связанных с ними инструментальных ценностей-«энергий» — сострадания и благочестивой «ярости», певец былины о первой поездке Ильи Муромца подготавливает к девальвации ценность характерного для «языческой» эпика **гнева**, вызванного недостатком личной чести или личной славы. Эта сюжетная функция соответствует христианскому идеалу отвержения себялюбивой ярости как порока «ветхого человека».

Так, в Послании к Колоссянам апостол Павел говорит о том, что задача «совлечь с себя ветхого человека с делами его» подразумевает необходимость отказаться, помимо прочего, от гнева и ярости (Кол. 3: 9).

⁶⁶ См., в частности: Илья и Соловей разбойник: [Былина] № 74 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 11–12.

⁶⁷ См., в частности: [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 37.

⁶⁸ Там же. С. 38–39.

⁶⁹ Там же. С. 39.

Общеэпическая ценность характерного порыва богатырского сердца — героического гнева как желания чести и славы (или же как реакции на бесславие или бесчестие) — замещается в былинах христианским пониманием гнева как ревности о Боге. В Новом Завете и в апостольских посланиях нередко встречается слово *θυμός*, обозначающее сильное раздражение сердца, ярость⁷⁰. Эту сердечную силу, по словам св. Григория Назианзина, человек получает как «дар Божий», и в таком качестве она не предполагает персонального возмездия за личное бесчестие или за ущемление личных же прав⁷¹. Святитель Василий Великий говорит о «пользе раздражительности» для тех, кто умеет контролировать её и употреблять во благо ближнего, для ревнования о славе Божией⁷². Иоанн Пелусиот, в свою очередь, призывает «гневаться справедливо, когда речь идет или о славе Божией, или об исправлении ближнего, или когда должно наказать за обиженных», но предостерегает гневаться «в отмщении за себя самих»⁷³. Кроме того, свят. Иоанн Златоуст подчёркивает, что Христос не воспрещает гнев совершенно: ярость полезна, «когда мы не за себя самих отмщаем, но обуздываем дерзких»⁷⁴. По убеждению выдающегося христианского мыслителя, гнев придан человеку от Бога «не с тем, чтобы мы грешили, но чтобы останавливали и других согрешающих»⁷⁵.

В точном соответствии с этим правилом и поступает Илья Муромец, когда, следуя призыву Спасителя подставить вторую щёку под удар (Мф. 5: 39), проявляет смирение, невзирая на риск личного бесславия — бесславия, могущего быть вызванного тем, что Алеша Попович прилюдно бросил в него нож.

Заметим, что (вслед за Отцами Церкви) русское эпическое сознание не склонно трактовать упомянутые выше слова Сына

⁷⁰ См., в частности: Лк. 4: 28; Деян. 19: 28; 2 Кор. 12: 20; Гал. 5: 20; Еф. 4: 31; Кол. 3: 8; Евр. 11: 27.

⁷¹ См., в частности: Гнев // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.pravenc.ru/text/165179.html> (дата обращения: 01.04.2024).

⁷² Василий Великий, свт. Беседа 10. На гневливых // Василий Великий, свт. Творения. Т. 1. — М.: Сибирская благовонница, 2008. — С. 658.

⁷³ Гнев // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.pravenc.ru/text/165179.html> (дата обращения: 01.04.2024).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Иоанн Златоуст. Беседы на Псалмы / На Пс. 4 // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 5. — СПб.: Изд. С.-Петерб. дух. акад., 1899. — С. 24.

Человеческого как призыв подставить под вражеский удар также и щёку ближнего или лицо законного государя и любимые «святые образа». В случаях, когда поруганию подвергаются святыни, «законы Божьи» и другие люди, былинные богатыри испытывают особое чувство: «ярость», «разгарчивость», «неутерпчивость» сердца. Эта эмоция имеет безусловно положительное значение в аксиологической системе русского эпического сознания и является своеобразным «индикатором» богатырского характера как такового.

ИСЦЕЛЕНИЕ

Источники текста⁷⁶

Певец из села Языково Симбирского уезда ([I] Илья Муромец: [Былина] № I/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I. — М.: Типография А. Семена, 1860. — С. 1–3; [II] Илья Муромец: [Былина] № I/2 // Там же. С. 3–4.).

Гаврила Васильевич Вокуев, село Усть-Цильма, Печора (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 54 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 327–333.).

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора ([I] РО ИРЛИ, Р. V, к. 160, п., № 402, л. 499; [II] Про Илью: [Былина] № 44 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 142–144.).

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора (Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 19 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 78–88.).

Анна Васильевна Стрелкова, Зимний берег Белого моря ([Исцеление Ильи Муромца]: [Былина] № 126 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 419–420.).

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост (Святогор с Ильёю Муромцем: [Былина] № 8 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 33–42.).

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора (Илья Муромец: [Былина] № 53 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 221–230.).

⁷⁶ Былины цитируются согласно указанным изданиям. При цитировании приводятся данные о сказителе и, после каждого фрагмента, номера строк (или же страниц, если построчная нумерация отсутствует) по оригинальной публикации с добавлением римской цифры I или II в том случае, если записи одного и того же сюжета были сделаны от одного сказителя разными собирателями (или одним и тем же собирателем, но в разное время). Краткие биографические сведения о сказителях приводятся в постраничных сносках при первом обращении к записанным от них былинным вариантам.

- Василий Петрович Щеголенок, деревня Боярщина, Кижская волость* (Первые подвиги Ильи Муромца: [Былина] № 120 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 303–315.).
- Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря* (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 42 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 180–186.).
- Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога* (Илья Муромец: [Былина] № 70 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 322–329.).
- Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень* (Исцеление Ильи Муромца, встреча его со Святогором и смерть последнего: [Былина] № 354 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 266–271.).
- Никита Антонович Ремизов, деревня Алексеево, Пудога* (Про Илью Муромца: [Былина] № 31 // Былины Пудожского края. — Петрозаводск, Гос. изд-во К-Ф ССР, 1941. — С. 268–280.).
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* (Святогор: [Былина] № 2 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 5–6.).
- Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица* (Про Илью Муромца, как он был, жил и родился: [Былина] № 92 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 257–265.).
- Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район* (Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 77 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 216–222.).

Певец из села Языково Симбирского уезда:

Ох вы люди, люди добрые,
Шабры мои приближённые!
Вы приходите посидеть ко мне,
Вы скажите мне про старое,
Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца... (II: 1–6)

Гаврила Васильевич Вокуев, село Усть-Цильма, Печора:

Кабы прежде, досель да в молоду пору... (1)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Из того еще из города ли из Мурова,
Из того еще села да ле Карачагова
Уж жил тут и был Иван сын Тимофеевич... (I: 1–3)

...Кабы было у его едино чадо, едино милое,
Как едино было родно, едино любимое,
Уж звали его Илеюшко сын Иванович.
Как лежал нынь Илейко да право тридцать лет,
У его не было под собой же резвых-де ног... (II: С. 143)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

И не видел свету белого, вольного.
Во тридцатом году, да во последни дни⁷⁷... (10–11)

Анна Васильевна Стрелкова, Зимний берег Белого моря:

И настал-то ведь как праздник-от Владычнѣй-от⁷⁸.
И ушли-то ёго родители во божью церквѣ,
И молились-то они да ведь как Богу-ту,
И просили-то ему они здоровьица. (5–8)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Среди-то было да ночки темныя,
Приходили ему сиротинушки убогие⁷⁹... (12–13)

⁷⁷ У П. Р. Поздеева — «последни нни».

⁷⁸ У А. В. Стрелковой — «Владысьнѣй-от».

⁷⁹ У П. Р. Поздеева — «приходила ему сиротинушка убогая».

Певец из села Языково Симбирского уезда:

Сам Исус Христос, два апостола... (I: 7)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

...Под тое окошечко косявчето,
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромец,
Крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкия,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожая!
Не могу отворить ворот широкиих,
Сиднем сижу цело тридцать лет...» (10–19)

Гаврила Васильевич Вокуев, село Усть-Цильма, Печора:

Отпирались у ёго да двери на пету,
Заходила ему калика да перехожая:
«Уж ты здравствуй-ко ты, да доброй молодець!
Я пришла-де просить у тя милостену
Как для Христа-де Исуса царя небесного».
Говорил-то Илья да таково слово:
«Уж ты гой еси, калика да перехожая!
Как не служат мои да руки белыя,
Как не ходят мои да ноги резвыя.
Я не то тебе подать, да готов сам принять».
Говорит на то калика да перехожая:
«Если готов ты принять, дак я тебе подам».
Подавала калика добру молодцу,
Подавала краюшку дару Божьёго.
Кабы съел-то Илья краюшку дару Божьёго... (14–29)

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Говорят ему калеки таковы слова:
«Слезывай ты ноньце с пецьки земленой, право». (22–23)

Певец из села Языково Симбирского уезда:

«Ты пойдя, Илья, принеси испить!»
«Нища братия, я без рук — без ног!»
«Ты вставай, Илья, нас не обманывай!»
Илья стал вставать — ровно встрёпанный... (I: 8–11)

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Ты поди-ко нонь сходи как за водой, право,
Ты на ту как нонь на реценьку Карчагу-ле...» (29–30)

Василий Петрович Щеголенок, деревня Боярщина, Кижская волость:

Он пошел по мосту по дубовому.
Закричали балки под мостом белодубовым,
Загнулись-то тут мосты калиновы. (27–29)

Певец из села Языково Симбирского уезда:

Он пошел, принес чашу в полтора ведра,
Нищей братии стал поднашивать;
Ему нищи отворачивают... (I: 12–14)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

...Подносят-то Илье Муромцу. (32)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Ты возьми у нас исьпей, да ты Илья же свет...» (84)

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Ты повыпей-ко же ноньче воды сколько хочется». (36)

Певец из села Языково Симбирского уезда:

Нища братия у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?»
«От земли столб был бы до небушки,
Ко столбу было золотó кольцо,
За кольцо бы взял, святорусску поворотил!» (I: 15–19)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

«А повернул бы⁸⁰ земёлышку на ребрышко». (56)

Певец из села Языково Симбирского уезда:

«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья стал им поднашивать,
Они Илье отворачивают;
Выпивал Илья без отдыху
Большу чашу в полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?»
«Во мне силушки половинушка». (I: 20–27)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«Ишше силы-то во мне тепере порядочно⁸¹.
Ишше мог я бы ехать да во цисто полё;
А ишше мог я бы смотреть а людей добрые;
А ишше мог я бы стоять за веру православную,
А за те же за церкви да я за Божьи нонь,
А за те за поцётные монастыри,
А за тех я за вдов за благоверных,
А за ту сироту я да маломожонну.
А ише нету у мя да нонь добра коня». (50–58)

⁸⁰ У П. Е. Миронова — «ли».

⁸¹ У Е. В. Рассолова — «порядоснь».

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

Говорят калики перехожая:
«Будешь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана:
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею поленицею удалою;
А только⁸² не выходи драться
Со⁸³ Святогором богатырем...» (40–46)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Он возьмет тебя силою...» (С. 143)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

«...Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном богатырем:
У него на голове семь власов ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым:
Его любит матушка сыра-земля;
Не ходи еще⁸⁴ на Вольгу Сеславьича...» (47–52)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«...По черным лесам ходит серым волком,
По пенью, по коренью скачет черным горносталем,
По синему морю ходит рыбой щукою...»⁸⁵ (С. 143)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

«...Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью». (53–54)

⁸² У Л. Богданова — «столько».

⁸³ У Л. Богданова — «с».

⁸⁴ У Л. Богданова — «още».

⁸⁵ В данном фрагменте — как и в следующем — речь идёт о Вольге Сеславьиче.

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Говорят на то ищэ калики-то:
«Кабы есь у отця, у отця-ле⁸⁶, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у их полё посеяно,
Зашел ноньце скот да кабы топцет-ле,
Ты поди огороди, огороди как ноньце Божей дар». (41–45)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

«Доставай, Илья, коня себе богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика...» (55–57)

Никита Антонович Ремизов, деревня Алексеево, Пудога:

«Ну он-то тебе не пондравится,
А ты-то возьми его, Ильюшенька...» (101–102)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

«Станови его в сруб на три месяца...
<...>
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай,
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому:
Как станет жеребчик через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону...» (58; 61–65)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Станет конь головушкой повертывать,
Станет в лошадиныя в ноздри он пофурскивать;
И тогда ты седлай-ко добра коня,
И полагай на него доспехи крепкие,
Поезжай-ко ты в раздольице чисто поле...» (16–20).

⁸⁶ У И. М. Дуркина — «у 'тця, у 'тця-ле».

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

«Поезжай на нем, куда хочешь,
Будет носить тебя». (66–67)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Тебе будёт ведь конь-от служить правдой-верою:
Победять-то будёшь на кони, всё бить многих богатырей;
Ишше конь-от будёт всё товарышь твой
И топтать будёт ногами силу всё неверную...» (142–145)

Анна Васильевна Стрелкова, Зимний берег Белого моря:

И пошел-то наш Илья да по белым полам,
И берет-то он ведь милостинку-ту спасённую,
Подал-то он нишшой братии.
Ишшо тут-то ему нишшой низко кланялсе. (24–27)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

Тут калики потерялися. (68)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Учул он в сибe удачу молодецкую,
Учул силу богатырскую;
Стал он тут похаживать... (38–40)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

А в избушки ли сидеть ему тоскливо ли, —
Ай ён пошел на ты поля-луга зеленныи,
А где его были родители сердцеьнии. (73–75)

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

А пошел он как хранить полё отцовское⁸⁷.
Он завидел-ле в поли ноньци скот ходит,
Он как из поля скота ноньце выганивал,
Кабы полё-то сырым дубьём огораживал,
Он ведь рвал тут как дубьице с кореньицом,
Он оклал, огородил людям на удивленьице⁸⁸.
Как пришли его отец-ле, ронна матушка,
Как пришли они, увидели свое полё,
Кабы всё оно как дубьями заклажено,
Они тут как бы сами удивилисе:
«Кабы шчо эки чудеса у нас сотворилися?»
Зашли они в комнату свою тёплую,
Как увидели⁸⁹ старой их сын здоровой стал... (47–59)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

С отцем, матушкой детинушка поздоровался,
На него тогда они взрадовáлися. (53–54)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

А ёнѣ да тут да удивилисе,
А ёнѣ да тут да ужахнулисе:
«А уж ты, цядо, цядо милое,
А слава, слава да слава Господу,
А Господь-Бог ти дал хожденьице,
А Господь ти дал в руках влажденьице!» (79–84)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо пал от дубья-колодыя... (69–71)

⁸⁷ У И. М. Дуркина — «ётцовское».

⁸⁸ У И. М. Дуркина — «юдивленьице».

⁸⁹ У И. М. Дуркина — «ювидели».

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

И стал им помогать поле чистити,
И стал дубья рвать со коренём... (55–56)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

А говорили тут отец с матушкой:
«Ай же ты, моё цядо милое,
Ай Господь ти Бог дал силу великую!
А живи как ты да поскромнешеньку,
А не давай ретиву́ серзьцу волюшки!» (89–93)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

Он дубье-колодые все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил... (71–72)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Говорит его тогда мать родимая,
Говорит хозяйину Ивану Тимофеичу:
«Видно,⁹⁰ дитё будет нам не кормилицо,
Станет ездить, видно,⁹¹ по полю по чистому». (57–60)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго. (89–91)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

И не велик же был да всё да жеребеночек,
Он малёхонек же был очунь же всё. (118–119)

⁹⁰ У П. Р. Поздеева — «винно».

⁹¹ У П. Р. Поздеева — «винно».

Никита Антонович Ремизов, деревня Алексеево, Пудога:

А у жеребёночка-то было семь горбов,
Такой-то ещё был некрасивенькой... (170–171)

*Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска,
Нарьян-Марский район:*

Говорит отцу он, матери:
«Покупайте мне, родители, худá верно жеребчика,
Еще буду я в росы́ его выкатывать».
Как отец ему купил худá жеребчика. (67–70)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,
Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой;
И прошло поры-времени три месяца,
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы его выкатывал... (93–99)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

А первую росу-ту катал да всё Ивановскую,
А вторую росу-ту катал Петроськую,
А третью росу-ту катал Ильиньскую... (121–123)

Леонтий Богданов, Петрозаводский уезд, Кижский погост:

Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурушко через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону. (100–102)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

«А уж ты, Бурушко мой да ты косматушко⁹²,
А ты котайсе-ко на роске на рáнной,
Чтобы шерсть-та у тя сменяласе,
Чтобы силушка в тебе прибавляласе,
И ты служи-ко дóбру мóлодцу
А на цистóм поли разъеживать,
А через стеноцьки городóвыи перескакивать!» (120–126)

⁹² У П. Е. Миронова — «Сивушко мой да белогривушко».

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА

Источники текста

- Фёдор Парфёнович Седунов, село Верхняя Зимняя Золотица* (Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 107 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 482–486.).
- Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога* (Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 56 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 416–424.).
- Певец из села Павлово Нижегородской губернии* (Илья Муромец: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 34–39.).
- Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора* (Илья Муромец: [Былина] № 53 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 221–230.).
- Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора* (Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 19 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 78–88.).
- Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 1 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. Левенсон, 1901. — С. 31–36.).
- Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога* (Илья Муромец: [Былина] № 70 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 322–329.).
- Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень* ([I] Исцеление Ильи Муромца, встреча его со Святогором и смерть последнего: [Былина] № 354 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 266–271; [II] Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 360 // Там же. С. 298–308.).

- Пётр Иванович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост** (Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 131 // Былины Севера. Т. 2. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1951. — С. 173–181.).
- Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро** (Илья Муромец: [Былина] № 210 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 61–76.).
- Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское Нижнепечорского района** (Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 60 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 339–344.).
- Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень** (Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 312 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 46–52.)
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье** ([I] Илья и Соловей-разбойник: [Былина] № 74 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 11–19; [II] Об Илье Муромце: [Былина] № 10 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 54–61.).
- Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд** (Об Илье Муромце: [Былина] № 9 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 46–54.).
- Кириша Данилов** (Первая поездка Ильи Муромца в Киев [«Как из (с)лавнова города из Мурома...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 185–189.).
- Самойло Михайлович Носов, деревня Карпушевка, Усть-Цилемский район** (Про Старого: [Былина] № 69 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 404–406.).
- Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка Нижнепечорского района** (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 46 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 289–296.).
- Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога** (Илья Муромец, ссора с Владимиром: [Былина] № 63 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 323–345.).
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости** (Илья Муромец. Первая поездка его в Киев: [Былина] № 1 //

Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 1–7.).

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица (Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 68 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 295–299.).

Максим Васильевич Семенов, деревня Белощелье, Лешуконский район (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 70 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 330–334.).

Никифор Калинович Семенов, деревня Белощелье Лешуконского района (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 71 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 334–338.).

Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская Усть-Цилемского района (Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 62 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 349–351.).

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост (Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 3 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 19–26.).

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога (Илья Муромец: [Былина] № 77 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 346–363.).

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень (Исцеление и первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 393 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 471–476.).

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье ([I] Первый подвиг Ильи Муромца: [Былина] № 120 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 303–315; [II] Илья Муромец: [Былина] № 1 // [Барсов Е. В.] Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. — СПб. : Тип. Майкова, 1873. — С. 22–29.).

Гаврила Васильевич Вокуев, село Усть-Цильма, Печора (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 54 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 327–333.).

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога (Илья Муромец: [Былина] № 55 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 264–276.).

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская Лешуконского района (Илья Муромец и Соловей Разбойник: [Былина] № 1 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 111–116.).

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район (Илья Муромец: [Былина] № 1 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 47–52.).

Фёдор Никитин, Выгозеро (Три поездки и борьба с Соловьем разбойником: [Былина] № 3 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. IV. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1867. — С. 16–25.).

Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гарёво Усть-Цилемского района (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 47 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 296–300.).

Фёдор Парфёнович Седунов, село Верхняя Зимняя Золотица:

Нам не дорого не злато да чисто сѣребро,
Дорога наша любовь да молодецкая:
Да как злато-то, сѣребро минуитца,
Дорога наша любовь не позабудитца... (1–4)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай первая поездка Ильи Муромца
А от того ли-то от города от Муромля,
Из того ли-то села из Карачарова⁹³. (1–3)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Не сырой дуб к земле клонится,
Ни бумажные листочки растилаются:
Растиляется сын перед батюшкой;
Он и просит себе благословеньца... (1–4)

⁹³ У И. Фёонова — «Карачакова».

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Ох ты ой еси, отец-ле нонь родимья!
Ох ты ой еси, как матушка любимая!
Вы как дай ноньце вы мне было благословленьицо,
Я хоцю ноньце ехать в стольнёй Киев-град,
Я хоцю нонь посмотреть князя Владимира,
Со его любой со матушкой любимой». (61–66)

Петр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

«...Посмотреть всех русских богатырей».
И просит их, падаг во резвы ноги;
Не даваг они ему благословеньица;
И падаг им детинушка во второй након... (65–68)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ай тому-ли всё Ивану Тимофеёвичу,
Родной матушке Липесътёнии Олёксандровны... (8–9)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудоба:

«А уж ты, батюшко да и матушка,
А вы давагте-ко благословёньицё,
А вы дагте-ко вы прощёньицё
А мне-ка съездить во Киев-град
А ко солнышку ко князю ко Владимиру,
А во тыи мне во церкви богомольни,
А помолитсе-ко той ли Богородици!»
А отец и мать-то его уговаривать:
«А уж ты, цядо, цядо да цядо милое,
А мы только видели свету, свету белого,
А мы не видели свету целу полвеку». (96–106)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Не дают они благословленьица;
Падат им детинушка во третей након:
«Дадите пойдю и не дадите пойдю». (70–72)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Я поеду в славной, стольной Кеев град,
Помолиться чудотворцам кеевским,
Заложиться за князя Володимира,
Послужить ему верой-правдою,
Постоять за веру хресьянскую».
Отвечат старой хресьянин Иван Тимофеевич:
«Я на добрые дела тее благословленье дам,
А на худые дела благословленья нет.
Поедешь ты путем и дорогою,
Ни помысли злом на татарина,
Ни убей в чистым поле хресьянина».
Поклонилса Илья Муромец отцу до-земли... (7–18)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Тогда дали ему родители благословленьице
С буйной главы, до сырой земли,
И стали они тогда ему наказывать:
«Когда ты было у нас хворо-нездоровое,
Много об тебе мы обещалися:
Когда будешь ты у нас живой-здоровой,
Когда будешь ездить по полю по чистому,
Не проливай ты напрасно крови человеческой». (73–80)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А говорил ёму Иван да всё Тимофеевичь:
«Да поедёш, Илья, да во цисто полё, —
А стой ты за веру православную,
А за те за пощёстные монастыри,
А за тех за вдов за благоверные,
А за ту сироту да маломожонну!» (I: 124–129)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

Говорила тут родна матушка:
«А уж поедешь ты ли, цядо нашо милое,
А ты во славной да во Кйѣв-град,
А не кровав сабли кровавоюй,
А не сироти-ко ты ли ты да малых детушек,
А не бесчести-ко ты да молодѣих жон!» (111–116)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай приходит-то Ильюня во Божью церковь,
Ай ко тыи заутрени ко раннею,
Ай налагает ведь Илья на сѣбе заповедь,
Ай заповедь Илья себи великую:
Чтобы ехать ведь Ильюше да во Киев град,
Ай не красть бы-то Ильюше да не воровать,
Не укинуться на прелесть бы на женскую,
Ай не кровавить бы Ильи да сабли вострыи... (8–15)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Тогда же его отец батюшко,
Тот Иван сын Тимофеевич,
Повел тогда его на конюшен двор
Отдавать ему коня добраго.
Привел он детинушку на конюшен двор,
Отворил двери там широкии,
Стоит там да право доброй конь;
Конь стоит наубѣл-белой,
Хвост-грива научѣрн-черна,
Научер-черна, как у чѣрна ворона;
Конь стоял на семи цепях,
На семи цепях, на семи развезях.
Накладывал на него детинушка узду чекмянную,
Разорвал он все цепи железные,
Выводил коня вон на улицу,
Накинул на него руку правую,
Конь засел в землю по щѣточек.
Не седлал он коня добраго,

А заскочил прямо на добра коня,
Побежал его нончи доброй конь.
Доезжат детинушка до реки до Медвежины,
Напоил водой чистою коня добраго
И приехал назад к своему широку двору.
И стал он тогда заводить все приправы себе молодецкие,
Сбруню себе богатырскую.
Пошел он сперва к кузнецу, ко мастеру,
Сковал сперва палицу боевую,
По весу тянет палица девяносто пуд.
Потом сковал себе саблю булатную,
По весу тянет сабля двадцать пять пудов.
Сковал копейцо буржумецкое,
По весу тянет копейцо десять пудов.
И завел себе лучишко подорожноё,
Тридцать три стрелочки каленыи,
Каленыя, стрелочки, перёныи,
Перёныя; перышка были орлинские,
Не простого орла, Сика́мского.
Стал тогда молодец снаряжаться,
Стал он тогда сподоблятися,
Стал уздать седлать коня доброго;
И стал он сперва на коня класть плотны-плотнички,
На плотнички мякки войлочки,
А затим седёлышко черкальчато;
Подстёговал он двенадцать подпруг шелковых... (87–130)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

...Ай как того шелку ли китайского
Да славнаго того маханского.
Ай как ведь пряжечки нынь были медныи,
Ай как той меди казанской.
Ай маханский шолк да не сорвется,
Как казанская медь да не ржа́веёт. (30–35)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Ище брал черезхребетницу
Через степ лошадинную,
Не простого шолку — земли греческой... (131–133)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское
Нижнепечорского района:*

Он не для ради басы — ради крепости:
«Не оставил бы меня доброй конь во чистом поле». (22–23)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«...А и серьем волкам меня на потарзанье,
А и черным-то вранам на пограенье!» (28–29)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

И стал класть всю приправу молодецкую,
На седлышко черкальчето;
И стал тогда залог закладывать:
«Не слезовать чтобы мне со добра коня».
И другой залог стал закладывать:
«Не кровавить чтобы сабля вострая».
Третьей залог стал закладывать:
«Не вымать из нэлучья тугой лучек». (134–141)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый млодец... (I: 1–3)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Поезжает в тую субботу христосьскую,
А надоть поспеть к обеденке⁹⁴ христосьския
Во стольный во город во Киев-град. (3–5)

⁹⁴ У Н. Прохорова — «к заутрене».

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Сам он сел на добра коня,
Поехал он во чисто поле.
Он и бьет коня по крутым бёдрам,
Пробиват кожу до чёрна мяса;
Ретивой ёво конь осержаетса,
Прочь от земли отделяется,
Он и скачет выше дерева стоячево,
Чуть пониже оболока ходячево. (19–26)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Не видели тогда поездки молодецкой,
Побежки лошадиной,
Только и видели как молодец на коня вскочил,
Да в стремена ступил.
Видно:⁹⁵ в поли курива стоит,
Курива стоит, да дым столбом валит. (142–147)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Пошел, поскакал его добрый конь,
Реки, озера перескакивал,
А темные леса промежь ног пушал. (26–28)

Кириша Данилов:

Он перву скок ступил за пять верст,
А другова ускока не могли найти. (24–25)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

В третий⁹⁶ скочил, колодезь стал;
У колодезя срубил сырой дуб,

⁹⁵ У П. Р. Поздеева — «винно».

⁹⁶ У певца из Павлово — «другой».

У колодезя поставил часовенку,
На часовне подписал сво ймичько:
«Ехал такой-то сильной, могúчей богатырь,
Илья Муромец сын Иванович»... (28–33)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Приежат молодец к ростаням широкиим,
На ростанях-то лежит да сер-горюч камень,
На камешке подписи есть подписаны...
<...>
«Есть тут три дорожечки широкии в стольной Киев-град, —
Одной⁹⁷ дорогой ехать три месеча,
Другой дорогой ехать два месеча,
Есть третья дорога прямоежжая,
Ехать той дорогой полмесеча;
Одной дорогой ехать — женату быть,
Другой дорогой ехать — богату быть,
Третьей дорогой ехать — живому не быть».
Стоит молодец да призадумался:
«На что же мне женату быть?
На старость жена — чужа корысть;
На что мне на старость богачество?» (148–150; 152–163)

*Самойло Михайлович Носов, деревня Карпушевка,
Усть-Цилемский район:*

«На старость богачество — души пагуба ...» (17)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

«Поеду я лучше по дороге прямоежжой, где живу не быть, —
На поле старому смерть не писана».
Поехал молодец по той дороге прямоежжой,
Есть на ней три заставы великия:
Первая на ней застава великая —
Есть на ней болота дыбучие, грязи черныя.

⁹⁷ У П. Р. Поздеева — «енной».

Росла дорожка та прямоезжая ровно тридцать лет,
Никто по ней не проеживал,
Ясный сокол не пролетывал. (165–173)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Приехал он в болотину дыбучую —
По болотины мостики привыгнили. (200–201)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Тогда стал доброй молодец первой залог разрушивать, —
Слезавает со добра коня,
Левой-то рукой коня ведет,
Правой рукой дубья рвет, мосты мостит,
Мосты мостит все калиновы,
Перекладыны кладет дубовые. (174–179)

*Самойло Михайлович Носов, деревня Карпушевка,
Усть-Цилемский район:*

Верстьовые столбики он повывставил... (30)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Промостил тогда грязи черныя, болота дыбучие,
И проехал доброй молодец за́ставу великую.
Заскочил тогда на добра коня
И поехал в стольной Киев-град.
И здраво едет поле чыстое,
Здраво едет лесы темные... (180–185)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Сам услышал как в той сторонке полуденныя, —
Шум и гам идут-то великие;
Стал как он да порозслушался... (88–90)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову. (I: 6)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

Над Черниговым градом⁹⁸ по грехам учинилося:
Подступала сила поганая. (17–18)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Нагнанò-то силушки черным черно,
Ай черным-черно, как черна вóрона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат.
Птица черной ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват. (I: 8–13)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Под Черниговым стоят три царевича,
С кажным силы сорок тысячей. (36–37)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А хотят-то розбить, розорить-то весь Чернигов град⁹⁹,
А Божьи церкви хотят да под конюшни взять. (30–31)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А во том же во городе во Чернигови
А ворота городовы кругом все запёрты
А все запёрты ворота да тут заложоны;

⁹⁸ У Л. Г. Тупицына — «над Кидошом градом».

⁹⁹ У Г. Л. Крюкова — «город Чиженец».

А звонят тольки один да тут плакун-колокол;
 Да попы-ти веть поют в церкви, мешающьсе,
 А дьецки-ти поют, тут заекающьсе,
 А мужики-ти во слезах тут да захлѣбающьсе. (II: 42–48)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай ён направил добра коня через стеночку городовую,
 Ай как махнул его добрый конь через тую стену городовую,
 Ай как котора стена высотой-то была двенадцать
 сажений печатניים,
 А ён заехал тут да в Чернигов град,
 А ён приехал тут ко Божьей церкви,
 Ай к тому Ивану великому.
 Ай во Божьей церкви стоят тут люди Богу молятся,
 А ёны каются, приобщаются,
 Ай как со белым светушком да прощаются.
 А ён пришол тут во славный да великой храм,
 А ён как крест кладет по писаному,
 Поклон ведет по ученому,
 Ай во-первых, клонился Спасу образу,
 Ай во-других, клонился Божьей матери,
 Ай во третьих, поклонился он тут всему миру.
 «Ай уж вы здравствуйте, купци да черниговци вельможи
 богатыи,
 Ай уж вы сильнии могучии да здравствуйте богатыри,
 Ай уж вы вси поляницы здравствуйте да удалыи!
 Ай вы об чем тут нынь-же каетесь да причащаетесь,
 Ай вы зачем же со белым светом прощаетесь?»
 Ай говорили тут вси купци вельможи богатыри,
 Как вси сильнии могучии богатыри,
 Ай отвечали поляницы удалыи:
 «Ай мы об том ведь каемся причащаемся,
 Ай для того со белым светом прощаемся,
 Ай обступила нас сила великая,
 Ай наступают на нас пановья да улановья,
 Ай как поганьи да татаровья». (87–114)

*Максим Васильевич Семенов, деревня Белошцелье,
Лещуконский район:*

Закипел' в ём сердце да молодецкоё,
Росходилась силушка богатырьская,
Ишо оци-те ясны замутилисе,
Как горяция слёзы да покатилисе.
Говорил он таково слово:
«Всяк кладёт заповедь — да не всяк исполняет!» (22–27)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Как прости меня Господь да в таковой вины!
Я не буду боле-то класть заповеди великия». (35–36)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Богатырьско сердце разгёрчиво и неуёмчиво;
Пушше огня-огничька сердце разыграетса,
Пушше пляштовое мороза разгораетса.
Тут возгóворит Илья Муромец таково слово:
«Не хотелось было батюшку супротивником быть,
Ишша знать-та ёво заповедь переступить». (38–43)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

«А не велела мне да рódна матушка
А кровавить ли сабли ли вóстрой,
А не сиротать мне-ка малых детушек, —
<...>
А ведь надо постояти за веру верную,
А за тьи ли за церкви за соборны!» (157–159; 162–163)

*Пётр Иванович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Просил себе да Бога нá помочь,
Да пречíсту пресвятую Богородицу. (28–29)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай он приехал ко той ко силы ко ратищу,
Ай сходил ведь он со добра коня,
Ай ен как пал коню во праву ногу:
«Ай уж ты бурушко мой косматушко!
Ай пособи-тко мне, помоги-тко мне,
Ай как побиться мне как пораниться
Ай со пановьямы со улановьямы,
Ай со поганыма со татаровьямы».
Ай пошел его добрый конь как ясён сокол. (61–69)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Стал тогда молодец разрушивать другой залог... (209)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Берет он в руки саблю боёвую,
Учал по силушке погуливать:
Где повернетса, делал улицы,
Поворотится — часты плошшади;
Добиваетца до трих царёвичов.
Тут возгóворит Илья таково слово:
«Ох вы гой естя, мое три царевича!
Во полон ли мне вас взять,
Ай с вас буйны головы снять?
Как в полон мне вас взять, —
У меня дорóги заезжия и хлебы завóзныи;
А как головы снять, — царски сёмины погубить.
Вы поедьте по свым местам,
Вы чините везде такову славу,
Што святая Русь не пустà стоит,
На святой Руси есь сильны́, могúчи богáтыри». (44–59)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай выходили купци бояра вельможи черниговци¹⁰⁰,
А нынь как вси сильнии, могучии да богатыри,
Ай нынь как вси выбирались поляницы удалыи,
Ай как смотрели во чисто поле на тую силу великую.
А где стояли пановья да улановья,
Ай как поганый да татаровья,
Ай тут только на том поли да на чистоём
Ай как остались знамена стоять да не руськийи,
Ай как осталось знамян многим много да многоинько...
<...>
Как ровным много как лесу сухого.
Ай как народу тут прибито приранёно,
Ай как приранено да привалено,
Будто в лисях как нива присичена. (120–128; 130–133)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

И во том во городе во Чернигове¹⁰¹
Выходили попы, отцы дьяконы,
Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:
«То ли город наш Бог защитил,
То ли ангел святой,
И выбил, вытоптал силу поганую?» (23–29)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Говорят-то мужики чернигорци,
Они говорят да таковы речи:
«Уж как с нёба нам послал Господь-от аньгела.
А други-ти: «Нет не аньгела господь послал,
А нам послал Бог-то руського могучего богатыря».
А как стречают мужики-ти города Черни-города,
А стречают, отпирают ёму ворота городовья,

¹⁰⁰ У С. К. Панова — «богатыри».

¹⁰¹ У Л. Г. Тупицына — «во Кидоше».

А стречают, ёму низко кланетсе:
«А приди ты к нам хошь князём живи в Черни-городи,
хошь боярином,
Хошь купцём у нас слови, гостем торговыма.
Мы ведь много дайм тебе золотой казны несчётныя». (44–54)

*Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская
Усть-Цилемского района:*

Ах тащат тут они да золото-серебро.
Говорил тут старой да Илья Муромец... (24–25)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Мне ненадобно-то ваша золота казна несчётная:
Золотой казной мне ведь не откупатисе!» (58–59)

*Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская
Усть-Цилемского района:*

Попросите-ка вы мне да могучей силы. (27)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ай зовут его в Чернигов воеводую.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
А не йду к вам во Чернигов воеводую». (I: 21–24)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Не дай Господи делати с барина холопа,
С барина холопа, с холопа дворянина,
Дворянина с холопа, из попа палача,
А также из богатыря воеводу!» (198–201)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Есть у меня кладена заповедь великая:
Надоть поспеть к обеденке¹⁰² христосьския
Во стольный-то городь во Киев-град,
Ко стольному ко князю Володимиру». (63–66)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

И едет мимо той церкви соборныя,
И говорят попы, отцы дьяконы:
«Ой ты, гой еси, удалой добрый молодец!
Садись за стол хлеб-соль кушати,
Ты скажи нам свою отчину».
Проговорил удалой добрый молодец:
«Я по поездке Юриш-Мариш-Шишмаретин,
По потехе Борис-королевич млад,
Не изволю я хлеб-соль кушати,
А скажите мне дорожку прямоезжую
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву». (31–43)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святоруський!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Ай по той ли по дорожке прямоезжою
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал...» (I: 27–34)

¹⁰² У Н. Прохорова — «к заутрене».

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Пряма дорожка не проста стоит:
Заросла дорога лёсы Брынскими,
Протекла тут река Самородина...» (82–84)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Как у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпяя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Левонидова,
Сиди Солóвей разбойник во сырóm дубу,
Сиди Сóловей разбойник Оди́хмантьев сын,
А то свищет Сóловей до по-солóвьему,
Ён крычит злодей разбойник по-зверинуму,
Й от него ли-то от по́свисту со́ловьяго,
Й от него ли-то от по́крыку зверинаго,
То все травушки мура́ вы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы́ лежат». (I: 35–48)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«...Сидит на девяти¹⁰³ дубах, сидит тридцать лет.
Ни конному, ни пешому пропуску нет».
Поклонилса им Илья Муромец,
Поехал он лесами Брынскими. (86–89)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Ёго добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченки, озерка промеж ног спущал.

¹⁰³ У певца из Павлово — «тридевяти».

Подъезжает он ко речке ко Смородинки,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березы ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Леванидову. (I: 52–60)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

У той дороженьки широкой,
Свито-віто гнездо¹⁰⁴ на семи дубах
И на семи пагубках;
Сидел Соловей Рахматович ровно тридцать лет,
Не пропускал не конного, не пешого, ни удаля добра-молодца,
Не пролетный ясны сокола,
Убивал своим свистом за двенадцать верст. (228–234)

Кириша Данилов:

И слышал Соловей-разбойник
Тово ли топу конинова
И тое ли он поездки богатырския... (32–34)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Натягал Соловей духи змеиные... (216)

Кириша Данилов:

Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел разбойник по-змеиному,
А в-третьи зрявкает по-звериному. (35–37)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Ише мать сыра земля да потрёсаласе... (93)

¹⁰⁴ У П. Р. Поздеева — «свито-віто у него гнездо».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Так все травушки муравы уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонилися. (I: 63–65)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Как потнулсэ ёго конь, на колени пал... (95)

Кириша Данилов:

Говорит Илья Муромец Иванович:
«А ты, волчья сыть, травеной мешок!» (40–41)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Аль не слыхывал пташьёво посвисту?» (96)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

Тут конь под Ильей разсержается:
Он скакал выше лесу стоячаго,
Ниже облака ходячаго. (73–75)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ай тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук розрывчатый... (I: 78–79)

Кириша Данилов:

Разрушает Илья заповедь великую:
Вымаёт калену стрелу
И стреляет в Соловья-разбойника,

И попал Соловья да в правой глаз.
Полетел Соловей с сыра дуба
Комом ко сырой земли,
Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки... (48–54)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

А до смерти не убило ли,
Только Соловья разило ли.
А Илья да сын Иванович
Брал же Соловья Рахматова.
Брал Илья да за желты кудри... (93–97)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А согибает его он в бораньей рок<г>... (129)

Кириша Данилов:

Привезал Соловья ко той ко луке ко седельныя.
Проехал он воровску заставу крепкую... (55–56)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

А ёго добрый конь стал поскакивать,
Ай Соловеюшко у стрёмена стал поплясывать. (228–229)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Мимо гнездышко повез да Соловьиное. (I: 88)

Кириша Данилов:

Подъезжает ко подворью дворянскому...
<...>
Как бы двор у Соловья был на семи верстах,

Как было около двора железной тын,
А на всякой тынинке по маковке —
И по той по голове богатырския... (57; 61–64)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Было сделано три терема златоверхие,
Вершечки с вершечками свивалися...
<...>
Крылечки с крылечками сплывалися,
Розсажены были сады да зеленые,
Цвели да цвели все цветы лазуревы,
Подведена вся усадьба красовитая. (329–330; 332–335)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Во том гнездышке да Соловьиноем
А случилось быть да и три дочери... (I: 89–90)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

...Поленицы приудалыя. (275)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

И со этого со гнездышка Соловьёго
Усмотрела его больша дочь Невеюшка,
Говорит Невея таково слово:
«Едет наш батюшка раздольцем чистым полем,
И сидит он на добром коне богатырском,
И везет он мужичища деревенщину
Ко стремени булатному прикована».
Посмотрела его друга дочь Ненилушка,
Говорит Ненила таковы слова... (II: 77–85)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Ишша вон едет наш батюшка,
Ведет кривова мужика у коня в тороках¹⁰⁵». (108–109)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай подходила к тому окошку косивчату,
Подходила дочь Пелька¹⁰⁶ волшебница,
Как смотрела в то окошко косивчато.
Как во то ли то стеклоко хрустальное.
Ай как глядела она да на улицу,
Ай говорила она таково слово... (240–245)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Ах ты дура не повитая! это едет доброй мóлодец,
И ведет нашево батюшка у коня в тороках¹⁰⁷». (111–112)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорила-то й она да таковы слова:
«Ай же, мужевья нашй любимьи!
Вы берите-тко рогатины звериньи,
Да бежите-тко в роздольце чистó поле,
Да вы бейте мужичища деревенщину».
Эти мужевья да их любимьи,
Зятевья-то есть да Соловынины,
Похватали как рогатины звериньи
Да и бежали-то оны да й во чистó поле
Ко тому ли к мужичищу деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища деревенщину. (I: 110–120)

¹⁰⁵ У певца из Павлово — «коня в кáраках».

¹⁰⁶ У С. К. Панова — «Елена».

¹⁰⁷ У певца из Павлово — «коня в кáраках».

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Они сильни могучие богатыри,
А кони у их да были бодрья,
А копыя у их да очунь долгиа;
А едут отнимать да Соловья-разбойничка... (133–136)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорит им Соловей розбойник Одихмантьев сын... (I: 121)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Не тумашитеса, мое малы детушки,
Не взводите в задор дóброво мóлодца». (115–116)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Ай же зятевья мои любимыи,
Побросайте-тко рогатины звериныи,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В своё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите ёго ествушкой сахарною,
Да вы пойте ёго питьцем медвяным...» (I: 122–127)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А лучше насыпьте чашу красна золота,
А другую насыпьте чиста серебра,
А третью чашу скатна жемчуга,
Приходите с разговором-прелестью.
Улещите мужика, уговаривайте». (141–145)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звериныи
Ай зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да Соловьиное... (I: 129–132)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Насыпали чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И приходять съ лестью, прелестью,
Улещают Илью, уговаривают:
«Ай же ты, удалый, добрый молодец!
Отдай-ка нам батюшку,
А на-тко тебе злата и серебра!» (147–154)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

У Соловья, вора-разбойника,
Дочь была сдогадлива,
Отворяла она воротички широкия...
<...>
Хотела срезать старому буйну голову:
«Ой ты, гой еси, удалой добрый молодец!
Заезжай ко мне ты на широкий двор». (85–87; 89–91)

*Никифор Калинович Семенов, деревня Белошелье
Лешуконского района:*

У них поднята была надворотня¹⁰⁸ со зазубрами,
Она не лёгка, не мала — восемьсот пудов:
Хотели они Илью Муромца прижать подворотнею.
Увидел Илья Муромец эту ловушечку... (71–74)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

А старый казак был сдогадливой... (92)

¹⁰⁸ У Н. К. Семенова — «подворотня».

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

Как была-то у него ухватка богатырская,
Узнал он их намеры думныйи,
Что хочют оны умёртвити
Русского могучаго богатыря, —
Осадил своего коня да богатырскаго... (I: 369–373)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

«Ах ты, проклятая ты, Индóлищо,
Разве так гостей дожидают, Индóлищо!
А разве так и да стретают ли?» (254–256)

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Говорит ищэ им Соловей Рахматович:
«Не сердите вы как руського боготыря,
Не спускайте надворотенку тяжелойю». (262–264)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Говорит удалой доброй молодец:
«Не надо мне ваша золота казна,
Отмыкайте лучше все погреба глубокие,
Отмыкайте подвалы широкие,
Не сидят-ле у вас удалы добры молодцы?» (297–301)

Гаврила Васильевич Вокуев, село Усть-Цильма, Печора:

«Выпускайте вы удалых добрых молодцов,
Отправляйте-ко вы их во страны свои,
Отправляйте-ко вы всех к вотцам-матерям». (180–182)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Говорят ему тогда дочери:
«Не можем отомкнуть, ключи потеряны».
На то молодец осержается,
Приходит к подвалам широким, дверям железным,
замкам весучим,
Стоптал все двери железныя, замки весучие,
Сидят там удалы добры молодцы;
Выпускал их на вольной белой свет... (304–310)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай как бежала Пелька¹⁰⁹ волшебница да на широк двор... (250)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

...Тут ударила-то палицёй тяжолою —
Палиця была у ей в сорок пуд... (173–174)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Чуть Илья на коне усидел,
Чуть Ильюша на коне не пал.
Тут-то Илья приотшатался,
Приотшатался, приомотшался,
Скоро выскакал с добра коня,
Хватил он эту девку Пельку паленицу удалую,
Хватил за тресту за заднюю... (167–173)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А пинает-то девку Илья под гузно...
<...>
А улетела тут девка за широкий двор. (176; 178)

¹⁰⁹ У С. К. Панова — «Алена».

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай ко заднюю летела ко стеночке,
Да у стены-то она плаваёт окоракою. (261–262)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

«Ты стой, лежи на сырой земли, погозывай,
Ты говори таковы слова:
“А не господи дай Боже ратится-то со сильныма
могучима богатырьма!”» (291–293)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай как кричит тут Пелька¹¹⁰ волшебница своей матушки:
«Ай государыни моя матушка!
<...>
Ай вы дарите стара казака Илью Муромца сына Ивановича,
Ай вы дарите его златом да серебром,
Нынь как мелкиим скатниим жемчугом,
А чтобы оставил нам родна батюшка,
Хоть не ради прокормленьица, а хоть бы ради погляженьица».
(266–267; 271–275)

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

У меньшей у сестры спрашивает старой казак Илья Муромец:
«Есть ли красивее тебя и храбрее меня?»
Проговорит меньшая дочь Соловья Рахманова:
«Во подсолнечном граде у короля
Есть дочь единая; брови у ней — черна соболя,
Очи у ней — ясна сокола,
По косицам у ней звезды частыя».
Раздумался старой казак Илья Муромец... (II: С. 28)

¹¹⁰ У С. К. Панова — «Олена».

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

И едет добрый молодец чистым полем,
И видит он в поле девять молодцов,
Девять молодцов в кулачки бьются,
И сами говорят таковы слова:
«Вон батюшко едет, мужика ведет».
Наотворот того други́ говорят:
«Нет, мужик-от ведет нашего батюшка».
И едет старый мимо молодцов;
Они хочут похитить добра молодца.
Проговорит старый казак Илья Муромец:
«Закляни ты своих малых детей,
Не закланешь, — самого смерти предам».
Проговорит Соловей, вор-разбойник:
«Не троньте вы удала-добра молодца;
У меня силушки не с вашу есть,
Да старый казак в горсти зажал,
Насыпайте вы тележки златокованны,
Насыпайте золота, серебра,
Везите во столичный Киев град,
И везите на царев кабак,
Пойте вы добра молодца и чествуйте,
Чтобы он меня пустил в живности».
Едет Илья Муромец чистым полем
И видит опять девять сынов
Соловья, вора-разбойника,
В кулачки бьются.
Опять напирают на Илью Муромца.
Соловей им тут опять отказал:
«Вы не троньте стара казака,
Стара казака, Илью Муромца,
Вы не троньте, лучше кланяйтесь».
<...>
И немного у него сынов — только двадцать семь.

(95–125; 132)

Кирша Данилов:

И завидела-де Соловьева¹¹¹ молода жена,
Она хитрая была и мудрая,
И [в]збегала она на чердаки на вышния...
<...>
...Наводила трубками немецкими
Ево, Соловьева, молодая жена,
И увидела доброва молодца Илью Муромца.
И бросалась с чердака во свои высокия терема
И будила она девять сыновей своих:
«А встаньте-обудитесь, добры молодцы,
А девять сынов, ясны соколы!
Вы подите в подвалы глубокия,
Берите мои золотыя ключи,
Отмыкаете мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой двор
И встречаете удала доброва молодца.
А наедет, молодцы, чужой мужик,
Отца-та вашего в тороках везет».
А и тут ее девять сыновей закорелися
И не берут у нее золотые ключи,
Не походят в подвалы глубокия,
Не берут ее золотой казны,
А худым видь свои думушки думают:
Хочут обвернуться черными воронами
Со темя носы железными,
Оне хочут расклевать добра молодца,
Тово ли Илью Муромца Ивановича,
Подъезжает он ко двору ко дворянскому,
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится-убивается:
«Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно,
Опусти Соловья-разбойника,
Не вози Соловья во Киев-град!».
А ево-та дети Соловьевы
Неучливо оне поговаривают... (58–60; 65–97)

¹¹¹ У Кирши Данилова — «ево».

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай говорит тут как батюшка старой казак Илья Муромец:

<...>

«Не оставлю я вам батюшка на погляженьицо.

Приезжайте вслед во Киев град,

А приезжайте вы во Киев град на прощеньицо». (276; 278–280)

Кириша Данилов:

Оне только Илью видели,

Что стоял у двора дворянскава.

И стегаёт Илья он добра коня,

А добра коня по ту(ч)ным бедрам:

Как бы конь под ним асержается,

Побежал Илья, как сокол летит.

Приезжает Илья он во Киев-град... (98–104)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское
Нижнепечорского района:*

Едет детинка вдоль по городу,

Едет ко ограды ко церковной,

Где поют — служат обедню воскресенскую.

Спускался детина со добра коня,

Вяжет своёго коня доброго,

Насыпал ему пшеницы белояровой,

Наливал воды сладкой-медовой... (120–126)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

А ведь сказал ли то он Солóвьешку:

«А береги-ко ты да добра коня!

А ведь и сам я пойду да во божью церкву́, —

А ведь она отходит, позья-то обиденка,

А как обиденька да воскресеньская». (399–403)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское
Нижнепечорского района:*

Он идёт тогда во храм-церковь соборную.
Он кресты то кладет по-писанному,
Поклон ведёт по-учёному:
Он кланяется на все четыре стороны,
Владымеру с княгиной — на особину.
Ставал молодец на праву руку,
Где стоят те ли русские богатыри,
Позаде паленицы преудалые. (127–134)

Гаврила Васильевич Вокучев, село Усть-Цильма, Печора:

Как встават-то Илья перед святым Богом,
Кабы молитце Илья да Господу Богу...
<...>
Как молитву творит полну Исусову... (189–190; 192)

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

Иконам нерукотворенным поклоняется:
«Не исполнил старóй казак Илья Муромец
Заповеди я той да Божией,
Надо бы служить Господу Богу во храме молебен:
Окровавлены руки да во человечью кровь». (I: 397–401)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское
Нижнепечорского района:*

Тут подходит Олёшинька Попович блад:
«Ты здравствуешь, удалой доброй молодец,
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именём зовут,
Величают тебя из отечества?»
Ответ держит удалой доброй молодец:
«Не то нонь поют, не то и слушают.
Нонь поют — служат обедню воскресенскую».

Отходила обедня воскресенская,
Выходят все вон на улицу,
И выходит удалой доброй молодец.
Он стоит у своёго добра коня
За той за оградой за церковной. (135–148)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ай Владимир князь он вышел со Божьей церкви,
Он пришел в полату белокаменну,
Во столовую свою во горенку... (I: 138–140)

*Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская
Лешуконского района:*

А то был день воскресеньской же,
А собралась беседа да весёлая,
А наезжали купцы люди торговые... (122–124)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

И вскричал Илья¹¹² громким голосом:
«Уж ты батюшка Володимир князь!
Тебе на́да ль нас, принимаешь ли
Сильных, могучих богатырей,
Тебе батюшке на почесь-хвалу́,
Твоему граду стольному на изберець,
А татаровьям на посече́нь?»
Отвечат батюшка Володимир князь:
«Да как мне вас не нады-та!
Я везде вас ишшу, везде спрашиваю.
На приезде вас жалую по добру́ коню,
По добру́ коню, по латынскому, богатырскому».
Возго́ворит Илья Муромец таково слово:
«У меня свой конь латынской, богатырской...» (127–140)

¹¹² У певца из Павлово — «он».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ай тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора... (I: 143–144)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

Ни к чему коня он не привязывал,
Никому коня он не приказывал.
Идет к воротичкам решетчатым... (139–141)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

А заходит стары казак на красно крыльцо:
А ступешек до ступешка да изгибаицэ. (155–156)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

И спросил он у ворот приворотников,
И спросил он у дверей придверников.
Отворял он двери помалешеньку,
И ступал он в палату потихошеньку... (142–145)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всим его князьям он подколенным. (I: 150–152)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Сидят на пиру у князя бояры толстобрюхие и руськие богатыри,
Промежду собой разговаривают:
«Надо ехать дорога чистити;
Заросла дорога прямоезжая,

Заселился на ней Соловей Рахматович,
Тридцать лет не пропускает ни конного ни пешаго,
Ни проезжа удала добра молодца». (337–343)

*Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская
Лещуконского района:*

А сядят как гостя да за дубовой стол,
А подносят кушанья сахарные,
А наливают братыночку зеленá вина,
А подносят старому крѣпко нáкрепко.
А берёт старый единой рукой,
А пѣт старый единым духом,
А заговорило у старого ретивó серьцѣ. (129–135)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

И такие речи стал поговаривать:
«Пособил Бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть врага неверного, врага идóльского,
Еще успокоить думою бояре толстобрюхиих».
<...>
Насказали на старóго бояре толстобрюхии,
Насказали солнышку Владимиру,
Что «пособил Бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть солнышка Владимира».
(115–118; 141–144)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Тут Владимир князь стал мóлодца выпрашивать:
«Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый мóлодец,
Тóбе как-то молодца да именём зовут,
Звеличают удалáго по отечеству?»
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
«Есть я с славнаго из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович». (I: 153–161)

*Никита Фёдорович Ермолин, деревня Трусовская
Усть-Цилемского района:*

Говорит тут старому да Владимир-князь:
«Ах как что же ты, Илья, да опоздал сегодня?» (52–53)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И котороу дороженкой ты ехал в стольнёй Киев град?»
Говорил Илья он таковы слова... (I: 164–166)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Стоял я с родимым батюшком у заутрени,
Хотелось постоять с тобой у обеденки...» (141–142)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«...А не мог успеть и к обедне Христовьския:
Обедня была на отходе zde». (213–214)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

«Да на дороге мне было три помешиньки:
Перва помеха — я мостил мосты на пятнадцать верст
Через ту реку, через Самородину;
Другá помеха — очистил я Чернигов-град¹¹³;
Третья помеха — я сошиб Соловья-разбойника». (143–147)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«...То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,

¹¹³ У певца из Павлово — «Перва помеха — очистил я Чернигов-град; / Другá помеха — я мостил мосты на пятнадцать верст / Через ту реку, через Самородину».

Прямоезжею дороженкой я ехал мимо-то Чернигов град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченку Смородину,
Мимо славную березу-то поклопяую,
Мимо славный ехал Леванидов крест». (I: 170–176)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ерская
Барнаульской волости:*

Злые бояре подмолчивые
Говорят таковы слова:
«Мужик ты, мужик деревенщина,
Хвастаешь не былей своей,
Чужим именем называешься:
Где тебе похитить Соловья, вора-разбойника!» (160–165)

Кирша Данилов:

Говорят тут могучие богатыри:
«А ласково со(л)нцо, Владимир-князь,
В очах детина завирается!
А где ему проехать дорогою прямоезжую...» (130–133)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичишо деревенщина,
Во глазах мужик да подлыгаешься,
Во глазах мужик да насмехаешься!
Как у славнаго у города Чернигова
Нагнанò тут силы много множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
Ай у той ли у березы у поклопяую,
У того креста у Леванидова

Соловѣй сидит розбойник Одихмантьев сын,
То как свищет Соловей да по-солóвьему,
Как крычит злодей разбойник по-зверинуму,
То все травушки муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвó лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова... (I: 177–198)

Кириша Данилов:

«Гой еси ты, сударь Владимир-князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вон я привез Соловья-разбойника
На двор к тебе!» (137–140)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

«...Прикован у стремени лошадиной». —
Не верят ему гости князевы.
Говорит им удалой доброй молодец:
«Посылайте смотреть слугу верную».
Посылал князь слугу верную вон на улицу;
Побежала скоро слуга верная,
Посмотрела коня добраго,
А у коня лежит собачище.
Пришла и сказала слуга верная:
«Лежит у коня добра-молодца кака-ле собачища».
Посылал князь слугу верную
Звать собачищу в гриню княженевскую.
Зовет тогда слуга верная:
«Ой еси Соловей Рахматович!
Пожалуйте во гриню княженевскую».
Соловей на то ей ответ держал... (348–363)

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Я не вашима руками сижу привязаной,
Я не вашима словами сижу приказаной,
Кабы хто меня привязал, того я слушаю». (329–331)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское
Нишнепечорского района:*

Говорил тут Олешенька Попович блад:
«Пустым ты, Илья¹¹⁴, похваляйся,
За винною чарой замираешься».
Говорил тогда Илеюшка Иванович:
«Уж ты ой еси, Олешинька Попович блад!
Спустись-ко, Олешка, на сыру землю,
Веди Соловеюшка Рахматовця
Во эту ли гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие».
Выходил Олешка вон на улицу,
Стоит Олешка на белом крыльце,
Он не смет спуститця со бела крыльца,
Говорил тогда Олешка таковы слова:
«Уж ты ой еси, Соловеюшко Рахматьевич!
Тебя милости просим на почесен пир». —
«Не твое я пью нонче кушанье,
Не тебя я, Олешинька, послушаю».
Заходит Олешка назад в гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие.
«Не слушат, говорит, меня Соловеюшко Рахматович».

(195–215)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

То Владимир князь-от стольнѣ-киевской
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья розбойника. (I: 203–208)

Кириша Данилов:

И втапоры Илья Муромец
С великим князем на широкой двор

¹¹⁴ У В. П. Тайбарейского — «молодец».

Смотреть его удачи богатырския,
Выходили тута князи-бояра,
Все русские могучие богатыри:
Самсон-богатырь Колыванович,
Сухан-богатырь сын Домантьевич,
Светогор-богатырь и Полкан другой
И семь-та братьов Сбродовичи,
Еще мужики были Залешана¹¹⁵,
А еще два брата Хапиловы, —
Только было у князя их тридцать молодцов. (141–152)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижь, Заонежье:

Говорил-то как Владимир князь да стольнѣ-киевской:
«Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловьѹ да й по-солѹвьему,
Прикажи-тко закрытьчатъ да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей розбойник Одихмантьев сын!» (I: 217–222)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

«...Натяни ты духи змеиные,
Засвисти ты о полусвиста». (323–324)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижь, Заонежье:

«...Закрычи-тко ты во пол-крыку зверинаго».
Говорил-то ёму Соловей розбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарнии,
Не могу я засвистать да й по-солѹвьему,

¹¹⁵ Залешанами — т. е. выходцами из Залесья (территория исторической Владимиро-Суздальской Руси) — являются, в частности, Алеша Попович и его побратим Еким Иванович; они прибывают на службу князю Владимиру из Ростова Великого.

Закрычать-то не могу я по-звериному.
Ай вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мни да зеленá вина,
Я повыпью-то как чару зеленá вина,
Мои раночки кровавы порозóйдутся,
Да й уста мои сахарни поросхóдятся,
Да тогда я засвищу да по-солóвьему,
Да тогда я закрычу да по-звериному».
Говорил Илья-тот князю он Владимиру:
«Ты Владимир князь да стольнё-киевской!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зеленá вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тко к Сбóльвью к розбойнику».
То Владимир князь да стольнё-киевской
Он скоренько шол в столу свою горенку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не малу он стопу да полторá ведра,
Разводил медами он стоялыма,
Приносил-то ён ко Сбóльвью розбойнику.
Соловей розбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-ту Соловей однým духом... (I: 224–252)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Сам говорил таково слово:
«Другу чашу налейте пива пьянаго,
Чтобы весом чаша полтора пуда,
Мерой чаша полтора ведра;
Третью чашу налейте меду сладкаго,
Чтобы весом чаша полтора пуда,
Мерой чаша полтора ведра».
Наливали ему чашу пива пьянаго
И наливали ему чашу меду сладкаго,
Принимал он чашу единой рукой,
Выпивал чашу за единый вздох,
Тут Соловей пьян стал. (308–319)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Возговорит Илья Муромец таково слово:
«Уж ты батюшка наш, Володимир князь!
Не во гнев бы тебе, батюшка, показалось:
Я возьму тебя, батюшку, под пазушку,
А княгиню-ту закрою под другою». (162–166)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижепечорского района:*

Брал князя он под правую руку,
Матушку Апраксию под левую.
Говорит-то старой да Илья Муромец:
<...>
«Ой есь, Соловей Рахматовиць!
Натяни ты духи змеиные,
Засвисти ты о полусвиста».
Натягал Соловей духи змеиные,
Засвистел Соловей во весь свист... (318–320; 322–326)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Сняло у палат верх по оконечки,
Разломало все связи железныя,
Попадали все сильны могучи богатыри,
Упали все знатны князи-бояря,
Один устоял Илья Муромец. (170–174)

Кириша Данилов:

А князи-бояра испугались,
На корачках по двору напоззались
И все сильны богатыри могучия.
И накурил он беды несносныя:
Гостины кони с двора разбежались,
И Владимир-князь едва жив стоит
Со душой княгиней Апраксевной. (165–171)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

...Стоит — куньей шубонькой укрывается. (II: 221)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Он едва князь Владимир слово вымолвил:
«А уш ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Ты уйми Соловеюшка-розбойника!»
Ишша стал старой унимать Соловеюшка;
А ишша этому Соловеюшко не веруёт,
И поёт Соловеюшко громче прежняго.
А на это же старой осержаицэ... (246–252)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

«Ай же ты, Соловей Одихмантьевич!
Не послушал ты моего приказания».
Выводит он Соловья вон на улицу
Супротив палат белокаменных... (303–306)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

А как прикатили тут соловьиныи как детушки
А óткупы-ты-ко кормильца как батюшка.
А давали за кормильца за батюшка
Три телеги все ёрдýнскии:
А как первую телегу цýста сéребра,
А как другу телегу скáтнёго мелкого ведь земцюга,
А как третью телегу красна золота, —
«Тóлеко отдайте вы Соловья птицю Рохмáнную». (566–573)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Обзарился на именье на богатество
Солнышко Владимир князь... (789–790)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

Говорил: «Да старой казак Илья Муромецъ сын Ивановиць,
А отдай-ко ты кормильца им ты ведь батюшка!» —
«Ай как ты видь, солнышко князь стóльнѣ-киеськой,
А как ты не знаешь, ты не ведаешь Соловья птици Рохмáтова.
Отдать соловьиным видь детушкам — омманет ведь...»

(575–579)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Говорил старой казак Илья Муромец:
<...>
«Ай же, малы вьюноши Соловьиные!
Катите все именье-богачество,
Всю несчетну золоту казну:
Оставлена вам от батюшки,
Будет пропитатися до смерти,
Не надо вам по миру ходить да скитатися!»
<...>

Говорил Соловей да таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимир князь
И старой казак да Илья Муромец!
Спустите меня да на свою волю:
Я повыстрою вкруг города Киева
Села со приселечками,
Улки с переулками,
Города с пригородками,
Монастыри все богомольные».
Тут говорил старой казак,
Старой казак Илья Муромец:
«Ты солнышко, Владимир князь!
Не строитель он вековой, а разоритель:
Розоришь ты остатнии села с приселами,
Города с пригородками!»
Тут говорят инные богатыря:
«Ай же, солнышко Владимир князь
И старой казак Илья Муромец!
Если спустите его на свою волю,
Убьет-то нас до одинаго!» (791; 795–800; 757–776)

Кириша Данилов:

Говорил тут ласковой Владимир-князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Уйми ты Соловья-разбойника,
А и эта шутка нам не надобна!» (172–175)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорил Илья да таковы слова:
«Тоби полно-тко свистать да по-солóвьему,
Тоби полно-тко крычать да по-зверинуому,
Тоби полно-тко слезить да отцей-мáтерей,
Тоби полно-тко вдовить да жен молóдых,
Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок».
(I: 265–270)

Савелий Кузьмич Панов, деревня Куганаволок, Водлозеро:

Ай как ведь свёл Соловеюшка в тёмны погреба,
Ай в темны погреба да во глубокии. (468–469)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

А тут Сóловью ему й славу поют,
Ай славу поют ему век по́ веку. (I: 271–272)

*Никифор Калинович Семенов, деревня Белошелье
Лешуконского района:*

Говорит-то красно солнышко да таковó словó:
«Вот тебе, Илеюшко, я дам честь и славушку —
Над кнезьями ты будешь ещо выше всех.
Над богатырями-то ты будешь да ещо выше всех!» (149–152)

Певец из села Павлово Нижегородской губернии:

Пошли теперь к обеду княженецкому.
Возговорит сам батюшка Володимир князь:
«Ох ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Жалую тея трёмя я мёстами:
Перво место — подле меня ты сядь,
Другò место — супротй меня,
Трётье — где ты хочешь, тут и сядь».
Зашол Илья Муромец со кóнничька,
Пожал он всех князей и бóярей
И сильных могúчих богáтырей:
Учутилса он супротй князя Володимира.
За досаду Олеше Поповичу показалоса;
Взял Олеша булатной нож,
Он и кинул ёво в Илью Муромца:
Пымал на полетú Илья булатный нож,
Взоткнул ёво в дубовой стол. (189–204)

*Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гарево
Усть-Цилемского района:*

Тут начал солнышко-батюшко
Илью Муромца поить-угощать,
Подарил ему он кунью шубу,
Кунью да соболиную. (185–188)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Это первая поездка Ильи Муромца,
А по тихих мест поездка да кончается. (283–284)

ИЛЬЯ И СВЯТОГОР

Источники текста

- Татьяна Ивановна Поздеева, деревня Роцинский Ручей, Усть-Цилемский район* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 103 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 491–493.).
- Фёдор Андреевич Конашков, Пудога* (Илья Муромец: [Былина] № 77 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 346–363.).
- Никандр Васильевич Тайбарейский, деревня Лабожское Нарьян-Марского района* (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 86 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 432–433.).
- Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост* (Святогор: [Былина] № 1 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 4–8.).
- Максим Степанович Мякишев, деревня Марнаволок, Пудога* (Илья Муромец: [Былина] № 44 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 228–233.).
- Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога* (Святогор: [Былина] № 1 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 70–73.).
- Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка Нижнепечорского района* (Святогор и Илья Муромец: [Былина] № 3 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 158–163.).
- Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость* (Святогор с Ильёю Муромцем: [Былина] № 8 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 33–42.).
- Анна Михайловна Пашкова, Пудога* (Про Святогора: [Былина] № 4 // Былины Пудожского края. — Петрозаводск : Гос. изд-во к-ф ССР, 1941. — С. 98–102.).
- Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Рослякова, Кенозеро* (Святогор: [Былина] № 265 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 357–361.).

- Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро** (Святогор: [Былина] № 273 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 382–385.).
- Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гаревое Усть-Цилемского района** (Святогор и Илья Муромец: [Былина] № 6 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 164–165.).
- Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд** (Илья Муромец и Святогор богатырь: [Побывальщина] № 1 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. IV. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1867. — С. 3–4.).
- Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой), деревня Малые Нисогоры, Мезень** (Встреча и поездка Ильи Муромца со Святогором, смерть Святогора и освобождение Илей Муромцем Киева от Издолища: [Былина] № 418 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 584–589.).
- Анисья Никитична Камерилова, деревня Филимониха, Пудожский район** (Илья Муромец: [Побывальщина] № 57 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 283–285.).
- Иван Александрович Гурьбин, деревня Кривцово, Кенозеро** (Святогор: [Былина] № 270 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 374–375.).
- Андрей Фёдорович Пономарев, Печора** (Святогор: [Былина] № 71 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 202–203.).
- Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье** (Святогор и Садко: [Былина] № 119 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 297–302.).
- Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район** (Святогор: [Былина] № 79 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 224–225.).
- Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское Нижнепечорского района** (Святогор и Илья Муромец: [Былина] № 4 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 163–164.).

- Никита Антонович Ремизов, Пудога* (Илья Муромец: [Былина] № 40 // Былины Пудожского края. — Петрозаводск : Гос. изд-во К.-Ф. ССР, 1941. — С. 322–327.).
- Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега* (Встреча Ильи Муромца с Добрыней, Святыгоркой и со своим сыном: [Былина] № 129 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 408–412.).
- Ефрем Матвеевич Лешуков, деревня Лебская Лешуконского района* (Святогор и Илья Муромец: [Былина] № 2 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 124–126.).
- Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма* (Застава богатырская (Илья Муромец и Сокольник): [Былина] № 1 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 5–15.).
- Анкудин Ефимович Осташов, село Замезное (Замег), Пижма* (Бой Ильи Муромца с сыном: [Былина] № 6 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 37–41.).
- Иван Иванович Поздяков, деревня Малые Нисогоры Лешуконского района* (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 91 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 451–455.).
- Николай Фёдорович Поздяков, деревня Малые Нисогоры Лешуконского района* (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 93 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 459–461.).

Татьяна Ивановна Поздеева, деревня Роцинский Ручей, Усть-Цилемский район:

Зачиналсе у солнышка Володимера,
 Да зачиналсе ле втунове испочесен пир,
 Да вот почесен пир, право, похвальнѣй-от стол,
 Да собиралисѣ еше мальчички-богатыри,
 Да девеносто ле петь руських богатырей...
 <...>
 Да уж ле вси ле на пиру да наедалисе,
 Да уж ле вси ле на честнѣм да напивалисе.
 Да вот сидит стар ле казак да Илья Муромец,

Да он сидит ле ничем, право, не хвастает,
Да повеся ле дёржит да буйну голову,
Да потупя ле дёржит свои очи ясные.
Да уж как все ле на пиру да порасхвастались:
Да умной-разумной — старой матерью,
Да глупой-безумной — молодой женой,
Да кто похвастался да могутой-силой,
Да уж кто похвастал конём добрым,
Да уж кто ле похвастал золотой казной.
Да уж как солнышко Владимир-князь поднимается,
Да стал он по полу похаживать,
Да стал старого казака Илью Муромца выспрашивать:
«Да что же ты сидишь, старой, ничем не хвастаешь?
Не доходили до тебя, верно, чары винные?
Чары винные, стаканы пивные?
Или собраны тебе друзья-приятели не по уму?»
Берёт солнышко Владимир-князь чару зелена вина,
Не малу, не большу чару — полтора ведра,
Подавает старому казаку Илье Муромцу:
«Старой казак Илья Муромец!
Выкушай чару зелена вина!»
Тут берёт стар чару во праву руку,
Випивает чару за единой дух,
Ковригу хлеба берёт за щеку. (1–5; 7–33)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

А разгорелосе сердечко богатырьское.
— «А не с кем да силушки попробовать,
А не с кем мне плечя богатырские». (538–540)

*Татьяна Ивановна Поздеева, деревня Рошинский Ручей,
Усть-Цилемский район:*

Стал стар казак Илья Муромец по полу похаживать,
Да сапог о сапог стал пощелкивать,
Да за рукав шубу стал поволакивать —
Тут и все на пиру приудрогнули,
Да друг за дружку хоронятся:
Да уж как малой хоронится за среднего,

Средней хоронится за бoльшого.
Стал просить старой казак Илья Муромец...
<...>
Во чисто поле ехать биться-ратиться. (34–41; 46)

*Никандр Васильевич Тайбарейский, деревня Лабожское
Нарьян-Марского района:*

«...Мне-ка дайте-се топеря поединщыка,
Я поеду я по чистому по полюшку,
Я поеду бы я с ним да поздороваюсь». (19–21)

*Татьяна Ивановна Поздеева, деревня Роцинский Ручей,
Усть-Цилемский район:*

Пошел он выбирать на конюшен двор
Лошадь добрую, бурушка косматого,
Косматого бурушка, расхматого.
<...>
Поезжает стар казак Илья Муромец,
Берёт себе тугой лук и калену стрелу,
И берёт себе палицу буёвую,
Особливо берёт шашку вострую.
Поехал казак во чисто полё,
Не видали поездочки богатырьской,
А только видели: в поле дым стоит,
Дым стоит, да курева валит... (47–49; 52–59)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

А на¹¹⁶ тых горах высокиих,
На той на Святой Горы,
Был богатырь чудныи,
Что ль во весь же мир он дивныи,
Во весь же мир был дивныи.
Не ездил он на святуую Русь,
Не носила его да мать сыра земля. (1–7)

¹¹⁶ У П. Л. Калинина — «на».

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское
Нижнепечорского района:*

Ездил он по Святым горам.
Его несла одна Света гора. (2–3)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Хотел узнать казак наш Илья Муромец
Славного Святогора нунь богатыря. (8–9)

Максим Степанович Мякишев, деревня Марнаволок, Пудога:

Отец-мать Илье Муромцу наказывали не ездить
на Святые горы к Святогору¹¹⁷. (С. 231)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Как выехал Илья на добром кони,
Как сам-то еще пораздумался:
«Какой я есь богатырь носитель?
На божье мни смерть да не писана,
Как на божье да не сказана.
Поеду я еще во святы и горы,
Проведаю видь я про богатырей,
Про того ли я Егора-Святогора ведь.
Есть матерой богатырь да великих
Есть он, был да горных,
Его-то я видь силушки не попробовал».
Заехал-то Ильюшенька Муромец
На ты ль тут горы на высокие
Под ущелья бы ли да плотные. (1–14)

¹¹⁷ У М. С. Мякишева — «Златогору».

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Выехал он на ископытъ лошадиную,
И поехал по этой ископяти лошадиной,
Нагонил он руського богатыря... (3–5)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Как едет чудовище, чудо видь,
Сидит-то ён еще на добром кони,
Такого чуда ён да ведь не видал,
Такого видь чуда он не слышал. (15–18)

Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость:

Едет¹¹⁸ богатырь выше лесу стоячаго,
Головой упирает под облаку ходячую... (136–137)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко. (58–59)

Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость:

...На плечах везет хрустальный ларец.

<...>

В том ларце¹¹⁹ жена богатырская.

Такой красавицы на белом свете

Не видано и не слыхано:

Ростом она высокая,

Походка у ней щепливая,

А глаза-ти у нее да ясна сокола¹²⁰,

¹¹⁸ У Л. Богданова — «видит: едет».

¹¹⁹ У Л. Богданова — «выходит оттоль».

¹²⁰ У Л. Богданова — «очи яснаго сокола».

А как брови у нее да чёрна соболя¹²¹,
С платьница тело белое видети. (138; 142–149)

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

По косицам у ней звезды частыя. (II: С. 28)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Рослякова, Кенозеро:

Разгорелось у Ильи да ретиво сердцо,
Наганивал коня он со чистá поля... (86–87)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Как тут разъехался на добром кони,
Ударил своей палицей богатырьской
Прямо тут ему (в) буйну голову.
А как то ведь чудовище да идет-то,
На кони сидит да подремливат,
Назад-то ведь чудо не оглянетсы,
Вперед-то ведь он колыбаетси. (19–25)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Говорит богатырь¹²² таково слово:
«Ветру нет, а шишки падают». (8–9)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Илья-то тут-ко был Муромець,
Сам-то ён еще пораздумалсе... (26–27)

¹²¹ У Л. Богданова — «бровушки черного соболя».

¹²² У И. К. Осташова — «Святогор».

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

«Что это за чудо есть?

<...>

Видно, я ударил худо ево.

<...>

Дай-ко розъедусь во вторые раз».

Как розъехался Илья Муромец,

Да ударил крепко-накрепко... (5; 18; 13–15)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Бил-то ведь яво буйну голову, —

Как на кони сидит да подремливат,

Вперед-то чудо видь да не оглянетси,

А на добром кони ни пошатнетсе

От того удара богатырского. (36–40)

*Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гареве
Усть-Цилемского района:*

Говорит богатырь¹²³ таковы слова:

«Руськи комары уже кусаются». (4–5)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Рослякова, Кенозеро:

Розгорелось у Ильи да ретиво сердце... (86)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Как раньше ездил я да наежживал,

Как сразу я головушек поймывал,

С добрых-то я коней попихивал.

Теперь-то у мя сила не по-старому,

Могута стала да не прежняя».

А ударил палицей да во сырой дуб,

Разлётелся дуб да видь сырых. (28–34)

¹²³ У С. А. Хозяинова — «Святогор».

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

Как розъехался Илья да он ведь в третий раз,
Как ударил богатыря крепко-накрепко,
Да ударил ево плотно-на́плотно... (19–21)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Рослякова, Кенозеро:

...И думал: «богатыря с конём убил».
Сидит богатырь на добром кони,
Назад богатырь не оглянется¹²⁴. (103–106)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

И отшиб Илья¹²⁵ себе да руку правую. (85)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

«Ах да что я за сильнии богатыре,
От моей руки никакой богатырь не мог на кони усидеть...»
(11–12)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

И убоялся добрый молодец, старый казак
да Илья Муромец, того богатыря¹²⁶. (С. 3)

Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость:

...Спускал коня во чисто поле,
А сам выстал во сырой дуб. (134–135)

¹²⁴ У И. Г. Третьякова — «отоглянется».

¹²⁵ У А. М. Пашковой — «он».

¹²⁶ У Т. Романова — «того ли Святогора богатыря».

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

Приехал богатырь¹²⁷ под тот сырой дуб, раскинул шатер бело-полотняный и вынимает из ларца¹²⁸ жену красавицу. Разстилала она скатерти бранья, разставляла ества сахарныя... (С. 3)

Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость:

...Вынимала из ларца питьица медвяныя. (153)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

Наедался богатырь¹²⁹ досыта, и напивался он долюбви... (С. 3)

Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость:

И пошел с женою в шатер проклаждатися,
В разныя забавы заниматься.
Тут богатырь и спать заснул.
А красавица жена его Латыгорка¹³⁰
Пошла гулять по чисту полю,
И высмотрела Илью в сыром дубу.
Говорит она таковы слова:
«Ай же ты, дородний добрый молодец!
Сойди-ка со сыра дуба,
Сойди, любовь со мной сотвори;
Буде не послушаешься,
Разбужу Святогора-богатыря
И скажу ему, что ты насильно меня во грех ввел». (155–168)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

Убоялся Илья Муромец Святогора богатыря... (С. 3)

¹²⁷ У Т. Романова — «Святогор богатырь».

¹²⁸ У Т. Романова — «и вынимает из кармана».

¹²⁹ У Т. Романова — «Святогор».

¹³⁰ У Л. Богданова — «жена его богатырская».

Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость:

Нечего делать Илье:
С бабой не сговорить,
А со Святогором богатырем не сладить;
Слез он с того сыра дуба
И сделал дело повеленое.
Взяла его Латыгорка¹³¹, богатырская жена,
Посадила к мужу во глубок карман
И разбудила мужа от крепкого сна.
Проснулся Святогор богатырь,
Посадил жену в хрустальный ларец... (169–178)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Как день он едет до вечера,
Тёмну ноченьку да он дó утра,
И второй он день едет до вечера,
Тёмну ноченьку он дó утра,
Как на третьей-то да на денёчек... (94–100)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

...У коня-то стали ножки подгибаться.
Как ударил Святогор да своево добраго коня... (27–28)

*Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гареве
Усть-Цилемского района:*

«Ах ты конь, ты конь, травяной мешок!
Что ты, конь, в землю протупаешься,
Протупаешься, рылом упираешься?» (10–12)

¹³¹ У Л. Богданова — «красавица».

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

«...Иле слышыл незгоду да мне великую?...» (27)

*Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гарево
Усть-Цилемского района:*

Говорит ему конь руським голосом... (13)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

«Как мне-ка-ва да не поткнутися?
Вожу я третьи суточки
Двух сильниех могучиех богатырей...»
<...>

Тут Святогор вынимал Илью да из кармана вон... (31–33; 35)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Он берёт Илью да за жолты кудри,
Он кладёт Илью да на сыру землю... (115–116)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

И говорит он таково слово:
«Ой есь, удалой доброй молодец,
Да едеш ты по чужой дороженьки». (23–25)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Начал спрашивать да он выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?» (118–120)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А говорит Илья таковы слова:

<...>

«Как про тебя слава широко-то шла
По всим землям-то, ище по всим ордам
Как очинь ты был да ведь сильныи, —
Потому наехал я топерь
На тебя, на доброго мóлодца». (67; 70–74)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

«Ты как зашел во глубок карман?» (С. 4)

Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость:

Илья ему сказал все по правды по истины... (С. 39)

Трофим Романов, деревня Колодозеро, Пудожский уезд:

«Завела меня твоя молода жена наугрозою». (С. 4)

*Анисья Никитична Камерилова, деревня Филимониха,
Пудожский район:*

Святогор-богатырь¹³² на березовый пень сел, расплакался. — «Как это живут крестьяне-мужицьки? Вот я в ларце¹³³ возил и то не мог жены уберещи, а не то крестьянину-от, простому мужику, свою жону уберечи от чужого мужа: не сберещи никак. Прогнал¹³⁴ жену в ее стороню: — «Возьмите родители». (С. 284)

¹³² У А. Н. Камериловой — «Самсон-богатырь».

¹³³ У А. Н. Камериловой — «в кармане».

¹³⁴ У А. Н. Камериловой — «повезли».

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты, удалой добрый молодец!
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражатиси,
Я желаю с тобой побрататиси».
Святогор богатырь соглашается,
Со добра коня да опускается,
И раскинули оне тут бёл шатёр,
А коней спустили во луга зелёныи,
Во зелёные луга оне стреножили.
Сошли они оба во белой шатёр,
Они друг другу порассказалиси,
Золотыми крестами поменялиси,
Оны с друг другом да побраталиси,
Обнялись они поцеловалиси...
<...>
Хлеба-соли тут оне откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатёр да опочив держать.
И недолго, немало спали трое суток,
На четвёрты оне да просыпалиси,
В путь-дороженьку да отправлялися.
Как седлали оне да коней добрых,
И поехали оне да не в чистó поле,
А поехали оне да по святым горам,
По святым горам да Араратским. (124–138; 141–150)

Иван Александрович Гурьбин, деревня Кривцово, Кенозеро:

Еще стал Самсон-Святигор тут выпрашивать:
«Да велика ли в тебе да еще сила есть?»
— «Ай во мне еще сила небольшая есть,
Еще только побиваю я ведь хрáбростью свдеи». (20–23)

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

Да прогбворил ли Святогор тут богатырь:
 «Ай же ты Илья да сын Иванович!¹³⁵
 По крестовому по братству я ббольшой брат,
 А ты будешь ли, Илья да сын Иванович!¹³⁶,
 Да ты будешь мне мёньшой брат». (96–100)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Если бы я тебе да ударил-то,
 Как от тебя один да ведь прах-то стал,
 Разлетелись бы твои костоцьки». (83–85)

Иван Александрович Гурьбин, деревня Кривцово, Кенозеро:

«Да ведь во мне-то сила да такая есть,
 Кабы в земною-то обшёрности был стблб,
 Да как был бы-то в небёсной вышины,
 Да кабы было в столбй в этом кольцо,
 Поворотил бы я всю землю подвселенную». (25–29)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
 деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

«На небеса была нонь да бы как лисвиця, —
 Да с небесною силой да я бы сведалсе,
 Ище сведалсэ с ей да переведалсэ!»
 Да не в то-ле как время да нонь не в ту пору
 Да идёт где старик да нонь седатой-от,
 Ище весь где старик да исутулилсэ;
 Да несёт где старик да нонь три ташоцьки,
 Да одну-ту веть ташку да уронил с плеча.
 Говорил где старик да таково слово:
 «Ты соскакивай-ко, сильней удалой доброй молодець,
 Ты соскакивай нонь да со добра коня;
 Ты подыми-ко у мня ташку на могучо плечо!» (40–51)

¹³⁵ У В. П. Щеголенка — «Самсон да ты Самойлович».

¹³⁶ У В. П. Щеголенка — «Самсон да ты Самойлович».

*Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска,
Нарьян-Марский район:*

Наезжает Святогор да вот на сумочку,
Своей плеткою он да сумку потрогиват —
Лёжит сумка на земли да не шелóхнется. (8–10)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету ездивал,
А такого чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не шшевелится,
Не шшевелится да не здымается,
Богатырской силы не сдавается». (29–34)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Да соскакивал Святыгор да со добра коня
Да хватил ету ташку да единой рукой,
Да не мог где-ка нонь да оторвати нонь
Да от той же земли да ноне матери... (52–55)

*Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска,
Нарьян-Марский район:*

И берет-то ведь сумку в обе рученьки,
Поднимает-то сумку да до колен своих.
По колен-то в землю да он угрыз-ы с ей. (12–14)

Иван Александрович Гурьбин, деревня Кривцово, Кенозеро:

А все жилы и суставы у Святогора¹³⁷ ропущаются,
И по колену-то в землю Святогор¹³⁸ убирается. (44–45)

¹³⁷ У И. А. Гурьбина — «у Самсона».

¹³⁸ У И. А. Гурьбина — «Самсон».

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

И взмолился он да своему коню:
«Уж ты верный богатырский конь,
Выручай теперь хозяина».
Как схватился он да за уздечку серебряну,
Он за ту подпругу золочёную,
За то стремячко да за серебряно.
Богатырский конь да принатужился... (37–43)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Да подсунули ему плиту жлезную. (59)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

А повыдернули¹³⁹ Святогора из сырой земли. (44)

*Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска,
Нарьян-Марский район:*

Говорит-то Святогор да таковы слова:
«Уж ты гой еси, ведь старый многосильный же,
И чего у тебя в сумочке накладено?»
Говорит-то ему старец таковы слова:
«Тяга в сумочке у меня да от сырой земли». (15–19)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

«Ище ездн нонь, молодец, не хвастай нонь:
Ище в этой где ташки да нонь — как треть земли!»
Посадились они да на добрых коней,
Да поехали они да как прямым путём... (61–64)

¹³⁹ У А. М. Пашковой — «а повыдернул он».

Леонтий Богданов, деревня Середки, Кижская волость:

Выучил Святогор Илью
Всем похваткам, поездкам богатырским... (194–195)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели оне да чудо чудное,
Чудо чудное, да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тута да дубовый гроб... (151–155)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Стретились им два странника... (28)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

... Ище строят домовищо да белодубово.
Приезджали где они да к добрым молоццам,
Да давали бы они да как Божью помбш. (65–67)

Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гарев Усть-Цилемского района:

«Божья вам помощь, добры молодцы...» (29)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Говорит Святогор таково слово:
«Кому вы, робята, этот гроб делаете?» —
«В этот гроб, говорят, хошь ты ложись». —
«Куда я войду в этот гроб?
Ваш гроб, говорит, мне-ка мал будет». (128–132)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

Сходили они да с коней добрых,
Ложился-то Илья да во сей-от гроб... (50–51)

Андрей Фёдорович Пономарев, Печора:

Как Илья тут — робеночек. (43)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

А Святогор-от говорил да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не для тебя сей гроб состроен есть,
Дай-ко я ведь лягу да во сей-от гроб». (52–55)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Илья-то вышел с гроба, вопроговорит:
«Не лажно те ложиться во этот гроб, —
Тебе ведь с гроба нунь не повыйти ведь». (101–103)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Слез Святогор со добра коня,
Лег в этот гроб — гроб как раз по ём... (135–136)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

Говорил-то Святогор да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
Хорошо здесь во гробе жить». (60–62)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Накрылась на него доска — гробни́ця.
И потерялись эти два странника,
И лежит Святогор во том гробу,
И не может он поворотиться. (137–140)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Говорыл Светыгор да таково слово:
«Ростяну веть я нонь да ногу правую, —
Да улетят веть ваши нонь укрепы все;
Да роскину веть я нонь руку правую, —
Росшибу я домовищо белодубово!»
<...>
Ростенул-де веть нонь да ногу правую, —
Как права-та нога да нонь не дэстуёт.
Ростянул где Святыгор да руку правую, —
Как права-та рука да нонь не дэстуёт. (83–87; 90–93)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Говорит Святогор таково слово:
«Бей, старой, гробницу палицёй буевой,
Розломи ты гробову доску,
Тогда стану я из гробу чудного». (141–144)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Говорыл Светыгор таково слово:
«Уш ты ой еси, Илеюшка ты Мурамец!
Ухвати-тко-се палицу буёвую,
Розбивай домовищо да белодубово!»
Тому слову где старой да не ослышылсэ, —
Ухватил он веть палицу буёвую,

Как ударыл домовищо да белодубово:
Как ударыл где старой, — да обруць наковал;
Как ударыл где старой да ноне фторой рас, —
Ище фторой ноне обруч да веть как наковал;
Как ударыл старой-от да ноне треть-ёт рас, —
Ище треть-ет старой да обруць наковал. (94–105)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

Говорил-то Илья да таково слово:
«Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Куда ударю — туды обручи железные».
Говорил-то Святогор да таково слово... (74–77)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Бери-ко меч да сильных,
Секи ведь, секи да эти да обручи,
Да надь со гробу повыйти мне!»
Дак тут берет его да ведь меч, —
Да его меча не может да видь поднять:
«А нет, ты, богатырь, Святогор-то ведь,
Твоего меча не могу от земли вложить,
От земли поднять не могу топерь».
— «Илья, попади, припади-тко
Ко гробу ведь, да ко щилочке,
Я вздохну, тебе да прибавлю
Силушки в тебе да вдвое топерь,
Как станешь ты владеть да моим мечем».
Припал-то ён видь, Илюша, ко щелочке... (127–140)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское
Нижнепечорского района:*

Здохнул Светогор Ильи Муромцю —
Илья как надут весь от силы сделалса. (38–39)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Как тюкнул он да мечем-то ведь —
Наскоцили да вдоль обручи железные,
Другой раз тюкнул — обручи железные. (142–144)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Говорит Святогор да таковы слова:
«Ах ты, меньший брат да Илья Муромец!
Видно, тут мни, богатырю, кончинушка,
Ты схорони меня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского...» (194–198)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Как припади, Илюша, ко щелочке,
Я вздохну, будет вся ведь сила моя у тебя». (146–147)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

«Даки ты будешь ездить по Святым горам,
А не будешь ты бояться богатырей,
Никакого сильняго могучаго богатыря». (85–87)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Говорит Илья да таковы слова:
«У меня головушка есь с проседью,
Мни твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достатоцно;
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать-сыра земля,
И не наб мне твоего коня да богатырского,
А мни-ка служит верой-правдою
Мни старой Бурушка косматенький». (202–210)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Не припал Илья Муромец к гробовой доски,
Тогда бы Илью силой разорвало. (42–43)

Пётр Яковлевич Меншиков, Кенозеро:

Говорил-то Святогор да таково слово:
«Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
Видно мне-ка туто Бог и смерть судил». (77–79)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Ах ты старьи казак да Илья Муромец,
А ты съезди-тко да к моему было родителю,
К древному да батюшку,
К древному да темному,
Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка
Мне-ка вечнаго прошеньница». (78–83)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

«Увидишь ты во чистом поли —
Стоит наш дом великия;
Увидишь, говорит, наш дом...
<...>
И приедь к моему отцю,
И зайди в избу, говорит.
Отець сидит на лавки дубовой...» (78–80; 88–90)

Никита Антонович Ремизов, Пудога:

«Ну как придёшь да ещё с ним не здоровкайся,
Не подай-ко ты ему да руцки белой:
Как сила у его нуньку большинская,
То ён захватит, так и лопнут вси косточки,

А подай-ко ты ему да лучше палицу,
Пусть он да старик ещё жмёт ею». (170–175)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нишнепечорского района:*

«Ты с им тогда поздравайсе
И расскажи, как с тобой мы сошлись-съехались,
И у нас како было подеишшо...» (91–93)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Отправляется казак да Илья Муромец
От того же Святогора прочь богатыря
На ту гору на Палавонскую
А к тому же старичку да было древному,
Хоть бы древному да темному. (84–88)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

И поехал Илия да во цисто полё.
Ехал Илия да по цисту полю;
Он на стречи стречал да молоду жону,
По прозванью ей звали Святыгоркой. (71–74)

Ефрем Матвеевич Лешуков, деревня Лебская Лешуконского района:

...Латьгорка¹⁴⁰ уже ездит, рискует в поле. <...> Она и говорит:
«Вот кого Егор-Святогор¹⁴¹ послал! Я дуну — так улётит, я плюну —
так костя́ не найдёт». Вот и подъехал, дунула на него, он сидит — не
тряхнется. Плюнула — сидит. «Ах, какой ловкой подъехал», — гово-
рит. (77–78; 80–82)

¹⁴⁰ У Е. М. Лешукова — «она».

¹⁴¹ У Е. М. Лешукова — «Егор».

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да съежжались они¹⁴² да на чистом поли,
 Да и сила на силу прилучилосе,
 Да не ранились они¹⁴³ да некровавились... (373–375)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

Становил тут Илея свой веть бел шатёр,
 Сотворил с ею да любовь тайную... (75–76)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замезное (Замег), Пижма:

Они¹⁴⁴ сделали любовь с ею сердечную,
 Да сердечную любовь, да нынь телесную. (114–115)

*Иван Иванович Поздяков, деревня Малые Нисогоры
 Лешуконского района:*

Когда стали они с ей расставаться, она сказала ему, что она
 стала беременна. (2–3)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

И даровал он ей камень драгоценное:
 «Если сын у тя будёт, ему в пёрстень влей;
 Если доць у тя будёт, да отдай с дочерью!» (77–79)

*Николай Фёдорович Поздяков, деревня Малые Нисогоры
 Лешуконского района:*

«...если сын родится — оставляю ему копьё булатное¹⁴⁵, меч-
 кладенец, крест. Если крепким родится — чтобы он на Киев-град
 не смел никогда наступать! Там его отец». (7–9)

¹⁴² У Ф. Е. Чуркиной — «мы с им».

¹⁴³ У Ф. Е. Чуркиной — «мы».

¹⁴⁴ У А. Е. Осташова — «уж мы».

¹⁴⁵ У Н. Ф. Поздякова — «коня, копьё булатное».

Дарья Григорьевна Кобелева:

И поехали они да простостилисе. (80)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Приезжае Илья Муромец
На ту на гору Палавонскую... (89–90)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нишнепечорского района:*

Приезжат он к дому да великому,
Слезовал он со добра коня,
Заходил он в нову горенку —
Сидит Святогор на лавке дубовой. (118–121)

Никита Антонович Ремизов, Пудога:

Пришол-то да топерь поздоровался,
Как вместо руки-то ён подал паличу,
Поприжал-то старик да топерь слепой,
Как руцка ещё в палице согнуласе. (179–182)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Здравствуешь, престарыи да дедушка,
Древнии ты темнии!
Я привез тебе поклон да челом-бительцо,
От твоего сына любимого,
От того же Святогора я богатыря:
Просит он прошеньица да вечнаго.
Как лег же во площаницу он в огромную,
Да во тот было во гроб во каменной,
Я оттуль не мог его повызднуть».
Разсердился тут старик да было темнии,
Темнии старик да было древнии:
«Знать убил же Святогора ты богатыря

Приезжаешь нунь ко мне-ка-ва со ведома,
Ты привозишь мне-ка весточку нерадостну».
Как хватит тут же палицу да богатырскую,
Да помáхне во богатыря,
Ай богатырь тут увёрнется,
Да старик тут образумится.
Дал ему да вечное прощеньицо,
Святогору да богатырю,
Да и сыну да любезному.
Приезжает тут казак да Илья Муромец
К Святогору да богатырю,
Он привозит тут прощенье ему вечное.
С им же он да тут прощается... (92–116)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Как же ты, Ильюшенька Муромец,
Как привяжи ко дубу ко моему ведь,
К моему ко гробу великому,
Как привяжи добра коня-то ведь,
Привяжи его плóтно-наплотно,
Чтоб тут подохнул ведь и добрый конь, —
Никому ни владеть да добрым конем,
Добрым конем еще богатырским».
Как привязал Илья на поводу шелкóвые
Его-то видь еще да добра коня —
Тут Святогор, тут и конь добрыи. (153–163)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Да пошел где старой да во цисто полё,
Поимал где своёго да коня доброго,
Не¹⁴⁶ садилсэ старой да на добра коня, —
У добра коня подломилась бы¹⁴⁷ хребётна кость. (124–127)

¹⁴⁶ У А. М. Мартынова — «да».

¹⁴⁷ У А. М. Мартынова — «как».

Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гаревы Усть-Цилемского района:

Почал Илья тогда дубья рвать,
Тогда у Ильи силы посбавилось... (58–59)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Тута братьница да распростилиси,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонский.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают,
А на том былинка и закончилась. (209–221)

ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ

Источники текста

- Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря* (Илья Муромец в изгнании и Идолище: [Былина] № 43 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. Левенсон, 1901. — С. 215–220.).
- Авдотья Андреевна Шишолова, деревня Верхнее Бугаево, Усть-Цилемский район* (Илья Муромец: [Былина] № 12 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 80–86.).
- Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма* (Илья Муромец в опале: [Былина] № 2 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 16–21.).
- Елена Григорьевна Мяндина, деревня Среднее Бугаево, Усть-Цилемский район* (Илья Муромец: [Былина] № 11 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 75–80.).
- Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район* (Илья Муромец: [Былина] № 1 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 47–52.).
- Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд* (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 48 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 326–335.).
- Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога* (Илья и Идолище: [Былина] № 6 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 85–91.).
- Оксеня Антоновна Юдина, деревня Матверы, Пинега* (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 90 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 289–291.).
- Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега* (Илья Муравиць и Чудище проклятое в Цареграде: [Былина] № 112 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами,

записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 348–353.).

Иван Григорьевич Захаров, деревня Пога, Водлозеро (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 196 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 5–9.).

Артемий Егорович Петров, деревня Дорогая Гора, Мезень (Илья Муромец и Идолище в Киеве: [Былина] № 323 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 110–112.).

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро (Илья Муромец в Цареграде: [Былина] № 232 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 245–251.).

Алексей Виссарионович Батов, Выгозеро (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 186 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 666–672.).

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Кижы (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 144 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 427–430.).

Александр Давыдович Костин, деревня Кузминская, Почозеро (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 245 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 285–288.).

Крестьянин Щербаков, Каргопольский уезд (Илья у царя Василия Боголюблева: [Былина] № 13 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 52–56.).

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 4 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 26–31.).

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро (Илья Муромец в Цареграде: [Былина] № 220 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 143–146.).

Анна Васильевна Стрелкова, Зимний берег Белого моря ([Отрывок из былины] № 128 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 426.).

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень (Илья Муромец и голи кабацкия, Илья Муромец и Издолище в Киеве: [Былина] № 355 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 271—279.).

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка Нижнепечорского района (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 65 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 353—354.).

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога (Илья Муромец: [Былина] № 70 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 322—329.).

Фёдор Захаров, Выгозеро (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 178 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 641—643.).

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой), деревня Малые Нисогоры, Мезень (Встреча и поездка Ильи Муромца со Святогором, смерть Святогора и освобождение Ильею Муромцем Киева от Издолища: [Былина] № 418 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 584—589.).

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ай во славном было городе во Киеви... (1)

Авдотья Андреевна Шишолова, деревня Верхнее Бугаево, Усть-Цилемский район:

Пировали-столовали у солнышка Владимира.
Солнышко Владимир-князь дал Илье Муромцу
Дорогí подароцки — кúню шубу.
Старóй-от по полу похаживат,
Таковý слова выговариват:
«Эта шубочка мне в любвэ пришла». (102—107).

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«А не мне были подароцьки направлены,
А направлены Дунаю сыну Ивановичу,
А мне видно-де нынче да пригодились». (5–7)

*Елена Григорьевна Мяндина, деревня Среднее Бугаево,
Усть-Цилемский район:*

«Уж ты будь, моя шуба, счастлива,
И будь, моя шуба, талáниста,
Я убил Соловейку¹⁴⁸ во чистом полí,
Еще убить бы неприятеля со зятелком со Киршаком,
У его, у собаки, силы множество». (15–19)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Уж услышали тут думныя бояра нынь,
Они писали ерлыки да скоры грамоты,
Доносили князю они Владимиру:
«А обхулил твои да стар подароцьки,
Говорил будто стар-казак Илья Муромець:
“Уж я цё, думаю, мне князь дарить станёт,
Он и шубку дарит мне, будто у мян шубок нет”». (8–14)

*Авдотья Андреевна Шишолова, деревня Верхнее Бугаево,
Усть-Цилемский район:*

А боярам толстобрюхим завиду стало,
За великую досаду показалось.
Сказали они князю Владимиру,
Что-то старой-то по полу похаживал,
Таковы́ слова выговаривал:
«Эта шубочка мне-ко не в любви пришла». (108–113)

¹⁴⁸ У Е. Г. Мяндиной — «Идолище».

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Насказали на Илью-ту всё на Мурамця... (4)

Елена Григорьевна Мяндина, Усть-Цилемский район:

«Ты вот подарил нахва́лище шубу,
Он по полу похаживает,
За рукав шубу поволáчивает
И шубы своей наговаривает:
“И быть ты, моя шуба, счастлива!
И быть, моя шуба, таланиста...”» (20–25)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

«“Пособил Бог¹⁴⁹ добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть солнышка Владимира”». (143–144)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«“Я ведь князя-та Владимира повыживу,
Сам я седу-ту во Киёв на ево место,
Сам я буду у его да всё князём княжить”».
Ай об этом они с князём приросспóрили;
Говорит-то князь Владимир таковы речи:
«Прогоню тебя, Илья, да Илья Муромець,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва;
Не ходи ты, Илья Муромець, да в красён Киёв-град».
Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
«А ведь прѣдет под тебя какá сила неверная,
Хоть неверна-та сила бусурманьская, —
Я тебя тогды хошь из неволюшки не выруцю».
Ай поехал Илья Муромеч в цистó полѣ,
Ис цистá поля отправилсэ во город-от во Муром-то,
Ай во то ли во село, село Качáрово,
Как он жить-то ко своёму к отцю, матушки,

¹⁴⁹ У А. А. Носовой — «что пособил Бог».

Он ведь у отца живёт, у матушки,
Он немало и немного живёт три года. (6–23)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как сильноё могучо-то Иванищо,
Как он Иванищо справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Итти к городу еще Еросóлиму,
Как Господу там Богу помолитися,
Во Ёрдань там реченки купатися,
В кипарисном деревци сушитися,
Госпóднѣму да гробу приложитися.
А сильноё-то могучо Иванищо,
У ёго лапотци на ножках семи шелков,
Клюшà-то у его ведь сорок пуд.
Как ино тут промеж-то лапотци поплѣтены
Каменья-то были самоцветныи.
Как межѣнный день да шол он по красному солнышку,
В осенну ночь он шол по дорóгому камению самоцветному.
(1–15)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

День и ночь идет да не отдохнѣт. (13)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Ино тут это сильноё могучеё Иванищо
Сходил к городу еще Еросóлиму,
Там Господу-то Богу он молился есть,
Во Ёрдань-то реченки купался он,
В кипарисном деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он Иван поворот держал,
Назад-то он тут шол мимо Цáрь-от град.
Как тут было еще в Царí-гради
Наехало погано тут Идóлицо,
Одолели как поганы вси татарева... (16–26)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Побита рать, как силушка великая,
Силушка была да все русьская. (102–103)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как скоро тут святые образа были поклоты,
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В Божьих-то церквах он начал тут коней кормить. (27–29)

Оксенья Антоновна Юдина, деревня Матверы, Пинега:

...Запретил просить милостинку Христа ради:
«Вы просите-тко милостинку ради Идола!» (4–5)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как это сильно могуче тут Иванищо
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чистó поле
А начал у поганаго доспрашивать:
«Ай же ты татарин да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолищо,
Велик ли-то он ростом собой да был?»
Говорит татарин таково слово:
«Как есть у нас погано есть Идолищо
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная...» (30–41)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

«А ножишша как-быть лыжишша,
А руцишша как-быть граблишша!» (23–24)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А головѣщо что водь люто лохалищо,
А глазѣща что пивныи чѣшища,
А нос-от на роже он с локоть был». (42–44)

Иван Григорьевич Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

«Да зашел он к царю Константину Боголюбовичу
Во тыи во полаты белокаменны». (18–19)

Артемиий Егорович Петров, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«Да и Богу Издолишшо не молицэ...
<...>
Говорил¹⁵⁰ тут Издолишшо таково слово,
Говорил-то¹⁵¹ веть он да со югрозами:
<...>
“Запрети-ко просить милостину Христа ради
Да и тем же каликам да перехожьем,
Перехожьем каликам да переброжьем!
Ише ты не уймёшь, дак я и сам уйму:
Я тебя же то царя¹⁵² да под мець склоню,
А Елену-ту царицу¹⁵³ да за себя возьму,
Христианскую веру да облатыню всю,
Уш я Божьи-ти церкви да все под дым спушшу,
Я попов-патриархов да всех под меч склоню,
Как богатырей головушки повырублю
Да на копыица головушки повывсажу!”» (8; 10–11; 13–23)

Иван Григорьевич Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

«А садился¹⁵⁴ за столамы за дубовыма,
А за ествами сидит он за сахарнима,

¹⁵⁰ У А. Е. Петрова — «говорит».

¹⁵¹ У А. Е. Петрова — «говорит».

¹⁵² У А. Е. Петрова — «князя».

¹⁵³ У А. Е. Петрова — «Апраксею-кнегину».

¹⁵⁴ У И. Г. Захарова — «сидит».

А к царицы сидит он лицинищом,
А к царю Костянтину Боголюбовичу,
А к царю сидит он хребтинищом». (20–24)

Артемий Егорович Петров, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«Посадил же царицу¹⁵⁵ подле себя
Да держит у царицы¹⁵⁶ руки в пазухи». (34–35)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как хватил-то Иванищо¹⁵⁷ татарина тут за руку,
Бросил он ёго в чистó полё,
А розлетелись у татарина тут косточки.
Пошол-то тут Иванищо вперед опять... (45–48)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

Ото славнаго батюшка от Царяграда
Пролежала путь дорожка широкая.
И долиною по дорожке век не бывано,
И шириною та дорожка тридцати сажен.
Да по той по дорожки по широкие,
Да идёт-де калика перехожая.
И он-де волосом бел, бородой седат,
Да и гуня-де на нём сорочинская,
Да и шляпа-де на нём земли греческой,
Да клюкою-де калика подпирается,
Под каликою земля подгибается. (1–11)

Алексей Виссарионович Батов, Выгозеро:

Ай стал он с горы на гору поскакивать,
Ай стал он с холмы на холму попрядывать:
Реки, мелки озера меж ногí спущал. (40–42)

¹⁵⁵ У А. Е. Петрова — «Апраксею».

¹⁵⁶ У А. Е. Петрова — «Апраксеи».

¹⁵⁷ У Н. Прохорова — «он».

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Рознемогсэ-то во ту пору казак да Илья Муромець:
Он не мог-то за обедом пообедати;
Розболелось у ево всё ретивó серьцо,
Закипела у ево всё кровь горячая.
Говорит-то всё Илья сам таковы слова:
«Я не знаю, отцево да незамог совсим.
Не могу терпеть жить-то у себя в доми;
Надоть съездыть, попроведать во чистó полё,
Надоть съездыть, попроведать в красён Киёв-град».
Он сядлал, сбирал своёго всё Косматушка¹⁵⁸,
Нарядил скоро своёго кóня доброго;
Сам садилсэ-то он скоро на добрá коня,
Он садилсэ во седёлышко чиркальской;
Он ведь резвы свои ноги в стремёнá всё клал,
Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромец,
Илья Муромец поехал свет-Иванович.
Он приехал тут да во чистó полё... (69–85)

Николай Филиппович Дутиков, деревня Конда, Киж:

Во чистом поле ездил за охвотою,
Стрелял Илья гусей, да лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушек,
Он не мог убить ни гуся, ни лебедя,
Ни малой перелетной серой утицы;
А встретился калека, калека перехожая... (2–7)

Александр Давыдович Костин, деревня Кузминская, Почозеро:

По той по дорожки по латынские,
Идёт тут калика перехожая... (1–2)

¹⁵⁸ У А. М. Крюковой — «Белёюшка».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как он ёго ведь тут еще здравствует:
«Здравствуй сильноё могучо ты Иванищо!
Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой да путь держишь?»
«А я бреду, Илья еще Муромец,
От того я города Еросóлима.
Я там был ино Господу Богу молился там,
Во Ердань-то реченки купался там,
А в кипарисном деревци сушился там,
Ко Господнему гробу приложился был». (53–62)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Исповедовался, причастился я». (132)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Как скоро я назад тут поворот держал,
Шол-то я назад мимо Царь-от град».
Как начал тут Ильюшенка доспрашивать,
Как начал тут Ильюшенка доведывать:
«Как все ли-то в Царй-гради по старому,
Как все ли-то в Царй-гради по прежнему?»
А говорит тут Иван таково слово... (63–69)

Крестьянин Щербаков, Каргопольский уезд:

«Во Цари-гради есть вера не по-старому,
В Иеросолиме есть вера не по-прежнему,
Там обсилило проклятое Идолище...» (15–17)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

«А потухло у нас соньцё красное,
А помёркла звезда поднебесная...» (86–87)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Одолели есть поганьи татарева...
<...>
Святыи образа были покóлоты,
В черныи грязи были потоптаны,
Да во Божьих церквах там коней кормят». (72; 74–76)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Штогорка, Пинега:

«Как наехало проклятоё Цюдишшо». (88)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная...» (40–41)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Штогорка, Пинега:

«А и ножишша как-быть лыжышша,
А и ружишша как-быть граблишша». (91–92)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А головíщо что вoдь люто лохáлищо,
А глази́ща что пивныи ча́шища,
А нос-от на роже он с локоть был». (42–44)

Иван Григорьевич Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

«И такового вора век не видывал,
И слыхом про вора не слыхивал». <...>
«Чего же ты, сильнее могучее Иванищо,
Не очистил ты Царяграда,
Не убил ты погананаго Идолища?»
«Ах ты свет государь да Илья Муромец!
Да не смел напустить на вора на разбойника,
Да на погананаго Идолища». (25–26; 30–35)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Дурак ты сильное могучо есть Иванищо!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, ухватки половинки нет.
За первыя бы речи тебя жаловал,
За эти бы тебя й на́казал
По тому-то телу по на́гому!
Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?»
(77–83)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Ай же ты Иванищо могучее!
Дай-ко мне-ка платицев нунь старческих,
Да лаптёв же мне-ка нуньчу старческих,
Своей шляпы нунь же мне-ка-ва да старческой,
Да й клюхи же мне-ка сорока пудов, —
Не узнал бы нунь татарин да поганый,
Что меня же нунь каз́ака Ильи Муромца,
А Илью сына́ Иванова». (57–64)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Как ино скоро розувай же с ног,
Лапотци розувай семи шелков,
А обувай мои башмачики сафьяны.
Сокручуся я каликой перехожею». (84–87)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«А не дал бы я ти платицев да старческих,
А не смию не́ дать платицев тут старческих:
С чести ти не дать, так вóзьмешь не́ с чести,
Не с чести вóзьмешь, уж мне-ка бок набьешь!» (65–68)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

Они платьём тут поминялись:
Ишше тут же веть Илья Муровиць
Он веть скинул платьё богатырскоё,
А одел себе платьё калицькоё... (111–114)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Сокрутился е каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
«На-ко сильноё могучо ты Иванищо,
А на-ко ведь моего ты да добра коня!
Хотя ты ездил, хоть водком води,
А столько еше, сильноё могучо ты Иванищо,
Живи-то ты на улóвном этом местечки,
А живи-тко ты еше, ожидай меня,
Назад-то сюды буду я обратно бы.
Давай сюды клюшú-то мне-ка сорок пуд».
Не дойдёт тут Ивану розговаривать,
Скоро подавать ему клюшу свою сорок пуд,
Взимат-то он от ёго тут добра коня.
Пошел тут Ильюшенка скорым скоро
Той ли-то каликой перехожею. (88–102)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

От стольняго города от Киева,
Да идёт там калика перехожая.
Старой волосом бел бородой седой,
Да на старом была гуня сорочинская,
Да была шляпа на главы земли греческой,
Да клюшá у калики свинцовая.
Да идёт-де старик подпирается,
Да йно мать земля та колыбается.
Да пришел-де старик-от во Царьгород... (1–9)

Анна Васильевна Стрелкова, Зимний берег Белого моря:

Ишше всё-то во Царе-граде¹⁵⁹ не по-старому,
 Не по-старому у них, не по-прежнему,
 И закрыты у них храмы Божьи да заменёныя,
 Все попы-отцы духовные повыведены,
 Не слышать-то звону церковного.

<...>

«Да почему-то у вас нет звону колокольного?
 Ише почему-то у вас нет, не слышать петья-четья церковного?
 Ише почему у вас не ходит нишша братия?
 Ише почему не прославлят-то имени Христового?»
 «Ише как во нашем-то во батюшке Царе-городе¹⁶⁰
 У нас всё-то теперь да изменилосе,
 Изменили веру православную». (2–6; 8–15)

Оксеня Антоновна Юдина, деревня Матверы, Пинега:

Он дошёл до поварьни да запросил пивья Христа ради:
 «Вы подайте мне пивья Христа ради!»
 Тут как выскоцили они с ожогами:
 «Не давайте у нас пивцё Христа ради,
 А давайте у нас да ради Идола!» (25–29)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да зашол на кружало государево.
 Да он крест тот кладёт по писаному,
 Да поклоны ведёт по ученому. (10–12)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

«Да и здравствуйте вы, чумаки целовальники!
 Да все-то вы головы да ларечные,
 Да все-то вы голи да кабацкие».
 Да по кабаку калика похаживат,

¹⁵⁹ У А. В. Стрелковой — «всё-то ведь во Киеве».

¹⁶⁰ У А. В. Стрелковой — «во нашем-то городе во Киеви».

И с ноги на ногу старик переступыват,
И все дубовые половки подгибаются,
Да переводины под старым шатаются,
Да и сам говорит он таково слово:
«Да и ой же чумаки вы целовальники!
Да поверьте мне вина вы на пятьсот рублей.
Буде мало розопьюсь, дак на тысячу».
Да сказали чумаки целовальники:
«Да и нё во что калика тебе верити».
<...>
Да и тут чумаки догадалисе,
Да собирали голи по денежки,
И того мало не хватило по копеечке,
Да и брали-де вина полтора ведра,
Приносили-де калики перехожие.
Да примае-де калика единой рукой,
Выпивае-де старик на единый дух,
Да и сам говорит он таково слово... (14–26; 33–40)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

«Да вам спасибо братцы голи кабацкие!
На приходе старика вы мёня опохмелили,
Да опохмелили пить роззадорили». (27–29)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А у мя денёк с собой тут не слуцилось,
Серебра-та с собой не погодилосе.
А у мя есть на груди да тут щюдён тут крес;
А у мя крест-от тенёт да полтара пуда;
А цена-та кресту была назнацёна,
А не много, не мало — да тут петьсот рублей...
<...>
А подите вы во лавоцьку серебряну
А к тому же к купью да ко торговому,
А вы продайте этот крест мой за петьсот рублей;
А по цены не возьмёт, да крест в заклад возьмёт!» (81–86; 91–94)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

Да и тут-де калика перехожая,
 Да снимае он с вóрота свой чуден крест,
 Дорогаго-де червонаго золота.
 <...>
 Да весу-то тянул полтора¹⁶¹ пуда... (27–29; 31)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ише тут как голи да рады-весёлы,
 А пошли где во лавоцьку во серебряну
 А к тому же к купьцю всё торговому;
 А говорят они сами да таковы слова:
 «А уш ты ой еси, купець да всё торговой нонь!
 А-й возьми ты у нас да тут щюдён же крест;
 А по цене не возьмёш, да крест в заклад возьми.
 А у нас крест-от как тенёт да полтора пуда;
 А цена-та кресту была назнацена,
 А не много, не мало, да всё петьсот рублей...
 <...>
 А тут же купець да всё торговой тут
 Говорил-де он им да таковы слова:
 «Уш вы ой еси, голи всё кабацкие
 А те где калики перехожие!
 А уш вы где этот взяли да нонь щюдён тут крест?»
 А говорят где-ка голи да всё кабацкие:
 «А мы пьём-де во лавоцьки во питейное,
 А пришол к нам удалой доброй молодець
 А принёс де-ка нам этот щюдён тут крест!» (95–104; 108–116)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

«Он волосом бел, бородой седат,
 Да и гуня-де на нем сорочинская,
 Шляпа-та на нём земли греческой.
 И запросил-то он вина да на пятьсот рублей,
 И буде мало розопьюсь дак на тысячу». (68–72)

¹⁶¹ У И. Д. Калитиной — «пол-сема».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ише тут же купець да всё торговой тут
 А да за крест-от им дал да всё петьсот рублей,
 А награды он дал им ровно трыста им;
 А говорил где-ка сам таковы слова:
 «А обогрело-осветило красно солнышко, —
 А откуль где-ка взялса да доброй молодець!..»
 А ише тут-де голи да рады-весёлы;
 А пошли они во лавоцьку во питейную
 А пить-де они всё зелена вина. (117–125)

Александр Давыдович Костин, деревня Кузминская, Почозеро:

Как пошел Илья в погрёб глубокие,
 Да и перву брал бочку под пазуху.
 А другую брал бочку под дру́гую,
 А третью-то бочку ногой катит.
 «Вы собирайтесь чумаки целовальники,
 Вы собирайтесь все голи кабацкие!
 Уж вы пейте вино все безденежно,
 А молитесь вы Бога за Илью Муромца». (38–45)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А ишше тут купець да всё торговой тут
 А положыл этот крест на блюдо серебряно,
 А да пошел-де ко батюшке царю¹⁶²,
 А к тому же Костянтину Боголюбову¹⁶³,
 А принёс-де ему ноньце подароцьки,
 А говорил где-ка сам таковы слова:
 «А уж ты ой еси, царь Костянтин Боголюбовец!¹⁶⁴
 А прими мои подароцьки не малые,
 А не малые подароцьки — во петьсот рублей!»
 <...>

¹⁶² У Е. В. Рассолова — «ко городу ко Киеву».

¹⁶³ У Е. В. Рассолова — «ко князю ко Владимиру».

¹⁶⁴ У Е. В. Рассолова — «Владимер стольнёкиевской».

Говорил где Костянтин¹⁶⁵ да Боголюбовец¹⁶⁶:

«А послушай-ко, купец да всё торговой тут,
А где эти взял нонь подароцьки?»

Говорил где-ка купец да всё торговой тут:

«А ис той же из лавоцьки ис питейное...

<...>

Приходили ко мне голи всё кабацкие,

Приносили они мне всё щюдён тут крест».

А говорил-де царь¹⁶⁷ таковы слова:

«А просветило тут веть ноньце красно солнышко, —

А провешаецься как тут доброй молодець!»

<...>

А да срежалса тут царь¹⁶⁸ по-подорожному...

<...>

А-й да заходит батюшка¹⁶⁹ на царев кабак,

Отпираёт-де двери да с крюков на пяту.

А голи кабацьки испугалисе,

По углам-то как голи розбежалисе;

А сидит только один доброй молодець.

А говорил где-ка тут доброй молодець...

(126–134; 137–141; 143–147; 149; 154–159)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

«Ты де батюшко царь Костянтин Боголюбовец!» (44)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А уш всё ле у вас в городи по-старому?

А нету ле у вас во городе¹⁷⁰ цёго нового?

Ише всё ле у вас во городе¹⁷¹ по-прежному

А по-прежному во городе¹⁷², по-досельнёму?» (161–164)

¹⁶⁵ У Е. В. Рассолова — «Владимер».

¹⁶⁶ У Е. В. Рассолова — «стольнёкиефской».

¹⁶⁷ У Е. В. Рассолова — «Владимер».

¹⁶⁸ У Е. В. Рассолова — «Владимер».

¹⁶⁹ У Е. В. Рассолова — «Владимер-княсь».

¹⁷⁰ У Е. В. Рассолова — «в Киве».

¹⁷¹ У Е. В. Рассолова — «в Киве».

¹⁷² У Е. В. Рассолова — «в Киве».

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!» (116–117)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А большо у нас во городе¹⁷³ смешеньицё,
А велико у нас¹⁷⁴ потресеньицё.
<...>
Подошло-де Издолишшо поганое
А поганое Издолишшо проклятоё;
<...>
А ише со своей-де силой неверной тут».
(168–169; 172–173; 175)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Я живу-то всё, калика, не по-прежнему,
Не по-прежнему живу, не по-досельнёму:
Я не смею подать милостинки всё спасёною;
Не дават-то ведь царишшо всё Идолишшо
Поминать-то он Христа, царя небесного,
Во вторых-то поминать да Илью Муромца.
Я живу-то царь¹⁷⁵ — лишилсэ я полат всё белокамянных;
Ай живет у мня поганое Идóлишшо
Во моих-то во полатах белокамянных;
Я варю-то на ево, всё живу поваром,
Подношу-ту я тотарину всё кушаньё». (118–128)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А седит он во грынюшки во столовой тут
<...>
А за тем же за столиком за кленовым;

¹⁷³ У Е. В. Рассолова — «в Киеве».

¹⁷⁴ У Е. В. Рассолова — «в Киеве».

¹⁷⁵ У А. М. Крюковой — «князь».

А я Костянтин царь¹⁷⁶ его поччую.
Да на завтра-то мне да смерть назначона.
Да ишше у нас в городе¹⁷⁷ заповедано:
“А хто поменёт ноньце Илью Муромьця, —
Да такого бы из нас щобы судом судить,
А судом-де судить, живому не быть:
Оци ясны вымать ёго косицеми,
А язык-то тянуть бы ёго теменём,
А рубить бы, казнить буйна голова!”»
А ишше тут молощцу за беду пришло,
За велику досаду показалосе;
Говорыл молодець таковы слова:
«А уж вы ой еси, голи всё кабацькие!
А скиновайте-тко платьё, которо хуже всех,
А одевайте моё платьё хорошоё.
А уж вы ой еси, калики перехожие!
А дайте вы мне хто-ле корзиноцьку.
А я пойду-де ко батюшка царю¹⁷⁸
А просить-де Христа ради милостину...»
<...>
А ишше как тут-де голи догадалисе,
Извинялись они Ильи Муромьцю.
<...>
А наложил корзинку на леву руцущку,
А в праву руку — клюку цыгунную,
А он пошол-де со царем со Боголюбовым¹⁷⁹.
А приходят тут к воротам ко кленовым,
А приходят тут они к шыроку двору, —
А вороцьця были тут призапёрты,
А призапёрты ворота, призаложены.
А ише слуги где-де были всё неверные,
А те же тотара, всё неруськие:
Запустили Костянтина Боголюбовича,¹⁸⁰ —
А не пустили калики перехожое,
А заложили вороцьця всё кленовые,
А задвинули задвижоцьки всё серебряны,

¹⁷⁶ У Е. В. Рассолова — «князь Владимир».

¹⁷⁷ У Е. В. Рассолова — «в Киеве».

¹⁷⁸ У Е. В. Рассолова — «ко князю ко Владимиру».

¹⁷⁹ У Е. В. Рассолова — «князем со Владимиром».

¹⁸⁰ У Е. В. Рассолова — «тут князя фсе Владимира».

А закинули запоры всё чыгунные.
Говорила калика тут переходящая:
«Уж вы ой тотара всё поганые!
Запустите калину переходящую
А хоть не д'ради миня, ради Ильи Муромья!»
Говорят тут как слуги всё неверные:
«Уж ты ой еси, калика всё проклятая!
А уйди ты, калика, от ворот злолой;
А у нас тут в городе заповедано:
“А хто поменёт у нас Илью Муромья, —
А такого бы у нас казнить-весити,
А судить-то веть нам да своим судом!”»
А ише тут-де калики за беду пришло,
За велику досаду показалосе, —
А топнул калика левой ножечкой,
А толконул-де калика правой ручушкой —
А ише петёлки серебряны поломалисе,
А позолоцёны зашочочки извихалисе,
Улетели вороцьця среди двора.
А зашол-де калика на шырокой двор...

(176; 178–197; 199–200; 203–235)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да идёт мимо палату мимо чарскую,
Да закричал-де старик зычным голосом:
«Ты-де батюшко чарь Костянтин Боголюбовец!» (80–82)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Ай подай-ко, подай милостинку мне спасённую,
Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного,
Ради Матери Божьей, Царици Богородици».
Говорит-то Илья да Илья Муромець,
Говорит-то он, крышит всё во второй након... (102–106)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Ах ты царь да Костянтин Боголюбович!
А дай-ка мне калике переходии
Злато мне, милóстину спасéную». (123–125)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Ай не для́-ради подай ты для ково-небудь,
Ты подай-ко для Ильи, ты Ильи Муромця,
Ильи Муромча подай сына Ивановичя». (110–112)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как ино царь-он Костянтин-он Боголюбович
Он-то ведь уж тут здравáется. (126–127)

Иван Григорьевич Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

Закричал калика громким голосом:
«Ай же ты царь Костянтин Боголюбович!
Да возьми-тко ты калику да в полаты белокаменны,
Да накорми-тко ты калику его досыта,
А напóй-тко ты калику его допьяна,
За каликой есть вести не плóхии,
А не плохии вести есть царский». (64–70)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как тут в Цари-гради от крыку еще каличьяго
Теремы-то ведь тут пошатались,
Хрустальнии оконнички посыпались... (128–130)

Крестьянин Щербаков, Каргопольский уезд:

...А бережия кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродилися... (68–69)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как у поганого сердечко тут ужáхнулось.
Как говорит поганой таково слово:
«А царь ты Костянтин Боголюбов был!
Какой это калика переходяя?»
Говорит тут Костянтин таково слово:
«Это есте русская калика zde».
<...>
Как тут это поганое Идолище
Взимает он калику на доспрос к себи... (131–136; 154–155)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

«Уж ты царь Костянтин Боголюбович!
Да й что у тебя за урод пришол?
Да зови-ко ты в полату белокаменну,
Погляжу-то я его лица-возрасту». (156–159)

Иван Григорьевич Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

Ай тут-то царь Костянтин Боголюбович,
Выходил он на крылечко перёное.
«А ступай-ко ты калика во палату белокаменну».
Приходил он в палату белокаменну,
Он крест-тот кладет по писаному,
Да поклон ведет по ученому,
Царю Костянтину Боголюбовичу он кланяется,
Поганому Идолищу не клонится. (71–78)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нижнепечорского района:*

Сидит Издолишше поганое,
На коленях доржит царицу матушку¹⁸¹,
Руками бродит под подолами. (17–19)

¹⁸¹ У И. К. Осташова — «матушку Апраксию».

*Авдотья Андреевна Шишолова, деревня Верхнее Бугаево,
Усть-Цилемский район:*

Руку держит пониже пупа да окол черева¹⁸².

<...>

Говорит Идолище таково́ слово:

«Несите мне уточку не кушану, не кушану, не рушану!»

Принесли ему уточку не кушану, не рушану.

Идолище нож воткнул

Да прямо в рот пихнул. (180; 193–197)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Он заходит-то ведь, го́ворит да таковы слова:

«Ты поганое, сидишь, да всё Идолишшо,

Ишше тот-ли, сидишь, да царь неверной ты!

<...>

Я пришел-то всё к тебе да скору весь принёс,

Скору весточку принёс, всё весь нерадосьню:

Всё Илья-та ведь Муромеч живёхонёк,

Ай живёхонёк он, всё здоровёшенёк;

Я встретил всё ево да во чистом поли;

Он осталсэ во чистом поли поездить-то,

Шьчо поездить-то ёму да пополяковать;

Зау́тра хочёт приехать в красен Царь-город¹⁸³».

Говорит ему Идолишшо, да всё неверной царь...

(161–163; 169–177)

Крестьянин Щербаков, Каргопольский уезд:

«Ай же ты, калика-шиш перехожая!

Ты коей земли, да ты коей орды?» (110–111)

Иван Григорьевич Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

«А я есть от города от Киева,

Да хожу калика по святой Руси».

Говорит тут поганое Идолище... (82–84)

¹⁸² У А. А. Шишоловой — включено в прямую речь «ка́лики перехожей».

¹⁸³ У А. М. Крюковой — «Киев-град».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит же тут татарин да поганьи:
«А по платьицам да иде старчишо,
По походочке так Илья Муромец». (86–88)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Да ай же ты калика было русская!
Ты скажи, скажи калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старьи казак есть Илья Муромец?
Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль еще пьет зеленá вина?»
Как тут эта калика было русская
Начал он калика тут высказывать:
«Да ай же ты поганое Идолище!
У нас-то есть во Киеви
Илья-то ведь да Муромец
А вóлосом да возрастом равным с меня,
А мы с им были братьица крестовьи...» (156–168)

Крестьянин Щербаков, Каргопольский уезд:

«Уж я платьица ношу его обдержечки,
А сапожки ношу его обтопочки,
А шляпу ношу его да рваную». (123–125)

Алексей Виссарионович Батов, Выгозеро:

«Ай ест он пьет во славу Божьюю...» (129)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А хлеба ест как по три-то колачика крупивчатых,
А пьет-то зелена вина на три пяточка на медных». (169–170)

Алексей Виссарионович Батов, Выгозеро:

«Он стаканчик выпье, по дру́гом душа горит,
А другой выпьет, он довлён бывает». (133–134)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Росьсмехнулсэ тут Идóлишшо поганоё:
«Шьчо же, почему вы этим Ильёю на Руси-то хвастают?
На долóнь его поло́жу, я другой прижму; —
Остаётце меж руками шьто одно́ мокрó». (188–191)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Как я-то еще ведь Идолишо
А росту две сажени печатных,
А в ширину-то ведь сажень была печатная,
Голови́шшо у меня да что люто лохалишшо,
Глазища у меня да что пивныи ча́шища,
Нос-от ведь на рожи с локоть бы». (177–182)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Я всё кушаю хлеба по семи пудов...» (196)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А ведь по три-то печи печоных...» (184)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра...» (195)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Пью-то я еще зелена вина
А по три-то ведра я ведь мерных,
Как штей-то я хлебау, по яловицы есте русский». (185–187)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Я ведь мяса-та ем — к вѣти всё быка я съем».
Говорит-то на те речи Илья Мурамеч,
Илья Мурамеч да сын Ивановиць... (197–199)

Павел Егорович Миронов, деревня Семеново, Пудога:

«А не тереби-ко да впереди себя...» (187)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«У нас как у попа было ростовскаго
Как была что корова обжориста,
А много она ела, пила, тут и трѣснула...» (189–191)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нишнепечорского района:*

«А тебе, погано Издолишшо,
Не миновать етой чаши тож будет».
Попросил он у царя батюшка¹⁸⁴, попрашиват:
«Подай милостыню ради Христа,
Не ради меня, а ради старого Ильи Муромца». (27–31)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как этьи тут речи не слюбилися,
Поганому ему не к лицу пришли,
Хватил как он ножѣщо тут кинжѣлицо
Со того стола со дѣубова,
Как бросил ён во Илью-то Муромца,
Что в эту калику перехожую. (193–198)

¹⁸⁴ У И. К. Осташова — «у солнышка».

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ай помиловал калику Спас пречистой наш... (207)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как тут-то ведь Ильи не дойдёт сидеть,
Как скоро ён от ножика отскакивал... (199–200)

Алексей Виссарионович Батов, Выгозеро:

...Отвел ножицо кинжалищю
Ай той ли клюкой богатырскоёй... (156–157)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как пролетел тут ножик да мимо-то,
Ударил он во дверь во дубовую,
Как выскочила дверь тут с ободвериной,
Улетела тая дверь да во сѣни-ты,
Двенадцать там своих да татаровей
На мертвѣ убило, дрѹго ранило.
Как остальнѣй татары проклинаят тут:
«Буди трою проклят, наш татарин ты!» (202–209)

Фёдор Захаров, Выгозеро:

И стоит¹⁸⁵ Илья не устращается,
А стоит Илья да й усмехается.
Сам говорит таково слово:
«Не честь не хвала молодецкая
Окровавить полаты царские¹⁸⁶,
А повывести Идолища на крылечико». (40–45)

¹⁸⁵ У Ф. Захарова — «того».

¹⁸⁶ У Ф. Захарова — «княженецкая».

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Большой), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

«Уш ты ой еси, невежа да ты неруськая!
Да как кинул меня да не вертись нонь сам!» (187–188)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка
Нишнепечорского района:*

Схватил калика перехожая,
Выхватил кирпичу из печи,
Свистнул заёмно во черны груди гостинцы —
Попало Издолишшу в пивной котёл,
Провалился Издолишше вон с простеночком. (37–41)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

Тут веть павелы и улавелы,
Ишше та его сила неверна жа,
И схватили тут да Илью Муловица,
А сковали его ноги резвы жа
А-й тема залезами немецькими,
А свезали его руки белы жа
А-й тема опутнема шолковыма.
Говорыл как тут да Илья Муловиць:
«Уш ты Спас, уш ты Спас Многомилослив,
Уш ты Божья Мать, Богородиця!
Уш вы шо на миня ек прогневались?..»
Приломал все залеза немецькие,
Он прырвал опутьни шолковые... (169–181)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как тут опять Ильюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой ёго в голову,
Как тут-то он поганый да захамкал есть. (210–213)

Фёдор Захаров, Выгозеро:

Говорил Илья таково слово:
«Не честь будё хвала молодецкая,
Окровавить крылечко царское¹⁸⁷,
Лучше вывести татарина на шірок двор». (49–52)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Хватил затым поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать,
Помахиват Ильюша, выговариват:
«Вот мне-ка братцы нуньчу оружьё по плечу пришло».
А бьёт-то, сам Ильюша выговариват:
«Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не рвется!»
Начал он поганых тут охаживать
Как этым поганым Идолищом. (214–222)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

Он веть стал веть силу поколачивать —
Он прыбил их всех до единого. (183–184)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Прибил-убил, да иных рózогнал.... (298)

Иван Григорьевич Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

А очистил он Царьград весь. (128)

¹⁸⁷ У Ф. Захарова — «княженецкое».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

А не оставил тут поганого на сімена. (224)

Фёдор Захаров, Выгозеро:

Только Идолище жив бывал,
Только поганое Царь-город¹⁸⁸ брал... (57–58)

Александр Давыдович Костин, деревня Кузминская, Почозеро:

Тут-то где его глава, где-ка тулово,
И возвел он тут царя¹⁸⁹ на высок престол. (80–81)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

Да и говорил калика¹⁹⁰ таково слово:
«Уж ты царь Костянтин Боголюбович!
Обери-ко ты поганое тулово,
Да живи-ко ты в Царё-граде по старому,
Да моли-тко ты Бога за Илью за Муромец,
Он на славу приходил в славный Царь-от град». (202–207)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как царь тут Костянтин-он Боголюбович
Благодарствует его Илью Муромца:
«Благодарим тебя ты старьи казак Илья Муромец!
Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас еще да повыключил
От тьи от смерти безнапрасны.
Ах ты старьи казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительство,
Пожалую тебя я воеводою».
Как говорит Илья ёму Муромец:
«Спасибо царь ты Костянтин Боголюбовиц!

¹⁸⁸ У Ф. Захарова — «Киев».

¹⁸⁹ У А. Д. Костина — «князя».

¹⁹⁰ У И. Д. Калитиной — «сам говорил он».

А послужил у тя столькй три часу,
 А выслужил у тя хлеб соль мяккую,
 Да я у тя еще слово гладкое,
 Да еще уветливо да приветливо.
 Служил-то я у князя Володимера...
 <...>

Не выслужил-то я хлеба соли там мяккии,
 А не выслужил-то я слова там гладкаго,
 Слова у его я уветлива естй приветлива.
 Да ах ты царь Костянтин Боголюбовиц!
 Нельзя-то ведь еще мне зде-ка жить,
 Нельзя-то ведь-то было, невозможно естй:
 Оставлен естй оставеш на дороженки».
 Как царь-тот Костянтин Боголюбович
 Насыпал ему чашу красна золота,
 А другую-ту чашу скачна жемчугу,
 Третьюю еще чиста сѣребра.
 Как принимал Ильюшенка, взимал к себе,
 Высыпал-то в карман злато сѣребро,
 Тот ли-то этот скачный жемчужок,
 Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
 «Это ведь мое-то зарбочее».
 Как тут-то с царѣм Костянтином распростилиси,
 Тут скоро Ильюша поворот держал.
 <...>

Придет он на уловно это мѣстечко,
 Ажно тут Иванишо притаскано...

(225–240; 242–259; 260–261)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Стоит-то Иванише могучее
 Со добрым конем со Илюшенькиным.
 Он ведь был, был да притаскан-то,
 Стоит-то во слезах во великих,
 Не слухат-то ёго да ведь доброй конь,
 Таскал его по цисту полю без навиду. (321–326)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья-ты каличьи,
Розувал лапóтцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянныи,
Надевал на ся платьица цветныи,
Взимал тут он к себе своего добра коня,
Садился тут Илья на добра коня,
Тут-то он с Иванищом еще спрашивается:
«Прошай-ко нунь ты сильное могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганных».
Да поехал тут Ильюшенка во Киев град. (263–274)

ИЛЬЯ И ДОБРЫНЯ

Источники текста

- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица* (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 71 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 308—311.).
- Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица* (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 150 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 436—439.).
- Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря* (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 46 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 197—200.).
- Елизавета Васильевна Субботина, Зимний берег Белого моря* (Про Добрыню Микитича: [Бой Добрыни с Ильей Муромцем]: [Былина] № 133 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 434—436.).
- Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица* (Как Добрыня Микитиць постречался с Ильей Мурамцом: [Былина] № 99 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 303—308.).
- Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень* (Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муромцем: [Былина] № 391 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463—466.).
- Иван Давыдович Нечаев, деревня Сояна, Кулой* (Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 266 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 295—298.).
- Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень* (Бой Ильи Муромца с Добрыней, неудавшаяся женитьба Алеши Поповича и рассказ Добрыни о своем бое со Змеем: [Былина] № 351 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами,

записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 245–252.).

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега (Встреча Ильи Муромца с Добрыней, Святыгоркой и со своим сыном: [Былина] № 129 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 408–412.).

Иван Прокопьевич Прыгунов, село Верхняя Зимняя Золотица (Бой Добрыни с Илей Муромцем: [Былина] № 108 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 486–488.).

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Как доселева Рязань слободой слыла;
А как нонече Рязань славен город стал.
А живёт-то в той Рязани князь Никита сын Романович. (1–3)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Живучись, братцы, Микитушка состáрилсэ,
Состарилсэ Микитушка, сам представилсэ.
Ище жил-то Микита шестьдесят годов.
Снёс де Микита шестьдесят боёв,
Ишше срывосьних, урывосьних цисла-смéту нет,
Оставалась у Микиты любимá семья,
Ай любíма семья-та — молода жена,
Молодыя Омéльфа Тимофеевна;
Оставалось у Микиты чадо милое,
Милоё чадышко любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитиць сын.
Осталсэ Добрыня не на возросьти,
Ка-быть ясной-от сокол не на възьлети... (6–18)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Как от роду Добрынюшка был пяти годов,
Стал ходить по улочки,

Стал с робятками боротисе;
Как не стало Добрынюшки да поединшычка;
А как малы-ти ребята двадцати пяти годов. (12–16)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Изучилэ Добрынюшка вострой грамоте,
Научилэ Добрынюшка да боротисе,
Ишшо масьтёр Микитич а крутой метать,
На белы-ти ручки не прихватывать.
Шьто пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всим городам, по всим украинам,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Мурома,
До стары казака-та Ильи Муромца, —
Што масьтёр Добрынюшка боротисе,
А крутой де метать на сыру землю;
Ишше нету такова борца по всей земли. (21–34)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Как Илья-та тогды ишше он не силён был,
Ище Мурамец тогда-то не имел себе. (23–24)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как стало Добрынюшки двенадцать лет... (20)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости

Стал по улице похаживать.
Стал он палицей помахивать,
Зачал сабелькой пофыркивать,
Стал он копыицом подпиратися.
У Добрыни сердце возьярилося,
Могучи плечи расходилися:

Не может уничтожить свое ретиво сердце.
Идет он во светлую во светлицу:
Сам говорит таковы слова:
— Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимофеевна!
Сдавай ты мне коня богатырского.
И проговорит ему родима матушка:
— Ах ты, мое дитяtko сердечное,
Ты малешенек еще и глупешенек.
Поживи-ко ты еще малешенько,
Покопи-ко ты еще ума-разума.
Потерять тебе будет буйна голова.
— Ах ты, матушка моя родимая,
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мне охота съездить далече,
Съездить далече во чисто поле,
Пострелять мне гусей-лебедей
И пушистых, перелетных, серых уток.
Не могла мать переставить таковы слова;
И выводит она ему добра коня,
Из тоя из конюшни из новья.
И выносит всю сбрую богатырскую.
И накладывал Добрыня потнички бумажные,
И на потнички — ковры сорочинские,
И на коврички клал седелочки черкасские.
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых,
Надевал на себя платье соотцовое —
Соотцово платье ему узехонько и коротехонько.
И ставил он в стремянышко гольяшное,
И садился он в седлышко черкасское... (72–107).

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Он начал в чистó поле поезживать,
А поезживать, всё стал погуливать,
А ездить всё на тихия на заводи,
А стрелить всё гусей, белых лебедей. (21–24)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости

Стал Добрынюшка на возрасте,
Стал на возрасте — пятнадцать лет. (70—71)

Елизавета Васильевна Субботина, Зимний берег Белого моря:

Запоезживал Добрынюшка во чисто поле,
Стал он палицю-ту бросать по поднёбесью,
Стрелочку-то стрелкал он под облака. (16—18)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как стал Добрыня во чисто́м поли поляковать,
А не стало Добрынюшки поединшычка.
А как начал он метать сильных могучих всё богатырей,
Ай прошла про молодца слава великая;
А дошла туто слава до города до Мурома,
А до того жа села до Карачёва,
А до старо́го до казака Ильи Муромца;
Услыхал тут старой казак Ильи Муромца
Про сильного могучего богатыря. (25—33)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

Как сидел-то старой-седатой за столом же он,
Э как за тим он сидел столом за дубовым,
Э и за тимá ли он за скатертеми за браныма,
Он за тимá ли всё за ёствами сахарныма,
Э как он сидел-то кушал старой-седатой-от,
Ишше тот ли всё богатырь Илья Мурамец,
Э-э ишше Илья Мурамец сидел да сын Иванович,
А со отцом-то со родителём своим-то батюшком,
Со Иваном-то он сидел кушал с Тимофеёвичом,
Со родимой-то со своей же всё матушкой,
Как со той ли со Пестеньёй-то со Яковлевной,
Как дошла-ти слава-та вся великая,
Што во том ли в славном городе во Рязани,
Как ведь есть славной руськой богатырь-от,

Как по имени Добрынюшка Микитич млад.
Э и недосуг тут старому да всё седатому,
Недосуг-то ему сидеть за столом дообедывать... (19–35)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Говорил где Илеюшка таково слово:
«Там како тако бахвалишко проевилосе?..» (24–25)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

И-и он ставал скорó выходил из столичка дубóвого,
Из-за тех-то из-за скатертей за браные,
Из-за тех-то он еств сахáрных-то,
Из-за тех ли из-за пива, пива сладково.
И он крест-то клал же он да-писáнному,
Он поклон-от вёл же всё да по-учёному,
А и он родителю-то батюшку бил челом, низко кланялсе:
«Уж как свет Иван Тимофеев сын,
Э и как со своею восударыни родной матушки,
Епистеньей-то же он да всё же Яковлевной».
И он же кланялся им низёхонько во резвы́ ногí,
Как пошел он скоро-то да на широкой двор... (36–47)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Стал тогда Илеюшка собиратисе,
Ишше стал тогда Илеюшка собрунятисе
Ай на ту-эту славушку великую,
На того же на борьца на приудáлово. (35–38)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Его серьдьце было неуступчиво;
Пошел он скоро на конюшей двор
Седлать, уздать своего да коня добраго.
Ай накладывал он уздицю тесмяную,
А на спину лошадину войлучёк,

Ай на войлучёк накладывал седёлышко черкальское;
Затёгивал двенадцать сутужинок,
А сутужинки-потужинки-ти были шолковы... (34–41)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ай подпружяны-ти были циста сёребра... (44)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А застёгивал-то он двенадцать пряжочёк,
А пряжечки-ти были красна золота,
А спёнушки-ти были булатные,
Крепкого булата всё заморьского, —
То не ради красы, ради крепости... (42–46)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Булат-железо не погнитце,
Шамохёнской-о шолк сам не порвитце,
Ише красно-то золото в грязи не ржавеёт». (47–49)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Илья-то был сын Иванович
Одевалсэ он в платье богатырьскоё,
Богатырьско платьицё, военное.
А у него ведь конь-ёт был как снегу белого,
Ишше хвост-грива у него была чёрная.
Он скоро, легко скакал на добр́а коня... (47–52)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Не видели поездочки Ильи Муромца;
Только видели — во поли куреву́шка вьёт.
Он здраво-то ехал полё чистое,
И здраво-то ехал лесы тёмныя,

И здраво-то ехал грязи чёрныя.
Ишше еде ко Резанюшки ко городу;
Ко городу ехал не дорогою,
Во город заежжаё не воротами, —
Конь скакал же чере-сьтену городовую,
Мимо ту же круглу башню наугольную. (51—60)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Да завидял Илеюшка Резань-горот;
А в том же Резани да славном городи
В том же народу да много множество:
А конны-ти едут темным лесом,
Пешоходом идут нарот станицеми,
Черным караблём бежат дак по синю морю. (54—59)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ишше сам жа говорил тогда таковó слово:
«Ай доселева Резань-то слободой слыла,
И нонече Резань-то слывёт городом». (61—63)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Едет он по Рязани славну городу,
А играют туто маленьки ребятка жа.
А спрашаёт он у маленьких ребяток жа:
«Уж вы гой еси, маленьки ребятка жа!
Где это Добрыньино подворьицё, широкой двор?
Вы скажите-ко мне про Добрынин про широкой двор». (57—62)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Доводили до Добрынина широка двора:
У Добрынюшки двор был неогрómистой,
Ай подворьицо-то было необширное. (67—69)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Подъезжает он под окошечко,
А кричит он зычным голосом... (64–65)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

...Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
Ишше мать сыра земля под им потрясаласе,
Ай Добрынина избушка пошатиласе,
Ставники в его окошках помитусились,
Стёколенки в окошках пошорбалисе.
«Эли в доми Добрынюшка Микитиц сын?» (71–76)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Услыхала тут Добрынина да рódна матушка;
Подбегала она всё к окошечку... (67–68)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

...Отпирала де окошечко косишчато
И рець говорила потихошеньку,
Да сама жа говорила таково слово... (78–80)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Уж и здраствуй-ко, казак Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Иванович!» (73–74)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Говорил восударь тогды Илья Муромець:
«Ише как меня знашь, вдова, ты именём зовёшь,
Почому же ты меня знашь из отечесьтва?»
Говорила Омельфа Тимофеевна:
«И знать-то ведь сокола по вылету —
Ише знать-то богатыря по выезду,
Ише знать молодца ли по поступочки». (84–90)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Ты не бойсе моёго двора сиротьского,
Заежай-ко-се добрым конём на широкой двор
Ты попить-то, поесь ко мне, покушати». (64–66)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«...Накормлю ведь я тебя досыти,
Напою ведь я тебя допьяна».
Говорит-то Илья сын Иванович:
«Я не пить приехал, ни исть хлеба, соли жа.
Ты скажи-ко мне про своего чада милого,
Он и в доме, или его нет?»
Отвечает Добрынина рódна матушка:
«У меня Добрыни топере в доме не случилось:
Он уехал всё на тихия на заводи
А стрелеть гусей, белых лёбедей,
А пернастых серых малых уточёк...» (85–95)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да немного де Илеюшка розговаривал;
Ишше речь говорит — коня поворачиват. (91–92)

Иван Давыдович Нечаев, деревня Сояна, Кулой:

«Прицесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
А пеки-тко коровашецьки помíнальни,
Поминай-ко Добрынюшку хлебóм-солью!» (64–66)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Говорила де Омельфа Тимофеевна:
«Уж ты гой есь, восударь ты Илья Муромець!
Ты не буди ты спальчив, буди милосьлив:
Ты наедёшь как Добрынюшку на чистóm поли, —
Не сруби-тко у Добрынюшки буйной головушки;

Добрынюшка у миня ведь молодёшенёк,
Не речах у мня Добрынюшка зашибчивой,
На делах у мня Добрыня неуступчивой». (93–100)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Не моги ёго убить, моги помиловать
Хошь не ради ёго, да ради меня вдовы:
Ишше хто меня будет под старость поить-кормить?» (99–101)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да поехал восударь тогды во чисто полё.
Он выехал на шёломя на окатисто,
На окатисто-то шоломя на угористо,
Да увидел под восточней под стороночкой... (101–104)

Иван Давыдович Нечаев, деревня Сояна, Кулой:

... Он увидял на цистом-то тут веть бел шатёр. (68)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ише ездить дородней доброй молодець... (105)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Да он ездит на добром кони, розъизжайтсье,
Всё дворянским утехами да забавляйтсье:
Высоко-то он паличю-ту мечёт по-под небеса,
Подъезжаёт на добром кони,
Подхватыват ей да во праву руку,
А не допускает он до сырой земли. (105–110)

Иван Давыдович Нечаев, деревня Сояна, Кулой:

Он веть палицу буёву да¹⁹¹ побрасыват,
Головой он палку нонице подхватыват... (70–71)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

...Ай ко палеци своей сам приговаривал:
«Уж ты палеця, палеця боёвая!
Ишше нету мне тепере поединщика,
Ишше руського могучого богатыря».
Говорил восударь тогда Илья Муромець:
«Уж ты полно, молодёць, ездить, потехатисе,
Небылыма словами похвалятисе!
Уж мы съедимсе с тобой на полі, побратаимсе,
Ай кому-то де на поли будё Божья помошш». (109–117)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Подъезжает тут старой казак Илья Муромець:
«Здрастуй-ко, дородней доброй молодець!
Ты скажи-ко-се про родину и про отчину».
Говорил тут Добрыня таковы речи:
«А когда скажот тебя моя паличя тяжолая,
А когды тебе ссеку да буйну голову».
Тут розъерилось у Ильи да ретивó сердце;
А стегал он коня по крутым бёдрам.
Розъезжалисе богатыри по чисту полю,
Соезжалисе богатыри всё в одно место;
Как ударились они паличеми тяжолыма,
У их паличи пошербáлисе;
Ише друг дружки они не ранили,
Не дали на себя раны кровавыя.
А розъехалисе богатыри во второй након,
Ай ударились они саблями-ти вострыма;
Как по рук да сабельки сломилисе;
Ише друг друга они не ранили,
А розъехалисе богатыри во-в третей након,

¹⁹¹ У И. Д. Нечаева — «палку буёву да он».

Как ударились они копьеми ворзомецкима,
У их копыця согнулисе, свернулисе;
Не дали на собя раны кровавья. (111–132)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да скакали черес гривы-ти лошадиныя,
Ай схватилисе богатыри большім боём,
Ай большим-то боём да рукопашосьним... (134–136)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

...Схватились бороцца в охабочку,
В охабочку бороцца по медвежьему. (31–32)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Они перьвья суточьки борются с утра до вечера
И други-то сутки борются с утра до вечера... (135–136)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

И под имá земля да грэзью деитьсе.
У Илиюшки платьё кольцожное,
У Добрынюшки платьицё ременьцето;
И кольцожное платьё да не здавайтсье,
А ременьцято платьё подавайтсье. (57–61)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А на третьи-то суточьки у Добрыни порвалось платьё цветноё...
(137)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Тут же Добрынюшки за беду стало,
За великую досаду да показалосе;

Розгорелась у Добрынюши (*так*) горячая крофь,
Росходились у Добрынюши могучи плеча. (90–93)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

У Добрынюшки ухватоцька дворянская:
Он ударыл Илию да по резвóй бедра... (64–65)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

Да замётывал Добрынюша леву ногу,
Да потхватывал Добрынюша правой рукой —
Да бросил где старого о сыру землю:
Ишше пряшки серебряны все переломалисе,
А шпенёчки булатны перегибалисе,
Платьё веть жыляно всё уш лопнуло. (94–99)

Иван Прокопьевич Прыгунов, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да по Божьей-то всё было по милосъти,
По Добрыниной-то было всё по учесьти:
Да здала у Илёюшки лева ножечька,
Да здала у Илеюшки права ручюшка;
Ише пал-то Илеюшка на сыру землю... (98–102)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как падал старьй казак на мать сыру землю,
Ише мать сыра земля да потрясаласе.
Уж как сел-то Добрыня на белы груди,
А он вынел-выдернул из кинжалища булатной нож,
Ише хочёт досмотрить ретивá серьця. (140–144)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

И стал Илью Муромца спрашивать,
Спрашивать стал его, выведывать:

«Ты которого города, коей земли?
И как отца-матерь именём зовут,
Именом же зовут да по отчеству?...»
Отвечал тут ему да Илья Муромец:
«Уш я был бы сидел да на твоей груди, —
Я ростегивал бы твои пугофки вольячьныя,
И порол бы твою да грудь я белую,
И смотрел бы я твоё да ретиво серцо!..» (43–52)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Не спросил бы я не родины, не вотчины...» (154)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

Тут стал же Добрынюшка Некитич млад,
Он стал тут ростегивать шубочку собольею;
Он ростегивал пугофки вольячьныя,
Отворачивал латы булатныя.
Увидавши он на груди крест серебряной,
Соскочифши з груди он могучие,
Он брал тут Илью да за белы руки,
Поднимал он Илеюшку на резвы ноги... (53–60)

Иван Прокопьевич Прыгунов, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Ты просьти миня, Илеюшка, в таковой вины!
Кабы знал-то ише, ведал, Илеюшка,
Не сидел бы у тибя да на белых грудях». (130–132)

Елизавета Васильевна Субботина, Зимний берег Белого моря:

«Хошь я сидел у тя на белых грудях,
Ты пушшай мой старшой брат,
Я буду младшой твой». (75–77)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ишше тут-то Илья скоро усъмехаитьце;
Он берёт его за рученьку за правую,
Он челует его в уста сахárныя,
Ище сам он говорит ёму таковы речи:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитиць млад!
Ты глупёхонёк — стало быть, молодёхонёк.
Верно храбрось в тебе богатырская;
Не напрасно прошла-то слава великая.
Ты поедём со мной лучше к рódной к матушки.
Да ко той вдовы к Омельфы к Тимофеевны».
Тут ведь скоро Добрынюшка догадаитьце;
Он ведь падал ёму скоро во резвы́ ноги:
«Ты просьти, просьти миня, просьти виноватого!
Говорила мне матушка родимая,
Шьто чесна́ вдова Омельфа Тимофеевна:
“Да увидишь в чистом поли Илью Мурамця —
Не дошод ты ёго, да низко кланейсе...
<...>
Ты зови ёво к себе на широкой двор”». (105–121; 123)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Не моги меня казнить, моги помиловать.
<...>
А мы будём ездить по чисту́ полю, поляковать,
Приставать будем друг за́ друга,
Друг за́ друга, за брата крестового».
<...>
...А сымали оны с голов да золоты́ кресты,
Одевали друг на дружку золоты кресты,
Да садились они на добры́х коней,
Поехали они к Рязани славному городу
Ко Добрыниной да рódной матушки. (175; 180–182; 186–190)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да стречэёт их Омельфа Тимофеевна.
Приехали братаны ис чиста поля... (175–176)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Как приехали Добрыни к широкú двору,
Увидала Добрынина рóдна матушка,
Стречала их среди двора,
Среди двора со красна крыльця,
Да брала она старого казака за белы руки,
Повела в Добрынины да светлы свётлицы,
Посадила она за дубовы столы,
За дубовы столы, за есьвы сахárныя.
У их пошел всё навэсели;
Они пили, веселились трои суточьки.
Богатыри спать полегли,
С того спали они трои суточьки.
Тут богатыри просыпалися
Ото сна-то пробуждалися. (191–204)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

И тут жил-гостил старый-седатой он челой месяц у них...
<...>
У Добрынюшки же он да у Микитича,
Как у брателка у крестового,
Обучал старой-седатой Илья же Мурамецъ
Как по силам поезкам всё богатырьским его,
Как ездить ему в чистом полі,
Как боротисе да не с приятелеми. (253; 255–260)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Говорил жа восударь тогды Илья Муромечъ:
«Уж ты вой еси, Омельфа Тимофеевна!

Ты спусьти-тко-се Добрынюшку Микитица,
Ты спусьти-тко ёго ты да в красен Киев-град».
Да поехали братаны в красён Киев-град,
А к тому же де князю ко Владимёру. (178–183)

Иван Прокопьевич Прыгунов, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да стречят-то Владимир стойно-киеськой:
«Уж ты здрастуй, Илеюшка, Илья Муромец!
Уж ты здрастуй, дороднёй доброй молодец!
Я тибя-то, доброй молодець, не знай, как зовут».
Говорит-то Илеюшка, Илья Муромец:
«Ише на́ имя — Добрынюшка Микитичь млад». (138–143)

ИЛЬЯ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

Источники текста

Певец из Вологодской губернии (Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле: [Былина] № II/16 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 63–65.).

Певец из села Даниловка Саратовской губернии (Илья Муромец: [Былина] № II/7 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 22–23.).

Певец из Вологодской губернии:

По морю, морю синему,
По синему, по Хвалунскому,
Ходил-гулял Сокол-корабль
Не много, не мало — двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма — по-звериному,
А бока звездены по-змеиному.
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурския;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборныя;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почесные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкия;

Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не ведали... (1–31)

Певец из села Даниловка Саратовской губернии:

Кормою-то владеет млад Полкан богатырь,
А всем кораблем Илья Муромец. (9–10)

Певец из Вологодской губернии:

Илья Муромец сын Иванов,
Его верный слуга — Добрынюшка,
Добрынюшка, Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов. (33–36)

Певец из села Даниловка Саратовской губернии:

На Илье Муромце кафтан рудожелтой камки.
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Он и тросточкой по пуговкам поваживает.
И напали па Сокол корабль разбойнички,
Горские татары со калмыками,
И хотят они корабличек разбить, разломить.
А он по караблику похаживат,
Он и тросточкой по пуговкам поваживает:
Пуговики залочонья разгремелися,
Лютые львы разревелися:
А разбойнички испужалися,
В горы с испугу разбежалися. (11–22)

Певец из Вологодской губернии:

Как из далече-далече, из чиста поля
Зазрил, засмотрел Турецкой пан,

Турецкой пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.
Он сам говорит таково слово:
«Ах, вы, гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донские казаки!
Что у вас на синем море деется,
Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-корабль,
Белеются тонки парусы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери;
Добрынюшку под меч клони!»
Таки слова слышал Илья Муромец,
Тако слово Добрыне выговаривал:
«Ты, Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи во Сокол корабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косу сажень».
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Ни на воду, ни на землю,
А пади, моя каленая стрела,
В турецкой град, в зелен сад,
В зеленой сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь,
Распори ему турецкую грудь,
Ращиби ему ретиво сердце!»
Ах, тут Салтан покался:
«Не подай, Боже, водиться с Ильей Муромцем,
Ни детям нашим, ни внучатам,
Ни внучатам, ни правнучатам,
Ни правнучатам, ни прашурятам!» (37–80)

ИЛЬЯ, ДОБРЫНЯ И ПОТЫК

Источники текста

- Алексей Васильевич Чупров, село Усть-Цильма, Печора* (Потык: [Былина] № 57 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 237–245.).
- Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень* (Потык [бой Алеши Поповича с татарами и игра его с королем]: [Былина] № 413 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 г. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 541–552.).
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица* (Михайло [Потык]: [Былина] № 74 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 319–325.).
- Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица* (Потык: [Былина] № 152 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 446–456.).
- Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост* (Михайло Потык: [Былина] № 6 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 63–92.).
- Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост* ([I] Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 16 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 71–80; [II] Михайло Потык: [Былина] № 150 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 466–476.).
- Колодозерский старик, Пудога* (Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 212–227.).
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* ([I] Михайло Потык: [Былина] № 82 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 114–116; [II] Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 36 // Песни, собранные П. Н. Рыбни-

- ковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 206–212: [III] Сорок калик со каликою: [Былина] № 39 // Там же. С. 236–237.).
- Калика из Красной Ляги** (Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 15 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 59–71.).
- Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря** (Потык: [Былина] № 8 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 67–70.).
- Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй** (Михайло Потык: [Былина] № 39 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 253–265.).
- Кириша Данилов** (Потык Михайла Иванович [«Во стольном городе во Киеве...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 116–120.).
- Анна Петровна Чунова, деревня Кильца, Мезень** (Потык: [Былина] № 374 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 393–404.).
- Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд** (Михайло Потык: [Былина] № 52 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 360–394.).
- Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень** (Потык: [Былина] № 333 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 143–149.).
- Пётр Прохоров, деревня Черный Наволок, Толвуй** (Михайло Потык: [Былина] № 40 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 266–288.).
- Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора** (Маево Побоище: [Былина] № 26 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 132–142.).
- Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость** (Михайло Потык: [Былина] № 158 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 540–549.).

Алексей Васильевич Чупров, село Усть-Цильма, Печора:

Во стольном во городе во Киеве
У ласковаго князя Владимира
Завелса у князя почесен пир
На многих князей, на бояров,
На руських могучих богатырёв,
На злых палениц преудалых,
На купцей, людей торговых,
На мешшан пригородных,
Людей посадских,
На лучших хресьян православных.
Пир идет о полупира,
Стол стоит о полустола,
Княженевская радость — полурадость. (1–13)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Говорыл-де Добрынюшка таково слово:
«Уш ты ой еси, Владимир стольнекиевской!
Уш ты що гледиш да ты невесёло?
Закручи(ни)лса ты що-то запечалилса,
Весиш дак буйну голову?..»
Говорил-де Владимир таково слово:
«Уш ты ой еси, Добрынюшка Микитичь же!
Приезджал-де король да ляховиньской же;
Играли мы во карты да с им — во шахматы;
Проиграл тут я сорок¹⁹² тысяч да золотой казны,
Проиграл я пятнадцать руських богатырей!..» (291–301)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитичь млад!
Уж ты съезди-ко к королю-ту к Астрийському,
Получи-тко у ёго пошлины за три годика,
За три годика да сорок тысячей». (19–22)

¹⁹² У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «триццэтэ».

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Уж ты вой есь, восударь ты Илья Муромец!
Ишше был у миня король-от земли Турския;
Ай играли сь им во пешочки, во шахматы,
Проиграл я королю денёг сорок тысячей,
Проиграл я двенадцеть добрых молодцов». (273–277)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Уж ты гой еси, старый да казак Илья Муромец!» (16)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Вы съездитё-тко в Каменнү Орду,
В Каменнүю-то Орду в большу землю,
Повыправьте-тко дани выходы
За двенадцать год за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
<...>
Третий могучий богатырь да Михайло Пóтык сын Иванович,
Ты съездй-тко в землю во Подольскую...» (20–24; 31–32)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Получи-ко дани за три годика,
А-то получи всего да сорок тысячей». (26–27)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Все на пиру дак напивалисе,
Все на чесном было наедалисе.
Да сидит три удалых да добрых молоцца, —
Да не пьют, не едят, они не кушают,
Белой лебёдушки не рушают;
Да сидят они, промеш собой думу думают.
Да спроговорит Владимир стольнеки(е)вской:
«Уш вы ой еси, удалы да добры молоццы!

Що же не пьётé, не едитé да вы не кушаете,
Моей беленькой лебёдушки не рушаете?
Да обнёс-ле вас тут чарой да зелёным вином?
Да из млáдых над вами надсмеялся хто?..»
Да ставают удалы да на резвы ноги,
Понижешенько ему да поклоняющьсе:
«Уш ты ой еси, Владимир стольнекиевской!
Не обнёс ты нас чарой да зелёным вином,
Да из млáдых тут над нами не смеялисе.
Дай ты, Владимир, да благословленищё:
Мы хотим тут-то ехати во чисто полё
Да во то где роздольцо во шырокоё!» (14–33)

Гаврила Леонтъевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Как ставали тут богатыри да на резвы ноги,
А молились они Спасу пречистому,
А прошшались они со князем со Владимиром
Да во ту же всё во рученьку во правую... (28–31)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Благодарность приносили да за почесьён пир;
Да пошли бы удалы да ис светлой грыни. (61–62)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Провожат-то их Владимёр стольнёй киевской,
Провожаёт Опраксея Королевисьня. (5–6)

Гаврила Леонтъевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А седлали, уздали добрых коней;
Они скоро, лёкко скакали на добрых коней;
Они видели-то добрых молодцов на добрых коней сежаючись,
А не видели ихной поездки богатырьской — поезжаючись.
Ехали из города не воротами не широкима,

А скакали через стену городóвую,
А через высокоу башню наугольную.
А тольке видели — в чистóм-то поли куревá стоит,
Курева стоит, да только три столба столбит.
Они ехали перьвой день с утра до вечера;
На второй — наехали на ростáнюшки великия,
А на ти жо на три широки дорожочки.
Одержали они тут скоро добрых коней,
Соходили они со добрых коней,
Розоставили-то три шатра полóбтъяных,
А как сами ведь в шатри они спать легли.
А как по утру, утру раннѐму,
По восходу-ту было соньча красного
А ставал-то государь да Илья Муромець:
«Вам полно спать да пора ставать!
А ведь надо нам ведь путь дѣржать».
Как от сна тут добры молодцы да пробужалисе,
Выходили они да из белых шатров,
Умывались они свежой водой ключевой,
Утирались они белыми да полотеньями... (32–56)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Собиралися три русских три могучих три богатыря
Ко тому кресту к Леванидову. (I: 39–40)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А молились они сами Спасу всё пречистому. (57)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Тут оне крестами побраталися;
Который же из них был бóльшей брат?
Старый казак Илья Муромец был бóльшей брат;
А Михайла Потык сын Иванович был средней брат;
Молодой Добрыня сын Никитич был мѣньшей брат.
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Ай вы ей, мои братьица крестовые!

Который пораньше да поведедет
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко другому ехать на выруку». (I: 41–50)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Мы положим заповедь да промежу собой:
Ише хто из нас привезёт, дак нам делить-то, братцы, натрое». —
Они клали заповедь промеж собой великую.
Как скакали они скоро на добрых коней наступчивых,
Они поехали да всяк в дорожички широкия.
А как приезжаёт тут скороб старый казак да Илья Муромець
А к тому-то королю Ордынскому¹⁹³ да на широкой двор,
А он скоро соходил да со добра коня,
А вязал-то коня среди двора да к дубову столбу,
К дубову столбу да к золоту кольчу,
А как сам он ведь пошел на новоб крыльце,
Со красна крыльца да на новы сени,
А с новых сеней в полаты королевския;
Он не ктит-то своего личья белого,
А не поклоняйтесь поганым идолам,
Только бьёт целом во рученьку во правую
А к тому жо королю Ордынскому¹⁹⁴:
«Уж ты здравуй-ко-се, Ордынской¹⁹⁵ король!» —
«Уж ты здравуй-ко, дородней доброй молодець,
Уж ты руския могучия сильний богатырь жо!
Ты зачем ко мне приехал жа?
А послом ты ко мне послан жа,
Ли служить ты мне приехал верой-правдою?» —
«Не служить-то я приехал тебе верой-правдою;
Я приехал к тебе послом послан жа
От того жо нашего от князя Владимира —
Получить от тебя-то дани сорок тысячей». —
А как тут король да не ослышилсэ;
А берёт он со спички золоты ключи,
Отмыкал он скоро кованы ларчи,
Да отсчитывал он дани-пошлины за три годика да сорок тысячей.

¹⁹³ У Г. Л. Крюкова — «ко Прусскому».

¹⁹⁴ У Г. Л. Крюкова — «ко Прусскому».

¹⁹⁵ У Г. Л. Крюкова — «ты Прусской».

Как получил-то старьй казак да Илья Муромець
Ише ту жо дань, всё ведь пошлину;
Как дарил ёму король да всё подарочки,
А подарочки дарил да красна золота.
Как прошшайтсе старьй казак да Илья Муромця:
«Ты прошшай-ко-се, король да Каменной Орды¹⁹⁶». —
«Ты прошшай-ко-се, дородньей доброй молодець.
Ты скажи-ко про своё отечесьво —
Ты кокого отца да кокой матери,
Звеличить тебя по имени да по отечесьву?» —
«Я из города да всё из Мурома,
Из села-то я ежду Карачёва;
А у меня отец всё Иван да Тимофеич жа,
А меня зовут да Ильей Муромцем;
Я служу у князя у Владимира да верой-правдой неизменною». —
Провожаёт король да старьй казак Илью Муромця,
А как с чести провожаёт ёго, с радости.
А да как во ту пору, во то время
А приехал Добрынюшка к королю-ту Астрийскому,
А приехал ведь к ёму да на широкой двор,
Соходил скорó да со добра коня.
Привязал коня к дубову столбу да к золоту кольчу,
А как сам пошел да на краснó крыльце косисчято,
Со краснá крыльця да на новы сени,
А с новых сеней в полаты королевския.
Сам приходит он в полаты королевския,
А не ктит он своёго личя белого,
А не поклоняйтсе он поганым идолам,
Только бьёт королю во-в рученьку во правую:
«А да здрастуй-ко, король земли Астрийския!» —
«Уж ты здрастуй-ко, дородньей доброй молодець,
Уж ты руския сильний могучия богатырь жо!
А зачим ко мне приехал жа?
Али послом послан жа,
Али служить мне-ка верой-правдою,
Верой-правдою да неизменною?» —
«Я приехал к тебе не служить не верою, не правдою
да не неизменною;
Я приехал к тебе да послом послан жа
А как тим жо князём всё Владимиром

¹⁹⁶ У Г. Л. Крюкова — «земли Прусския».

Получить с тебя ти дани-пошлины да сорок тысячей». А как тут король да не ослышилсэ, А да взял он скоро с спички да золоты ключи, Отмыкал он скоро кованы ларьчи, Отчитал-то дани-пошлины да сорок тысячей, Отдавал-то он Добрынюшки Микитичю: «Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець! А как тибя звать всё по имени, Величить тибя да по отечесьву?» — «Миня йменём зовут Добрынюшка Микитичь млад, А по фамильи-то да сын Романович». Как во ту пору, в само во то время... (59–140)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Говорил тогды Михайлушко сын Иванович: «Ай поеду я, братцы, да во Большу землю, Во Большу-ту я землю, да в прокляту в литву, Да поеду ко царишшу-ту Лиходеищу¹⁹⁷...» (38–41)

Колодозерский старик, Пудога:

Как поехал душечка Михайло Потык Иванович Во тые ли во гридни во черныя, Вы тые ли Подолье Лиходеево Ко славному царю Лиходею Лиходееву. (35–38)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да Михайлушко поехал да во Большу землю, Во Большу-ту он землю, да в прокляту в литву. Да как здраво он ведь ехал он полё чистое, Ишше здраво он ведь ехал да лесы-ти тёмныя, Ай да ели здраво он ведь ехал да грязи-ти чёрныя. Ишше едё он ко городу ко Задоньскому. Ай ко городу он ехал да не дорогою, Да в город заежжаё он не воротами,

¹⁹⁷ У Ф. Т. Пономарева — «ко Идблишшу».

Конь скакал жа черес сътену да городóвую,
Мимо ту жо круглу башонку наугóльную;
Ишше едѣ к королю прямо на широкой двор;
Он мечѣ коня сам да среди двора,
Не привязана-та мечѣ да не приказана,
Не росседлана мечѣт да не розуздана;
Сам идѣт тогды во гирню-ту королефьскую,
Отпираѣ Михайлушко дъвери-ти нá пята... (58–73)

*Александр Михайлович Мартынов (Олѣкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Да соскакивал тут Потык з добра коня.
Да пошел бы тут Потык на красно крыльцѣ;
Да идѣт-де тут Потык ко красну крыльцю, —
Да ступень до ступеня да догибаицьсе,
Да красно-де крыльцѣ оно шатаицьсе.
Да ступил-де тут Потык на новы сени, —
Да новы-ти сени да сколыбалисе.
Да ступил-де тут Потык да во светлу грыню, —
Да светла-де грыня да потряхаицьсе. (100–108)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Как ведь он заходит в полаты королевския,
А не кстит он своѣго личя белого,
А не поклоняйтесь поганым идолом,
Тольке бѣт челом королю во рученьку во правую... (147–150)

Фдѣор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ишше тут жа королевой, молодой жоне:
«Уж и здраслуй ты, король земли Задонския!
Уж и здраслуй, королева, ты молода жена!» (75–77)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Ты зачем ко мне приехал жа?
Разе служить да верой-правдою,
Верой-правдою да неизменною?» —
«Я приехал не служить тебе не верою, не правдою,
А как я к тебе приехал послом послан жа
От того-то ведь от князя от Владимера
Получить с тебя да дани-пошлины да сорок тысячей».
А как тут король да не ослышилсэ,
А да брал он со спички золоты ключи,
Отмыкал он тут да кованы ларьчи,
Вынимал он золоту казну,
Отчитал-то дани-пошлины да сорок тысячей,
Отдавал-то он Михайлушку сыну Игнатъёву.
Тут-то королю за беду показалосе:
А как жалко-то ёму стало золотой казны.
Говорит-то он да таковы речи:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
Мы зыграм-ко с тобой во пешки-шахматы;
Клади-ко-се залогом сорок тысячей,
Я кладу залогом полкоролесьва, полцярсьва своёго».
А как тут-то Михайлушко сын Игнатъёвич призарилсэ,
А как сел-то ведь играть во пешочки, во шашочки,
А да клал-то он дань ведь, пошлину.
Как ступал король во перьвóй након,
Выступал ведь король да во второй након;
Проиграл-то Михайлушко-то дань ведь, пошлину.
А как тут Михайлушко да обзадорилсэ;
Клал залогом всё добра коня да збрую богатырськую.
А да вот короля призарило;
А как клал-то ведь залогом сорок тысячей.
Как ступал-то король да во перьвóй након,
Выходил-то король да по второй након;
На третьём наконі король Михайлушку-ту мат даёт.
Проиграл-то Михайлушко добра коня
Со всей обрудой богатырською.
А как клал Михайлушко залогом буйну голову —
А служить-то королю ведь во веки:
«Ты клади-ко залогом всё добра коня;
Я кладу свою да буйну голову во веки —
Служить-то верой-правдою да неизменною».

А как тут короля всё призарило.
Как ступал-то Михайло во перьвóй након,
Выступал Михайлушко да во второй након;
На третьем нақони королю ведь мат даёт.
А как выиграл Михайлушко добра коня с обрудой богатырською.
А как тут королю за беду показалосе;
А как клал-то он залогу опеть сорок тысячей,
А как клал-то ведь Михайлушко добра коня;
А как начели играть во пешочки, во шашочки.
Выступал-то Михайло во перьвóй након,
Выступал-то Михайло во второй након,
На третьём нақони королю ведь мат даёт;
Отыграл Михайлушко да сорок тысячей.
А как тут королю кажисе за досадушку великую:
«А клади-тко, Михайлушко, дань-ту, пошлину;
А кладу тебе залогом а полцярсьва жа».
А как тут Михайлушко призарилсэ;
Они начели играть во пешки-то, во шашочки.
А ступал-то Михайло во перьвóй након,
Выступал-то Михайло во второй након,
На третьём нақони королю ведь мат даёт.
Проиграл-то король полцярсьва жа.
А как жалко стало королю-ту ведь полцярсьва жа;
А как обзадорило короля играть во пешочки, во шашочки:
«Ты клади, Михайлушко, полцярсьва жа;
А ведь я отдаю тебе всё царсьво жо».
Как ступал-то Михайло во перьвóй након,
А ступал-то Михайло во второй након;
На третьём нақони королю ведь мат играл.
А ведь проиграл король ведь царсьво жа
А тому ведь Михайлушку Игнатьёву.
Как говорил король да таковы речи:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
А да ты прости меня во такой вины,
Не бери-тко моёго цярсьва жа,
А оставь миня во цярсьви жа,
Не садись ты на моё на цярсьво жа.
А как есь у мня Овдотья, бела лебедь жа —
А отдам я тебе в замужесьво».
Как выводит король Овдотью, белу лебедь жа.
А как тут Михайлушко обзарилисэ,
А обзарилисэ Михайло взеть себе в замужесьво. (153—234)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да скакала де Овдотьюшка на резвы ноги,
Ай брала она Михайлушка за белы руки,
Цёловала во уста ево во сахárныя,
Ай сама же говорила таково слово:
«Уж и ждать мьне-ка гостя, будё не дождатисе,
Ай глядеть-то будё госьтя, не догледетисе,
Ай топеречи Михайлушко ко мьне сам пришол». (124–130)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Он подходит да к красной девушки,
Ай берёт он ю за ручушки за беленьки,
Да й за нёй ли брал за перстни за злаченыи,
Целовать хотел во уста ю во сахárнии.
Говорила-то ему да красна девушка:
«Ты Михайла Потык сын Иванович,
Не целуй-ко ты меня да красной девушки!
А я девушка есть роду-то невернаго,
Да й невернаго есть роду некрещоная.
Ты когда меня сведёшь во стольнё Киев град,
Да когда достáвлешь (*так*) в верушку крещоную,
Да й тогда с тобой мы повенчаемса,
Да й тогда с тобой мы нацелуемса». (I: 28–40)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А повёл-то Михайло Овдотью на широкой двор,
А садил-то Овдотью на добра коня,
Он поехал из города да не воротами,
А скакал-то через стену городóвую. (237–240)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ай поехал де Михайлушко, куды ёму путь лежит,
Да приехал де Михайлушко ко белым шатрам. (182–183)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Приезджают тут они да ко тому кресту да Леванидову. (238)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ишше нету восударя-та Ильи Муромца,
Ишше нету же Добрынюшки Микитица.
Да приехал он к себе прямо во белой шатёр. (184—186)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Соходил-то Михайло со добра коня,
А сымал-то Михайло Овдотью со добра коня. (247—248)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Бог день тогды пронёс, Господь¹⁹⁸ ночь даёт. (187)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как стала тут находить да ночка тёмная,
Повалились туто спать в шатры полóбтъяны;
Повалилсэ это спать Михайлушко с Овдотьюшкой.
А как было всё во самой во полуночи... (264—267)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Овернула Овдотьюшка тогды Михайлушка,
Овернула да ёго она чёрным вороном;
Ай летае де Михайлушко по — по-под нёбеса,
Ай далёко от шатра сам не улётыват. (188—191)

¹⁹⁸ У Ф. Т. Пономарева — «Бох... Восподь».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как обернула Овдотьюшка Михайла серым волкушком,
А спустила бегать да по чисту полю.

А как убежал-то Михайло во чисто полё,
А как бегал-то Михайло по чисту полю,
Прибежал-то к Овдотьи ко белу шатру.

<...>

Обвернула она Михайла белым горностаюшком,
А спустила-ту бегать по подкореньицю.

А как бегал Михайло по темном лесу да по подкореньицам...

(268–272; 277–279)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Приломал свою он буйну голову.

Господь ночь тогды пронёс, да Бог¹⁹⁹ опеть день даёт. (207–208)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Прибежал Михайло ко белу шатру.

Отвернула Михайлушка от горносталика. (280–281)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Овертела да ёго буйну да головушку

Ишше тем жо полотёнышком она беленьким... (210–211)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А тогда Михайлушко в шатёр спать лёг жа;

А он крепко спал с того устáточку великого.

А как с-по восходу-ту было соньця красного,

А да на зари-то было рано утряной... (282–285)

¹⁹⁹ У Ф. Т. Пономарева — «Восподь... Бох».

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ишше съпит же Михайлушко тогды среди шатра.
Да во ту же де во пору и во то время... (212–213)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А приехал-то старый казак да ко белым шатрам,
А приехал Добрынюшка к белым шатрам... (242–243)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Золотой казны привезли²⁰⁰ да им несчетно жо.
Да приехал восударь к своему ко белу шатру, —
У Михайлушка у бела стоит шатра свой добрый конь,
Не стречат-то де Михайлушко сын Иванович.
Говорил же восударь тогды Илья Муромець:
«Уж ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиц сын!
Не стречаё нас Михайлушко сын Иванович».
Соскакал скорё Илеюшка со добра коня,
Ай бежит-то ко Михайлушку во белой шатёр, —
Ай лёжит тогды Михайлушко во белом шатри,
Ай лёжит де — приломана буйна головушка,
Ай Овдотьюшка сидела во белом шатри. (217–228)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А да сам он говорил да таковы речи:
«Тебе полно спать, Михайлушко, с Овдотьюшкой,
Пора тебе ставать да ехать ко городу ко Киеву,
А ко ласкову ко князю ко Владимиру!» —
«Уж ты гой еси, осударь наш Илья Муромець!
Не могу я стать да головы поднять;
А болит-то моя буйна голова,
А не служат у мя да руки белыя,
А не носят меня всё ножки резвыя». (287–295)

²⁰⁰ У Ф. Т. Пономарева — «привёз-то».

Калика из Красной Ляги:

И говорит ему братия:
«Что же ты, Михайла Потык сын Иванович,
Обзарился ты на прелести женския,
А не везешь злата ни единой денежки?
И с чим ты теперь во Киев-град появишься?» (50–54)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А ставал-то Михайлушко да из белá шатра,
Одевалсэ он во платьё дорожно богатырское. (296–297)

Калика из Красной Ляги:

И говорит Михайла Потык сын Иванович:
«Ай же вы, братьица крестовые!
А не давайте мне красна золота,
И не троньте душечки Белой Лебеди:
Я с ней поеду в столен Киев-град». (55–59)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Говорил-то старый, государь да Илья Муромець:
«Уж мы не повезём Овдотьи во красен Киев-град!
А как не жона тебе будет любимая;
А того жо она роду ведь змеиноного...
<...>
Уж вы гой еси, да братья крестовыя-назв́аныя!
А как станем мы исполнётъ свою заповедь великую —
А да станем-ко мы Овдотью делить нáтроӗ,
Уж мы станём рубить Овдотью натроё̆».
Говорил-то Михайлушко Игнатъевич:
«Уж ты гой еси, старый казак да Илья Муромець!
Я не дам-то вам делить Овдотьи натроё̆,
А не дам-то ей рубить натроё̆:
Я Овдотьюшку возьму да за себя замуж».
Говорил-ту старья старынышина да Илья Муромець...
(298–301; 250–259)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Уж ты сукин сын, Поты́к Михайлушко Иванович!» (47)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Не жона тебе-то будёт вековечья;
Как она, она ведь всё — роду змеинога». (261–262)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Не жона жа тебе будет — змея лютая;
Уж ты будёшь, Михайлушко, у семи сьмертей,
Налетаисьсе, Михайло, ты чёрным вороном,
Ай нарышшишьсе, Михайлушко, ты серым волком,
Накопаисьсе, Михайлушко, горносталюшком,
Приломашь ты о корёньё буйну́ свою головушку,
Налёжисьсе в чистом поли ты серым камнем».
Всё как этому Михайлушко не поверовал²⁰¹. (48–55)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как стал-то Михайло садитьсе на добра коня,
А не мог Михайлушко сам сесть да на добра коня;
Посадил-то ведь Михайлушка да Илья Муромець.
Они поехали ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю да Владимиру. (309–313)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Забрала тут веть их тут темная ночь, —
Розоставили они свои белы шатры. (246–247)

²⁰¹ У Ф. Т. Пономарева — «поваровал».

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да берё тогда Илеюшка Михайлушка,
Ай ведёт де Михайла к себе во белой шатер. (229–230)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

«Уш ты ой еси, ты Потык сын Иванович!
Ты ложись-ко, ты Потык, в мой-от бел шатёр;
Лёгу я с Овдотьей²⁰² в твой-от бел шатёр.
Если ты с ей и легёшь, она ухóдит тибя!»
Тому слову Потык да не ослышилсэ;
Согласилсэ легци тут веть в его бел²⁰³ шатёр. (249–254)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Бог день опеть пронёс, да Господь²⁰⁴ ночь даёт.
Ай пошел жо восударь тогды Илья Муромець,
Он пошел да к Овдотьюшки во белой шатёр,
Ишше лёк тогды с Овдотьюшкой почив держать;
Да лёжат они с Овдотьюшкой во белом шатри,
Ай накинула Овдотьюшка руку-ту белую,
Ай накинула она тогды ножку резвую,
Досталы де спорхонула на белы груди... (231–238)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Накинула Овдотьюшка-ле²⁰⁵ тут палицю буёвую
Ко тому же г Илеюшки²⁰⁶ на белу шею,
Хотела бы Илеюшку²⁰⁷ решить его до смерти
Да наместо бы Потыка Ивановича. (257–260)

²⁰² У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «с Марьюшкой».

²⁰³ У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «Добрынин».

²⁰⁴ У Ф. Т. Пономарева — «Бох... Восподь».

²⁰⁵ У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «тут Марьюшка-ле».

²⁰⁶ У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «Добрынюшки».

²⁰⁷ У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «Добрынюшку».

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да Илеюшки пришло тогда делать ёму нечево,
 Ай скакал тогда Илеюшка на резвы́ ноги,
 Ай берёт тогда Овдотьюшку за русу́ косу,
 Ай выдёргивал он плёточку семишолкову,
 Ай волочит де Овдотью кругом среди шатра... (240–244)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
 деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

(Запасёно у старого²⁰⁸ было три прутика:
 Один-от был прут дак он железной же,
 Да друг-от был прут да был медной же,
 Треть-ёт тут прут да оловянной же!),
 Зачял Овдотьюшку²⁰⁹ лупить тут ведь.
 Да опсек тут он было прут железной же,
 Да опсек тут фторой дак прут медной же;
 Да стал бы лупить прутом оловянным тут:
 Оловянн-от прут он гнецьсе, да он не ломицьсе —
 Тут-то Овдотья²¹⁰ да воскаялась. (264–273)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Настегал Овдотьи, сколько ёму надобно,
 Ишше бросил Овдотью во белой шатёр,
 Сам пошел тогда ко Михайлушку ко Иванову,
 Ишше по́слал Михайлушка в шатёр сь ёю опочив дёржать.
 Да лёжа́ они с Михайлушком во белом шатри,
 Да боитьсе де Михайлушко да Овдотьюшки,
 Ай боитьсе де Овдотьюшка тогда Михайлушка.
 Ишше втёпоры у их Бог²¹¹ ночь пронёс,
 Бог ночь тогда пронёс, да Господь²¹² день даёт.
 Говорил де восударь тогда Илья Муромец:

²⁰⁸ У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «у Добрыни».

²⁰⁹ У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «тут Марьюшку».

²¹⁰ У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «Марьюшка».

²¹¹ У Ф. Т. Пономарева — «Бох».

²¹² У Ф. Т. Пономарева — «Бох... Восподь».

«Уж ты вой еси, Добрынюшка Микитиць сын!
Ишше полно нам ведь этга жить во белых шатрах,
Ишше надобно нам ведь ехать в красён Киев-град». (246–258)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Собиралисе робятушка да срежалисе,
Собрали они да тут белы шатры. (277–278)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Лёкко, скоро сами скачут на добрых коней,
Ай поехали братаны в красён Киев-град... (259–260)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Приежджают они да в красён Киёв-град,
Приежджают ко Владимиру ко красну крыльцю;
Да соскакивали они все дак з добрых коней,
Да пошли были дак во светлу грыню.
Да заходят они дак на новы сени,
Да заходят они дак во светлу грыню,
Кре(с)т-от тут клали по-писаному,
Да поклоны вели дак по-учоному:
«Уш ты здрастуй, Владимир да стольнекиевской!» —
«Приходите, удалы да добры молоццы». (281–290)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как отдали князю да дань, да пошлину. (315)

Калика из Красной Ляги:

Старый казак Илья Муромец
Отвалил злата как сенну кучу;

Молодой Добрынюшка Никитинич
Отвалил злата как сенну кучу;
Идет Михайла Потык сын Иванович,
Не несет злата ни единой денежки,
А ведет за ручку душечку Овдотьюшку²¹³. (61–67)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Да спроговорит тут Потык да сын Ивановиц:
«Уш ты ой еси, Владимёр стольнекиевской!
Дай ты мне тепере да благословленьцо:
Я хоцю тут ноне да я женитисе!»
Да спроговорит Владимир да стольнекиевской:
«Уш ты ой еси, ты Потык да сын Ивановиц!
Да бери ты, у кого да тебе надобно:
Хош у князя, хош веть ты да у боярина,
Хош у руського могущого богатыря,
Хош у тех палениц да преудалых же,
У тех у купцей-гостей торговых же,
Дак у тех у прожитосних у хрисянушок,
Хош у тех же у вдов благочестивых же!...»
Да спроговорит тут Потык да сын Ивановиц... (34–47)

Алексей Васильевич Чупров, село Усть-Цильма, Печора:

Става́т Поты́к на резвы ноги,
Выходит из-за стола дубового на кирпичат пол,
Тишешинько к князю подвигается,
Нижешенько князю поклоняется:
«Ох ты, солнышко Владимир-князь!
Позволь мне слово вымолвить:
Не надо мне девки княженецкия,
Не надо мне девки боярския —
Боярски девки злы-омманчивы!
Не надо мне девки поповския,
Не надо мне девки и купеческой —
Поповския девки пропируются,

²¹³ У Калики из Красной Ляги — «Марьюшку».

Купчески девки протогоуются,
А хресьянския девки только толчи да молоты!» (107–120)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

«Есть у мя невеста да богосужона
У того короля дак у заморьского,
Есть-то тут Овдотья Лебедь Белая!²¹⁴»
Да спроверыт Владимёр да стольнеки(е)вской:
«Уш ты ой еси, ты Потык сын Иванович!
Она не будёт тут тебе, она не будёт жена, —
Она будёт тут тебе она пот<д>пазушна змея!» (48–54)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то тут ведь Потык-от Михайло всё Ивановичь:
«Уж ты красно моё солнышко Владимир-князь,
Ты Владимир, ты князь мой стольнё-киецькой!
Ты збирал-то пир да для троих для нас,
Для троих для нас збирал, для трёх могущих богатырей».
<...>
«Собери-ко-се ты, князь, ты пир да одному мне-ка:
Я составалсэ ведь на Овдотьи Лиходеёвны;
Зазвонят ведь как вецёрни-ти позды сёгдни-то,
Мы тогда пойдём с Овдотьёй с Лиходеёвной
Во Божью-ту мы цёрковь пойдём венчатисе».
(Еретица была; говорит: «обвинцеюсе после вецёрни».)
Ай тому-то ведь Владимир-князь всё рад ведь был,
Он ведь рад ведь был тому радешенёк. (67–71; 74–80)

Калика из Красной Ляги:

«В нашу державу свято-русскую
Пойдут семена — плод богатырский:
То лучше злата и серебра». (94–96)

²¹⁴ У А. М. Мартынова (Олёксы Малого) — «Марья да Копейщина!»

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ишше светёл-от день пошел ко вецёру,
Ишше красно-то солнышко пошло ко западу;
Зазвонили тут вецёрни-ти ведь во Божьих цёрквах;
Тут ведь Потык-от Михайло сын Ивановиць
Пошел-то Потык ведь свет Михайлушко в Божью цёрковь;
Нередилаь тут Овдотья Лиходеёвна
Да пошла же она да во Божью цёрковь.
Как ведь отслужили-то позды вецёрни-то...
<...>

Овенцялэ тут Потык-то Михайло сын Ивановиць
С молодой-то со Овдотьёй Лиходеёвной;
Приходят они всё из Божьей цёркви.
Ише князь-от был Владимир всё радёхонёк,
Всё радёхонёк был он, веселёхонёк;
Он садит-то новобрачных, всё усаживат;
Ишше Пóтыка Михайла всё Ивановиця
Он со той ли со Овдотьёй с Лиходеёвной
Он усаживал в полаты их за дубовы столы;
Повёлэ тут у их всё пир навёсели. (81–88; 101–110)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А во ту пору, во то время
Заводилась у Михайла, пошла свадьба жа;
Как отцём-ту сел сам Владимир-князь,
А как матерью-ту села да княгина жа,
А как тысецьким-то стал казак Илья Муромець.
А как обвенчалэ тут Михайлушко с Овдотьюшкой,
Повели тут Михайлушка спать укладывать
В спальню горницу, в светлу свётлицю;
Говорил-то старый казак да Илья Муромець:
«Уж ты гой еси, Михайлушко Игнатъевич!
А как станёт Овдотьюшка класть заповедь великую,
Не клади ты с ей заповеди великия —
Не лёжись-то с ей живой ведь в гроб;
Потеряшь тут свою буйну голову».
А как повалились спать Михайлушко с Овдотьюшкой...
<...>

Говорила Овдотьюшка Михайлу таковы речи:

«Уж ты гой еси, Михайлушко Игнатъевич!
Мы положим промеж-то заповедь великую,
А великую-то, ведь немалую:
А которой из нас да наперёд помрёт,
А тому живому повалитесь со мной во гроб».

(316–330; 332–337)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Положили они заповедь великую... (97)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

Написали они между собой ведь записи.
<...>
Стал он жить-то с ней да на весельици,
Напиваться зеленá вина он допьяна. (40; 28–29)

Кириша Данилов:

А у Потока Михайла Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Леховидьевной
Немного житья было — полтора года:
Захворала Авдотьюшка Леховидьевна,
С вечера она расхворается,
Ко полуночи разболелася,
Ко утру и преставилася. (155–161)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Его тут жена была волшебница... (412)

Кириша Данилов:

Мудрости искала над мужем своим,
Над молодым Потоком Михайлою Ивановичем.
Рано зазвонили к заутрени,
Он пошел, Поток, соборным попам весть подавать,
Что умерла ево молода жена. (162–166)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Говорит Потыкы Михайло да сын Ивановиць:
«Помёрла коли моя да молода жона,
А надоть веть мне-ка да живому лекци;
У нас положона была така заповеть, така тяжэлая:
“Що которой ю нас дак наперёт помрёт,
А другому у нас дак живому лекци!”» (177–182)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

А скоро сам бежал на выходы высокие,
Закричал Михайло во всю голову:
«Да ай же, мои братыца крёстовые,
Крёстовые вы братыца, названые, —
Ай старый казак ты Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
А подьте-тко вы к брату крестовому
А на тую на думушку великою».
Как тут-то ведь уже братыца справлялися,
Тут-то оны удáлы снаряжалися,
Приходят оны к брату крёстовому,
К мóлоду Михайлы да к Пóтыку:
«Ай же брат крёстовыйи наш, названыи!
А ты чего кричишь, нас треложишь ты?..» (377–390)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Померла-то у меня Овдотья, лебедь белая!»
Говорил-то а стары́й-то казак Илья Муромець:
«А почём ты клал с ей заповедь великую?
Ише не послушал моёго ты наказаныица.
А ведь жалко всё тебя, Михайлушко,
А как жалко тебя, доброго молодца,
А как руського могучого богáтыря!
Ты послушай-ко меня да во последней раз:
Уж ты сделай-ко-се ей да гроб великия,
Штобы в гроби было где легчы́,
Да штобы стоя стоеть да сидя сидеть;
Ты возьми с собою свешши́ да воску ярого,

Ты возьми с собой да саблю вострую к себе во гроб.
Не жалеи-то ты Овдотьи, белой лебеди». (344–357)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Говорил-де Добрынюшка Микитич же:
«Уш ты ой еси, ты Потык сын Иванович!
Закажи тут-то зделать ты гробницу-ту великую...
<...>
Было щобы где да розмахнутисе!» (414–416; 419)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как этии тут братьица крестовыи
Скорым-скором, скором да скорешенько
Как строили колоду белодубову;
Как тот этот Михайло сын Иванов был
Как скоро сам бежал он во кузницу,
Сковал там он трои-ты клёща-ты,
А трои прутья еще да железныи,
А трои еще прутья оловянныи,
А третьи напослед еще медныи.
Как заходил в колоду белодубову
А со тым со телом со мертвым.
Как братьица крестовы тут названыи
Да набили они обручи железныи
На тую колоду белодубову.
А это тут ведь дело да деется
А во тую в субботу во христовскую;
Как тут эти старьи казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Микитинич,
А братья что крестовые, названыи,
Копали погреб тут оны глубокии,
Спустили их во матушку во сырú землю,
Зарыли-то их в желты пески. (401–422)

Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Завалили каменьём да ишше серым же,
Да заклали-то плитъём ёго железным же.
Да и тут-то Михайлушку славы поют:
«Не бывать-то Михайлушку да на белом свету,
Не видать-то Михайлушку да свету белого!..» (46–50)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Схоронили тут Потыка Михайла сын Ивановиця.
Засветил он много свещ там да воскуяровых,
А стоит-де уш он да Богу молицсэ. (190–192)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ай зарыле де Михайлушка во сыру землю.
Да пришло тогда Илеюшку делать ёму нечево;
Ай пошел тогда Илеюшка тогда во Божью церковь,
Ай берё де он ведь книгу всё Евангельё,
Он идё со книгой Илеюшка на могилочку;
Он читат-то он книгу-ту по перьвой раз,
Ай прочитыват ведь книгу во вто́рой раз,
Просматривал он книгу-ту во третей раз,
Да нашол-то он в книги таково слово:
«Слободить де как чёловека от смерти понапрасныя».
Розмышляет восударь тогда умом-разумом. (487–497)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как стал Илья-то Муромец на гробници ихней слушати.
А как закатилось тут да соньчё красное,
Потыхала тут заря да вечерняя,
А в ти поры Овдогья в гроби шшевелиласе... (362–365)

Кириша Данилов:

Втапоры она, еретница, из мертвых пробужалася. (201)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А как лютою змеёю овернуласе. (366)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

А от той же гробницы да от Овдотьиной²¹⁵
А люта змея пользе-извиваицсэ,
Она хоцет Михайла да всё ожарити.
А на ту пору Михайло да он ухватцив был:
Ухватил он веть клёщи да всё железные,
Зажымал он змею в клёщи в железные
Да бьёт-де, секёт прутом железным, —
Да железни-ти клёщи возьмут роскоцяцьсе,
Да железно-от-де прут да переломицсэ.
Зажымал-де Михайло да во фторы клёщи,
Во фторы-ти он клёщи да во железные,
Да секёт-де он прутом да всё железным, —
А фторы-ти клёщи возьмут роскоцяцьс(е),
А фторой-де прут да переломицьсе. (193–206)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ишше втíпоры Илеюшка догадалса же,
Да ревь де как Михайлушко во сырой земли. (501–502)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

«Стоснулось нашему братцу крестовому во сырóй земли,
Живому телу со мертвыим». (148–149)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

У Илеюшки тогды серьцё-то розьерилося,
Ай сейчас-то в ём вся кровь роскипеласе;
Ай розрыл-то он Михайла да могилочку... (503–505)

²¹⁵ У А. П. Чуповой — «фсё от Марьиной».

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Отсыпáл он пески, камешки, отдергивал плиту железную...
(374)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ишше выдёрнул колоду белодубову,
Он сорвал тогды вси обручи железныя.
Овернулась де Овдотьюшка зьмеёй лютою,
Ишше жгё она Михайлушка да жигалами,
Ишше тёнёт изь ёго кровь горячую;
Ай едва застал — в Михайли душа полуднуёт. (506—511)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Зажымал-де Ильюша²¹⁶ змею да в клёщи в медные
А бьёт-де, секёт ей да прутом медным, —
Ише медны-ти клёщи гнущсе — не роскоцяцьсе,
Ише медн-от-де прут гнецсэ, да не ломицсэ.
Стало сáтко змеи да доставатисе;
Тут змолиласе змея да змея лютая:
«Ты прости меня бабу да всё глупую,
Прости меня женьшину в первой вины:
Ише женьски-ти волосы долги, да ўмы коротки!»
(207—212, 214—216)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

И обвернулась она Овдотьей²¹⁷ Белой Лебедью,
И давала заповедь великую
Не делать впредь никаких пакостей. (II: С. 14)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Выходил тут Михайло да с молодой жоной. (224)

²¹⁶ У А. П. Чуповой — «Михайло».

²¹⁷ У Т. Г. Рябинина — «Марьей».

Кириша Данилов:

И объявили князю Валадимеру
И тем попам соборным,
Поновили их святой водой,
Приказали им жить по-старому. (214–217)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

А прошла товда слава да всё великая,
А що бесмёртна есть Овдотья²¹⁸ королевисьня. (227–228)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуи:

Стал Михайла жить²¹⁹ по-прежнему,
Напиваться зеленá вина он дóпьяна. (158–159)

Пётр Прохоров, деревня Черный Наволок, Толвуи:

Владимир стольнё-киевской
Дал-то повольку-ту великую
Михайлу Пóтыку сыну Иванову
Ходить по цáревым по кáбакам,
Пить зелено вино безденежно,
Где кружку, где полкружки,
Где полведра, где цело ведро.
Стал ходить Михайла Потык сын Иванович
По цáревым по кáбакам,
Пить зелено вино безденежно
Где кружку, где полкружки,
Где полведра, где цело ведро. (298–309)

²¹⁸ У А. П. Чуповой — «Марья да».

²¹⁹ У А. Тимофеева — «Стал он жить-то ведь».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Михайла Потык сын Иванович
Уходил он на царев кабак,
Стал он упиваться в зеленó вино.
На тую пору на времячко... (II: 82–85)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

Приезжают-то с разных мест да сорóк царей,
Сóрок царей, сóрок царевичев,
Сóрок королей да сóрок королевичев.
Оны пишут ко Владимиру,
Владимиру да стольнѣ-киевскому:
«Выведи ты эту лебедь белу²²⁰, королевичну,
Бѣз бою, без драки, без великаго кроволития».
Собирает тут Владимир стольнѣ-киевской
Своих господ, своих бояр;
Стал он тут Владимир совет советовать
Со своима господамы, со своима боярамы:
«Ежли нам не отдать этой лебедь белой²²¹, королевичной,
Приведут наш стольной Киев град во розорение». (43–55)

Калика из Красной Ляги:

И призывает Владимир князь Михайлу Потыка:
«Отдадим Лебедь²²² сорока царям в замужество?»
Говорит Михайла Потык сын Иванович:
«Отдадим-ко твою Опраксу королевичну?» (168–171)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

«Не отдам я своей душеньки
Бѣз бою, без драки, без великаго кроволития».
Бѣрет он своих да двух братьѣв крестовых,

²²⁰ У А. Тимофеева — «эту Марью лебедь белу».

²²¹ У А. Тимофеева — «этой Марьи лебедь белой».

²²² У Калики из Красной Ляги — «Марью».

Бéрет стараго казáка Илью Муромца,
Во вторых берет Добрынюшку Микитича.
Сокрутились они в платье женское,
Причесали они свои кудри русья по женскому,
Садилась они в тележку во ордынскую,
Приезжали оны да во чистó поле,
Роздернули оны тут ведь белóй шатер.
Приходило тут сóрок царей, сóрок царевичев:
«Верно, что Владимир стольнѣ-киевской
Не посмел с нами воевати де,
Повывел он эту²²³ лебедь белу, королевичну,
Повывел её²²⁴ во чистó поле». (61–75)

Калика из Красной Ляги:

Тогда сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей
Оболоклись в платье самолучшее,
Садилась на самолучших коней
И приехали к шатру белополотняну. (185–189)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

«Ай же ты Марья лебедь бела, королевична!
За кого же ты за нас замуж идешь?»
Испрогóворит Михайла самым тонким женским голосом:
«Кто кого из вас на бою побьёт,
За того я ведь замуж иду».
Выходили оны татарева во чистó поле,
Тот того побьёт, другой друго́го побьёт, —
Не выходили-то у них поединщика единаго.
Приходят оны опять да ко белú шатру:
«Нет у нас такого поединщика.
За кого же нынть ты замуж идешь?» (77–87)

²²³ У А. Тимофеева — «Марью».

²²⁴ У А. Тимофеева — «Марью».

Калика из Красной Ляги:

Говорит им Михайла таково слово:

<...>

«Дай-ко я разстреляю сорок стрелочек,

Всякому стрелю в свою сторону:

Который вперед прибежит со стрелочкой,

Тому я и достануся».

На то цари согласилися.

Разстрелял Михайла сорок стрелочек,

Йная в кусты, йная в воду: часом ли соберешь?

Который вперед прибежит со стрелочкой,

Михайла тому голову секет,

Секет голову и под шатер складет.

И прибил ён всех до одного —

По одному сорок царей и сорок царевичей. (190; 194–205)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

Поезжали оны тут во Киев град

Со своима он с братьямы крестовыми. (99–100)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как на эту на славушку великую (585)

Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Тут приехал Вахрамей да Вахрамеевиць. (171)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Стал он звать за себя Овдотью²²⁵ Лебедь Белую;

И пошла за него замуж Овдотья²²⁶ Лебедь Белая.

Оны сели на добрых коней, уехали,

А Михайла Потык сын Иванович

Сидит — пьет да проклаждается,

²²⁵ У Т. Г. Рябинина — «Марья».

²²⁶ У Т. Г. Рябинина — «Марья».

Над собой незгодушки не ведает.
И приходит во царев кабак
Старый казак Илья Муромец,
Говорил Илья таковы слова:
«Михайла Потык сын Иванович!
Ты пьешь зелено вино, проклаждаешься,
Над собой незгодушки не ведаешь:
Твоя же молода жена,
Прекрасная Овдотья²²⁷ Лебедь Белая
Замуж ушла за татарина поганого,
За царя Вахрамея Вахрамеевича²²⁸». (II: 88–103)

Андрей Тимофеев, деревня Загорье, Толвуй:

«Увез твою да любиму семью
Красивыи король да ведь ляхетский». (189–190)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как Михайлушка²²⁹ ответ держит:
«Ай же мои братьица крестовые!
Пойдемте мы, братьица, след с угоною».
Говорят ему таково слово:
«Да ай же ты, наш братец крестовый был!
Не честь-то нам хвала млодецам
А ехать за чужой женой еще след с угоною.
Кабы ехать нам-то ведь уж след тебя...
<...>
А едь-ко ты один, доброй молодец,
А едь-ко, ничего да не спрашивай;
А застанешь ты ведь их на чистом поли,
А отсеки ты там царю да головушку». (646–653; 655–658)

²²⁷ У Т. Г. Рябилина — «Марья».

²²⁸ У Т. Г. Рябилина — «Федора Иванова».

²²⁹ У Н. Прохорова — «он на то ведь им».

Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Да скорёхонько Михайлушко сражаицэ,
 Да круце того Михайлушко снарежаицэ.
 Говорит ему матушка кнегина Опраксея-королевисьня,
 Да говорит-то ёму батюшко Владимир да стольнекиевской:
 «Уш ты ой еси, Потык Михайлушко да сын Ивановиц!
 Ты не ездз ззади за Вахрамеём да Вахрамеевицом:
 Потеряш ты свою да буйну голову!» —
 «И две смерти не будёт, и без одной не миновать.
 Ишше малы-ти ребята миня дразнить будут:
 “Ишше здорово жинилсэ, да тибе не с ким спать!..”»
 Да и брал-то Михайлушко добра коня,
 Да и брал-то копьё да долгомерноё,
 Да и брал ише сабёлку он вострую,
 Ишше взял-то он палоцьку буёвую;
 Да скорёхонько скакал он да на добра коня.
 Да не видели поески да молодецькоей;
 Да только видели: в цистом поле курева стоит,
 Курева-та стоит, да дым столбом валит. (108–125)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

А кабы немного время миновалосе,
 Уж немного время прокатилосе... (222–223)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Как тут-то у Михайлы добрый конь
 <...>
 А прибегал тут конь да во Киев-град,
 А начал он бегать да по Киеву.
 Увидли-то как братья тут крестовьи,
 Молодой Добрынюшка Микитинич
 А старьи казак Илья Муромец,
 Сами как говорят промежү собой:
 «А нет жива-то братца крестоваго,
 Крестоваго-то братца, названаго,
 Молода Михайлушки Пóтыка».
 Садились тут оны на добрых коней,

Поехали они след с угоною.
А едут тут оны по чисту́ поли,
Михайлин еще конь наперёд бежит.
А прибегал на яму на глубокую,
Как начал тут он ржать да копьём-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Как смотрят эты братьица крестовыи:
«А видно этга братец наш крестовый был,
А молодой Михайла Пóтык сын Иванович».
Как тут-то ведь оны да скорым-скорò
Копали эту яму глубокую,
А ён-то там проспался, прохмелился, протверзился.
Скочил-то тут Михайла на резвы́ ноги,
Как гóворит Михайла таково слово:
«Ай же мои братьица крестовыи!
А где-то есте Овдотья²³⁰ лебедь белая?»
Говорят тут братья таково слово:
«А тая-то ведь Овдотья²³¹ лебедь белая
Она-то ведь уж нунечку замуж пошла
А за прекраснаго царя да Вахромеева»²³². —
«Поедемте мы, братьица, с угоною».
Как говорят оны тут таково слово:
«Не честь-то нам хвала молодецкая
А ехать нам за бабой след с угоною,
А стыдно нам буде да похабно е.
А едь-ко ты один, добрый молодец,
Застанешь-то ведь их ты на чистом поли
А ничего больше ты не следуй-ко,
А отсеки царю ты буйну голову,
Возьми к себе ты Овдотью²³³ лебедь белую».
Как тут-то он Михайлушка справляется,
Как скоро след с угоной снаряжается. (698; 700–741)

²³⁰ У Н. Прохорова — «Марья».

²³¹ У Н. Прохорова — «Марья».

²³² У Н. Прохорова — «за Окульева»

²³³ У Н. Прохорова — «Марью».

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Стосковалися братьица крестовые,
Старый казак Илья Муромец
Да молодой Добрыня сын Никитинич... (I: 172–174)

Колодозерский старик, Пудога:

По душечке Михайлу Потыку Иванову... (383)

Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость:

Сожалели Михайлу Потыка Ивановича. (140)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

А не видать что братца есть крестоваго,
Молода Михайлы Пóтыка Иванова,
Самы тут говорят промежú собой:
«А наб искать-то братца нам крестоваго,
А молода Михайлу Пóтыка Иванова». (796–800)

Колодозерский старик, Пудога:

«Пойдем, братец, во землю Волынскую,
Спросим, где наш брат убит,
Где убит, где положен?» (384–386)

Пётр Прохоров, деревня Чёрный Наволок, Толвуй:

А братьица названни...
<...>
Илья Муромец да сын Иванович,
Добрынюшка Микитинич
Сплели они лапóтики,
В носки заплели по самоцветному по камешку. (444; 446–449)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Накрутились оне тут каликами,
Пошли искать братца крестоваго. (I: 175–176)

Пётр Прохоров, деревня Чёрный Наволок, Толвуй:

Днем идут по солнышку,
Ночью идут по камешку,
Приходят-то ко этому ко белому ко камению. (450–452)

Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость:

Идучись до земли Политовския,
А сустигли Старичища Пилигримища... (145–146)

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Не из далеця-далеця да ис циста поля,
Ис того-де роздолья да ис шырокого,
Идёт веть уш тут да стар-матёр целовек... (316–318)

Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость:

А клюка у него да сорока пудов! (147)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Здравствуйте, калики перехожие!» —
«Ты здравствуешь, калика было старая,
Старая калика ты матёрая,
Ты матёрая калика да седатая,
Ты седатая калика да плешатая». —
«Куда же вы калики нунь направились?»
Испроговорят тут русский могучии богатыри:
«Ай же ты калика было старая!
Хоть нынь у нас накрученось каликамы,
Е мы не калики перехожиин,
Е мы русский могучии богатыри:

Старьи казак да Ильё Муромец,
Мблодый Добрынюшка Никитинич.
Пошли искать Михайлы Пóтыка Иванова,
Своего же братца мы крестоваго,
Святорогьскаго богáтыря».
Испрогóврят же русские могучии богáтыри:
«Ты откудава калика есть же старая?» —
«Я дальняя калика есть же старая,
И дальняя калика я не здешняя...» (646–665)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорил Старчище Пилигримище:
«Ах вы русски могучи богатыри!
Пригласе вы Старчища Пилигримища
А идти-то нам во змелю в Политовскую». (II: 172–175)

«Пойдем с нами, Старчишо Пиригримишо!»
Пошли оне во землю Политовскую. (I: 181–182)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ходили калики перехожие из орды в орду,
Сорок калик со каликою.
Лапотики на ножиках у них были шелковые,
Подсумочки сшиты черна бархата,
Во руках были клюхи кости рыбьяе,
На головушках были шляпки земли греческой.
Приходили оны в хоробру литву,
Ко тому королю литовскому на широкий двор,
Становились под косявчето окошечко
И попросили-то они милостины:
«Ай же ты, король литовский!
Сотвори-тко нам милостину, каликам перехожим:
Не рублямы мы берем и не полтинамы,
Берем-то мы целыма тысячмы».
От их от покриков богатырских
Околенки в теремах поразсыпались,
Маковки во теремах покривились. (III: 1–17)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Вси же во гради да приужахнулись:
«Что же нунь да чудо е случилось,
Какй же нам калики появилиси?»
Испрогóворит король да политовский:
«Это е три чюда объявилоси».
Говорила Овдотья²³⁴ лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична да тут подолянка:
«Тут не чудо к нам же нынче объявилоси,
Два богатыря да к нам же нынъ явилоси:
Старый казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Никитинич.
А третья калика незнакомая,
Незнакомая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая,
Тая е калика да незнаема.
Зови-тко ты король да во гостёбищо
Этых калик да перехожиих.
Не пойдут оны к нам да в гостёбище —
Розрят оны же нашу земляну литву
Два русские могучии богатыря».
Выходил же тут король да политовский,
Скорешенько же выходил на широк двор
С той ли Овдотьей²³⁵ лебедь белою,
Лебедь белою да он подоленкой,
А подоленкой да королевичной.
Подходила она к братьцам крестовым
Своего же она мужа да названаго,
Звала тут себе-ка-ва в гостёбищо,
Тяжелешенько по нём да она плакала.
Спрашивали русские могучии богатыри,
Старый казак да Илья Муромец,
Что ли молодой Добрынюшка Никитинич:
«Не видала ли Михаила Потыка да ты Иванова?» —
«Не видала я Михаила Пóтыка Иванова.
Тяжелешенько по нём да я же плачу есть,
Вспомню я его да в каждый день».

²³⁴ У П. Калинина — «Марья».

²³⁵ У П. Л. Калинина — «Марьей».

И зовёт она себе-ка-ва в гостёбищо
К тому же королю да политовскому. (674–712)

Калика из Красной Ляги:

И брала калик за руки белыя,
А ведет в палаты белокаменны,
И поит-кормит, чествует.
Двое²³⁶ калик пьют и едят,
А третий-то²³⁷ не ест и не пьет;
Двое²³⁸ калик принапилися,
Принапилися, да на пол свалилися,
А третий-то²³⁹ калика не пил, тот и не пьян.
Она взяла-собрала двенадцать богатырей:
«Подьте, богатыри, убейте калик киевских».
И тогда пришли двенадцать богатырей,
Пришли — хотят убить калик киевских.
Третий-то²⁴⁰ калика незнакомый
Брал как клюшечку во сорок²⁴¹ пуд,
Стал как клюшечкой помахивать...

<...>

И видит царь Вахрамей Вахрамеевич,
Что не состоять всему царству Вахрамееву
С одной каликой перехожейей,
А как те проснутся, что́ будет?

<...>

И сходил в терема глубокие,
Наклат котомки полным-полнехоньки
Злата и серебра и скатна жемчуга.

(295–309; 312–315; 317–319)

²³⁶ У Калики из Красной Ляги — «трое».

²³⁷ У Калики из Красной Ляги — «четвертый».

²³⁸ У Калики из Красной Ляги — «трое».

²³⁹ У Калики из Красной Ляги — «четвертый».

²⁴⁰ У Калики из Красной Ляги — «четвертый».

²⁴¹ У Калики из Красной Ляги — «в двенадцать».

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Дарили им же честныи тут дáрева,
Дарили им же злато, что ли серебро,
И мелкии им тут же жемчуги,
И ка́менья дарили драгоценныи.
Откланялись тут же калики перехожие,
Отправились калики со гостёбища,
Ничего же тут калики не проведали
Про русьскаго могучаго богáтыря,
Про Михаилу Пóтыка Иванова.
Отправились же в путь они дороженку,
В день они идут было по солнышку,
В ночь они идут было по камешку.
Приходят тут ко белому горячему ко каменю. (718–730)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорил Старчище Полигримище:
«Станем-ко, братцы, животы делить».
Говорят тут русский могучии богáтыри:
«А дели-ко ты, Старчище Полигримище!»
Он стал делить, Старчище Полигримище,
Делит он на четыре да на четверти.
Говорил тут старик казак да Илья Муромец:
«Ах ты эй, Старчище Полигримище!
Ты что делишь на четыре да на четверти?»
А говорил Старчище Полигримище:
«А тому из нас, братцы, да четверта часть,
Кто бросит этот камешок через плечо!» (II: 202–213)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит же им калика было старая:
«Ай же вы калики перехожий!
Станем-ко здымать мы этот камешок.
Кто из нас же здыне этот камешок черéз плечо,
А тому же часть четвертая достанется».
Думают же русьскийи могучии богáтыри
Своим же тут умом да богатырскимим:

«Неужтò не здынем мы да камня?
Часть этà да нам же нынь достанется».
Испроговорит калика им же старая,
Старая калика да матерая:
«Ай вы русьский могучии богáтыри!
А здымайте-тко горючий белый камешок». (754–766)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

Принялся молодой Добрыня сын Микитиничь
Ко эвтому горючему ко камешку,
Да здынул он камень по колени себя, —
По колenuшка Добрынюшка в землю угрыз.
Прискочил как старый казак да Илья Муромец,
А здынул он камень по грудям себе,
По грудям Илья да он в землю угрыз,
Сам говорит да таково слово:
«А здымай-ко ты, Старчище Полигримище!»
Как тот Старчище Полигримище
Прискочил к горючему ко камешку,
Хватил этот камень да конéц рукмы,
Бросит камень этот да через плечо,
Сам ко камению да приговаривал... (II: 214–227)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

«Колись-ко этот камешок да на двое...» (786)

Абрам Евтихиевич Чуков, деревня Горка, Пудожский погост:

«Где был беленький горючий да тот камешок
Тут повыскаочи Михайло Потык сын Иванович!» (II: 228–229)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Кололся этот камешок нунь на двое,
Выходит тут Михаиле Пóтык сын Иванович,
Увидае он же братьцевов крестовых:

«Здравствуйте, вы братьеца крестовыи!» —
«Здравствуй, ты Михаило Пóтык сын Иванович!
От чего попал в горячий белый камешок?» —
«От своей же я Овдотьи²⁴² лебедь белыи,
Лебедь белыи да я подолянки,
Ай подолянки да королевичной.
Подносила она зелья мне-ка соннаго,
Подносила она зеленым вином, —
А где выпил, тут я в сон заснул,
И сам себе я нонечу не ведаю». (789–801)

Колодозерский старик, Пудога:

И не спрашивал ни про Киев град,
Ни про князей-бояр, про богатырей:
«Ай же вы, братья мои названные!
А где моя богатырска молода жена?» —
«А твоя богатырска молода жена
Во тех во палатах вахрамеевых,
Со царем Вахрамеем забавляется». (446–452)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Говорит же тут калика ему старая,
Старая калика да матерая:
«Михаила Пóтык сын Иванович!
Будешь ты у города у Киева
А у ласковаго князя у Владимира,
Ты сделай-ко две церкви, две соборных,
Одну церковь нуньче делай ты Спасителю,
Другу церковь матушке да пресвятой Богородицы,
В той же нунь Миколы да Святителю.
Упросила матушка да пресвятая Богородица
А сходить меня для вас да на сыру землю,
Избавить нунь от смерти от напрасною,
От напрасною от смерти от волшебною». (802–814)

²⁴² У П. Л. Калинина — «нунь Марьи».

Колодозерский старик, Пудога:

И не видели, куда старый сшел,
Оставалась казна на камени. (459–460)

Пётр Лукич Калинин, деревня Горка, Пудожский погост:

Испрогóвоят тут русьские могучии богáтыри:
«Ай ты братец да названыи,
Михаила Пóтык сын Иванович!
Пойдем-ко с нами в свою сторону,
К тому было ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру».
Говорил Михайла Пóтык сын Иванович:
«Ай же мѝи братыица крестовыи!
Мне-ка-ва сходить надо во земляну Литву,
А к тому же королю ко политовскому.
Угнал он да моего добрá коня,
И увез Овдотьѹ²⁴³ лебедь белую,
Лебедь белую да королевичну,
Королевичну он да подолянку».
Испрогóвоят тут братыица крестовыи:
«Ай ты братец да названыи,
Михаила Пóтык да Иванович!
Не жена теби она, да есть волшебница...» (818–835)

Анна Васильевна Потрухова, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«Не ходи-ты-ко ты, Потык Михайлушко да сын Ивановиц,
Да во то же во царьсво да Вахрамеѹво:
У тя ссекѹт же Вахрамей да буйну голову!» (187–189)

²⁴³ У П. Л. Калинина — «же Марью».

Анна Петровна Чупова, деревня Кильца, Мезень:

Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«А хоша веть уш мне-ка да живому не быть —
Не поступлюсь я Бесмёртною Овдотьей²⁴⁴ королевисьней:
А как я нонь выйду да на святую Русь, —
Меня малы-ти ребята да нонь дразнить станут,
Скажут: “Потыки Михайло да потерял жену,
А жену потерял да и со добрым конём
И со всей ёго со збруной да з богатырьскою!”»
А пошел опеть Михайло в сугон за Овдотьей...^{245 246} (335—343)

²⁴⁴ У А. П. Чуповой — «Марьей да».

²⁴⁵ У А. П. Чуповой — «за Марьею».

²⁴⁶ Продолжение сюжета о Михайле Потыке и Лебеди Белой см., например: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : 4-е издание. — М. ; Л., 1949—1951. Т. 1. № 39, 52; Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 2. № 65; Там же, Т. 3. № 70; Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М., 1901. № 8. (В дальнейших событиях этой былины Илья Муромец деятельного участия не принимает.)

ИЛЬЯ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

Источники текста

- Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря* ([I] Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром: [Былина] № 44 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 191–196; [II] Бой Добрыни с Илей Муромцем: [Былина] № 46 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 197–200.).
- Певец из Архангельского уезда* (Никита Заолешанин: [Былина] № 7 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. IV. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 46–49.).
- Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога* (Три поездки Ильи Муромца и [его] ссора с Владимиром: [Былина] № 63 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 323–345.).
- Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд* (Илья в ссоре с Владимиром: [Былина] № 47 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 322–326.).
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* (Илья Муромец в ссоре с Владимиром: [Былина] № 76 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 38–41.).
- Фёдор Андреевич Конашков, Пудога* (Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром: [Былина] № 4 // Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. — С. 96–98.).
- Анна Михайловна Пашкова, Пудога* (Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром: [Былина] № 2 // Былины Пудожского края. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. — С. 83–87.).
- Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога* (Илья Муромец: [Былина] № 55 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 264–276.).
- Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость* (Илья Муромец и Идолище: [Былина] № 22 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 183–186.)

Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска, Нарьян-Марский район (Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 77 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 216—222.).

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 138 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 386—396.).

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ай во славном было городи во Киеви,
Собирал-то князь Владимир-от почесен пир,
Ай почесен-то пир на тех-то собирал, которы — в Киеви:
Собирал он больше на князей да всё на бóяр же;
Позабыл в чистóм поли могущих он богáтырей,
Да он не дал им вестоцьки, скорóх гонцёв;
Некакого он богáтыря да не почёствовал.
Как ведётыце у них всё пир извёсели,
Ай узнал про то Илья-та как да Мурамец... (I: 1—9)

Певец из Архангельского уезда:

Говорит себе таково слово:
«Побывал я, Илья, во всех городах,
Не бывал я давно во Киеве;
Я пойду в Киев, попроведаю,
Чтó такое деется во Киеве?» (2—6)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Я надену, братцы, шубу долгополую,
Назовусь-то я Никитой всё залéшанин». (I: 11—12)

Певец из Архангельского уезда:

Приходил Илья в стольный Киев-град.
У князя Владимира пир на вёсело. (7—8)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Сам заходит во полаты белокаменны;
Он ведь крест-то кладёт да по-писанному,
Он поклон-от ведёт да по-учоному:
«Уж ты здрастуй, нашо красно, моё солнышко,
Ай ты ласковой ты Владимир наш;
Уж ты здрастуй, Опраксея Королевисьня,
Уж ты здрастуйте, князи вси вы бояра!» (I: 18–24)

Певец из Архангельского уезда:

Остоялся Илейко у ободверины.
Не опознал его Владимир князь,
Князь Владимир стольный киевский:
«Ты откуль родом, откуль племенем,
Как тебя именем величать,
Именем величать, отцем чевствовать?»
Отвечает Илья Муромец:
«Свет Владимир, красное солнышко!
Я Никита Заолешанин». (10–18)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то нашо красно-то всё солнышко,
Ище наш-от Владимир-князь да стольне-киеськой:
«Добро жаловать, дороднёй доброй молодець,
Ай ко мне-то посидеть да на поцесён пир,
Ай попить-то, поись у мя, покушати,
Ай ведь беленькой лебёдки порушати!»
Ай ведь не дал князь места по уму ему,
По уму-ту не дал места, всё по разуму:
Не посадил ёго Владимир-от не подлё себя,
Не посадил ево Владимир-от против себя —
Посадил ево Владимир, добра молодца,
Посадил-то ево в место не в почотное,
Не в почетно ево место не в большой угол,
Посадил ево Владимир всё в посъледнёй стол,
Посадил ево со малыма с ребятками,
Со темá ли со детьми, детьми боярьскимá.

Сам он сел-то Илья, да Илья Мурамецъ —
 Не Ильёй-то он, право, называитце,
 Называитче всё Никитушкой-залешанин...
 <...>
 Он не пьёт, сидит, не ест, да всё не кушаёт,
 Он ведь беленькой лебёдки не рушаёт.
 Ище князь, сидит, Владимир сам поглядывает,
 Сам поглядывает, сидит, скорó рассматриват;
 Говорит ёму Владимир таковы речи:
 «Ай же шьчо ты, наш удалой доброй молодець
 Шьчо по имени Никитушка-залешанин!
 Ты не пьёшь, сидишь, у мня, сидишь, не кушаёшь,
 Ишше беленькой лебёдки не рушаёшь?
 Обсадил-то я тебя ли разье местом тут,
 Надсьмеялась над тобой разье невежа-та,
 Обнесли, можот, тебя да цяркой винною?
 Ты сидишь ты всё у нас невёсёл-от:
 Ай потупил оци ясны в матушку сыру землю,
 Ай во ту ли во сэреду кирпишную».
 Говорит-то тут Илья да он таки реци... (I: 25–43;45–60)

Певец из Архангельского уезда:

«Уж ты батюшко, Владимир-князь,
 Князь Владимир стольный киевский!
 Не по чину место, не по силе честь...» (22–24)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«...Ты сидишь-то как всё с воронами ты,
 Ай миня всё посадил ты с воронятами!» (I: 62–63)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Как солнышку князю те речи не прилюбилися,
 Сам вставал да на резвы ноги,
 Как сам стемнел как темна ночь,
 Сревел как будто лев-то зверь... (401–404)

Певец из Архангельского уезда:

«Возьмите Никиту Заолешанина,
Выкиньте вон из гридницы!»
<...>
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита сидит²⁴⁷ — не шáтнется,
На буйной главе колпак не тря́хнется. (30–31;33–36)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Тут Владимир-князь скакал он скоро на резвы́ ноги:
«Поежай поди, уда́лой доброй молодець,
Со моёго-ты ступай-ко со чёсна́ пира;
Ты не езьди ко мне больше в красен Киев-град,
В красён Киев-от-град не прослежай своёго ты следочку-ту;
Удаляйсе ты подальше ис цистá поля!»
Он скорёхонько-то доброй молодець тут собирайтце;
Ай выскакивал он скоро из-за дубовы́х столов;
Он прошаитыце со князём со Владимиром,
Он со той ли со кнегиной с Опраксеёй-то:
«Тебе спасибо, ты мой ты красно солнышко,
На твоём-то на чесно́м-то на пиру́ тебе!
Не Микитушка я тя всё был залёшанин, —
У тя тот ли был всё старая стариньшина,
Ишше тот ли атаман да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамецъ был да сын Ивановиць».
Говорил-то князь Владимир таковы слова:
«Воротись ты, мой уда́лой доброй молодець,
Уж ты руськой мой, си́льней ты богатырь-от
Ай по имени Илья ты, Илья Мурамецъ,
Ай по батюшки-отци ты сын Ивановиць!» (I: 64–84)

Певец из Архангельского уезда:

«Вот тебе место подлѣ меня,
Хоть по правую руку, аль по левую,
А третье тебе место, — куда хошь садись!» (69–71)

²⁴⁷ У архангельского певца — «стоит».

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Говорил ёму Илья всё таковы речи:
«Не умел ты, князь Владимир, соколá имать,
Не умел ты соколá имать, в руках держать,
Не умел ты угосътить всё добра молодца,
Ты того меня Илью-ту светы Мурамца!
Подойдёт, бывает, к тебе сила неверная,
Ай неверна к тебе сила, бусурманьчкая,
Ты, тогда у тя бояра кособрюхи с ей управятце!
Я возьму-ту, князь Владимир, я своё востро́ копьё,
Я сойму у тя полаты по окошоцька;
Пусть задавит князьей да твоих ббярров!»
Он сказал-то он сам только не зделал так.
Уежает он скорёхонько в чисто́ полё.
Говорит-то Владимир таковы речи:
«Немалú я собе шутоцьку нашúтил-то!
Ище как мне эта шутка теперь с рук сойдёт?» (I: 85–100)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть,
И тут-то Илья да роззодорился,
А тут-то Илья да розретивился.
Как скоро натянул он свой тúгой лук
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенка роздумался:
«А что мне, молодцу, будé поделати?
А я нынь молодец е розгневанной,
А я нынь молодец есть роздрáженной».
Как он-то за тым тут повьдумал... (11–21)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Сам своей стрелы приговаривал:
«Ты лети, стрела об окошка княженецкия,
У окошек отстрели все маковки позолочены!» (446–448)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ай кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
«Ай же, пьяницы вы, гóлюшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейных
Й обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите в кабаки, в домы питейные
Да вы пейте-тко да вина дóсыта». (33–39)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Открывал Ильюша свой почесной пер,
Позабрал местецько што не лучшее,
Што не лучшее место, самолучшее,
Среди города да среди Киева,
На удобной да ён на площади,
Да у князя-то да у Владимира,
У теремов-то он да златоверхиих.
Крикнул Ильюша голосом своим богатырским:
«Уж вы, голи, голи кабацкие,
Городские голи вы, посацкие,
Собирайтесь-ко вы да приходите-тко,
Ко Ильюшеньки да на чесной пер!» (6–17)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Голи тут да засумлялися:
«Что-то нам от князя да будет,
Что-то нам от князя достанется:
Пропиваем мы его да маковки!»
Увидел он, что голи засумлялися:
Уж как сам говорит таковы слова:
«Пейте вы, голи, не сумляйтесь:
Я завтра буду во Киеве князем служить,
А у меня вы будете предводителями!»
Стали пить и не стали более сумлятися,
Стали Бога молить за удалаго за молодца. (458–468)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Дороги гости да Ильюшины
Соберали оны маковки шелковые,
Носили в лавоцьки оны торговьи,
Оттуль таскали напитоцьки спиртовьи.
А сидят пируют-то оны да прохлаждаютце,
А поют ёны песенки да разные,
Поют оны песни разные разважные,
Как не днем-то не ночью да ути́ха нет.
Как у князя-то да у Владимира,
Пер с богатырьма да прекращаетце,
А у Ильюши вперед да продолжаетце. (40–50)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Там доносят-то ведь князю да Владимиру:
«Ай Владимир-князь да стольнё-киевской!
А ты ешь да пьешь да на честнóм пиру,
А как старой-от казак да Илья Муромец
Ён по городу по Киеву похаживат,
Ён на матушки Божьи церкви погуливат,
На Божьих церквах кресты повыломил,
А все маковки он золоченыи повыстрелял;
Ай кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
“Ай же, пьяницы вы, гóлюшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейных
Й обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите в кабаки, в домы питейные,
Да вы пейте-тко да вина дóсыта”». (25–39)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Тут Владимир-князь скручинилсе,
Тут Владимир-князь да спечалилсе:
«Разобьет Илья по городу по Киеву.
Все он терема разобьет златоверхии,
Вышиблет все маковки золоченыи,
Золоченыи маковки да шелковые!»

Стал просить Владимир-князь
Сильных могущих богатырей:
«Как сходите-тко Ильюшеньку проводите-тко,
Штобы не спускал Илья стрелоцек калёных,
Не щипал бы Илья маковок шелковых».
А как богатыри от князя отказалисе... (51–62)

Анна Михайловна Пашкова, Пудога:

Говорит Владимир стольно-киевский:
«Вы, князя мои да бояровья,
Думу думайте, совет советуйте,
Как унять Илью да усостить,
Как позвать его на почестен пир,
Самому-то мне итти да не хочется,
А княгиню послать да не пристойно есть,
Нам кого послать да зазывальщиком?»
Говорят князя да и бояровья:
«А пошлём мы Ваську Долгополого».
Скочил тут Васька с-за стола дубового
И побежал к казáку Ильи Муромцу,
Говорит Васька таковы слова:
«Илья Муромец да сын Иванович,
Я от князя ли да от Владимира
Пришел посланником да зазывальщиком,
А пойдём-ка ты да на почестен пир».
Говорит казак да Илья Муромец:
«Уж ты, Васька Долгополый есь,
А выпивай-ко чару зелена вина».
А Долгополый Васька того же рад.
Илья Муромец да сын Иванович
Наливает ему чару зелена вина,
А не малу стóпу, полтора ведра,
Она весит весом полторá пудá.
А берёт-то Васька единой рукой,
Выпивает чару на единый дух.
Тут-то Васька раскуражился,
К Илье Муромцу да он подлащился:
«Илья Муромец да сын Иванович,
У тебя есть вино хорошоё,
Я выпил чарочку, по другой душа горит».

Наливал тут Илья Муромец
Другу чару зелена вина,
Разводил медами он стоялыми,
Подносил Ваське Долгополуму.
Берёт тут Васька единой рукой,
Выпивает чару на единый дух.
Как он выпил чару, тут он встать не мог.
Говорит Илья да таковы слова:
«Ах вы гой еси, голи кабацкие,
Вы возьмите Ваську за белы руки,
За белы руки да вы под пазухи,
Проводите Ваську вы по Киеву,
Доведите до двора да княженецкого,
Чтобы киевляне над Васькой не смеялися».
Тута голюшки кабацкии
Подхватили Ваську под руки,
Провели Василья да по Киеву
Ко тому двору ли княженецкому,
Отпустили Ваську и в обрат пошли.
А то Васька ль да Долгополый есь,
За длинны полы запинается,
По княженецкому двору да он валяется,
Не может он пойти в палаты белокаменны.
<...>

Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ах ты гой еси, Чурилушка да Плёнкович,
Сослужи-ко князю службу верную,
Сходи-тко ты да зазывальщиком,
Зови того казака Илью Муромца
А на мой ли княженецкий пир».
Тут Чурилушко скорым-скорёшенько
Одевается да снаряжается,
Одевал рубашечки-манишечки,
Надушился он да на помадился,
В дороженьку да он отправился.
Как идёт Чурило он по Киеву,
Завернул в переулоч Мариинский,
Со девицами да призабавился,
Позабыл про князя про Владимира.

А Владимир-князь да стольно-киевский
По палаты ходит, поджмается,
Он Илью с Чурилой дожидается;
День ко вечеру да двигается,
А Чурила с Ильей не возвращается. (80–134; 161–181)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

И он стал Владимир дума думати,
Ёму как-то надобно с Ильей помириться. (41–42)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Посылат-то он скорых гонцев в чисто поле:
«Вы скажите, вы мои, мои скоры гонци,
Шьчобы ведь Илью-ту звал Добрынюшка Никитиць млад —
Ай з Добрынюшкой у их сь Никитичем
Ай полóжона ведь заповедь великая:
Как которой-то из их да будёт гневатьце,
Будет гневатьце, которой будёт гнев держать,
Ай другому шьчобы уговорить бы так,
Одному шьчобы другого розговаривать».
Ай приходит эта вестоцька к Добрынюшки,
К Добрынёчки приходит во чисто полё... (I: 101–111)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Молодой Добрынюшка Микитинец
Ён скорешенько-то стал да на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапочку соболью на одно ушко... (71–74)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как пошел Добрыня Ильюшу уговаривать,
А идет Добрынюшка да думает:
«Если мне-то мне-ко-ва спереду зайти,
То спустит Илья в меня стрелоцьку калёную».

Вот зашел Добрынюшка сзади веть,
А пал Добрыня Ильюши на плечи на могуции:
«Здравствуй же, мой да крестовый брат,
Владимер-князь миня да за тобой послал».
Стал Добрыня Ильюшу уговаривать,
А говорил-то вить Ильюшенька:
«Ай же ты, да мой крестовый брат,
Знал же ты да откуль зайти:
Если зашел-то бы спереду —
То спустил бы в тебя стрелоцьку калёную!» (67–80)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ай Добрынюшка Никитиць скоро он зовёт ево:
«Ты поедём-ко, мой брателко крестовой ты,
Ты ко ласкову князю на поцесён пир;
Сам ведь всех велел собрать могуциих богатырей,
Пушше всех велел он звать да Илью Мурамця».
Говорит ёму Илья да всё таки речи:
«Ай спасибо князю все за приглашеньицё!
Я отказан уж от города от Киева,
От того я от пирú, пирú чёсно́го я,
Я ишше-то всё отказан от чиста поля.
У ёго есь-то там много бояр есь всех;
Ишше будут поправлятьце-то когды всё прí гори.
Я поеду во дáлече, далéче во чистó полé,
Уведу я всех могучих все богатырей...» (I: 112–125)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о малоем.
Да у нас-то с тобой было рáньше того,
А раньше того дело поделано:
А пописи были пописаный,
А заповеди да пополо́жоный,
А слушать-то брату да мёньшому,
А мёньшому слушать брата бóльшого.
Да еще-то как у нас да ёсте с тобóй
А слушать-то брату ведь бóльшому,

Ай бóльшому слушать брата мёньшого».
 Да тут гóворит Илья таково слово:
 «Ах ты братец да мой да был крестовый!
 Да как нунечку топеречку у нас с тобой
 А все-то пóписи да были ведь попíсаны,
 А заповеди были пополо́жены,
 А слушать-то брату ведь мёньшому,
 А мёньшому слушать да бóльшого,
 А бóльшому слушать брата мёньшого.
 Кабы не братец ты крестовый был,
 А нёкого бы я не послушал zde!
 Дак послушаю я братца нунь крестоваго,
 А крестоваго братца я названаго.
 А тот ли-то князь сто́льнё-киевской
 А знал-то послать меня кого позвать!
 Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
 Меня позвал туды да на почестной пир,
 Да я тебя, братец, же послушаю». (77–104)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

Вот слушай-ко ты, скажи ты солнышку князю
 сто́льнё-киеському...
 <...>
 Пусть как нынь по всем земля́м, по́ орда́м,
 По всем деревням, городам-то ведь
 Пусть соберет купцей ведь богатых,
 Поляницей да видь уда́льных,
 Соберет сильных могучиих богáтырей,
 А потом меня да на поестен пир,
 А как пусть-ко сделает, да позовет-то ведь!
 А по всем местам дома²⁴⁸ откроет ведь питейныи,
 А как то вино, пиво пьяноё делает
 А на трои на сутоцьки бесданно-беспощлинно.
 А если он не сделает по мо́ему топерь,
 А коли он не сделает по мо́ему,
 Тогда ён процарствует да вот до зáвтрая»
 Как Добрыня²⁴⁹ скоры́м-скоро́-на́скоро

²⁴⁸ У Г. М. Сидорова-Полевого — «дома-конторы».

²⁴⁹ У Г. М. Сидорова-Полевого — «а как он».

А приходит он во гридни да великии,
 Говорил да таковы слова:
 «Ай же ты, солнышко князь да стóльнѣ-киескóй...
 <...>
 А старой казак да Илья Муромець.
 Уж как он да приказывал по всим,
 По всим по дальниим по ордам,
 По тем по дальниим по всим городам пригородушкам
 Всех собрать на почестен пир
 А как всех сильных славных богáтырей
 И купцей да богатых.
 А если ты не соберешь богáтырей топерь
 Ди не сделаешь поцестной пир, —
 Да процарствуешь до завтрова». (434; 436–452; 454–463)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Я ведь буду-ту писать я ёрлычки всё скорописцята,
 Уж я буду отсылать теперь скорых гонцев,
 Я ведь буду-ту тепереце звать дорогá госьтя,
 Дорога-та я госьтя Илью Мурамця
 Со своима-ти с могуцима богáтырями;
 Напишу я ёрлыцки им скорописцята,
 Отошлю-ту я сёвodyне всё скорых гонцев,
 Розыскали-то шьчобы у мя да Илью Мурамця —
 Собирал шьчобы свою-ту он дружиночку хоробрую,
 Шьчобы руських-то могуцих всех богáтырей,
 И ко мне шьчобы приехали да пировать у мя,
 Пировать шьчобы у мя да прокладатисе,
 Собираю этот пир уж не на князей, не на ббярров,
 Собираю я на руських-то могуцих я,
 Шьчо на руських могучих на богáтырей:
 На Илью-ту собираю всё на Мурамця,
 Ай на всих-то на ёго я на товарьшшов». (I: 256–272)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

Вот скорым-скорó, скóро-наскóро
 Да как разослал по всем по городáм
 Да по дальным по сторонушкам

А по всим теперь по гóродам:
А пусть да съезжаютсе
А вси купчи-то богатыи,
Поляницы нынь удáлыи,
А как сильныи славныи богáтыри
А ко солнышку ко Владимиру на поцестен пир.
А ставили по приказу его да великому,
А открыли во всех местах конторы да питейныи
А бесданно-беспошлинно,
Чтобы попили вси да зеленó вино.
Кто не пьет зеленá вина, меды сладкии,
Тот пьет пива пýяныи. (464–478)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

Как прикатили тут купци да богáтыри,
Полённицы вси да удáлыи. (564–565)

Фёдор Александрович Корсаков, деревня Костино, Песчанская волость:

Говорит-то наш князь стольнё-киевской:
«Вы верныи мои да служители!
Не съезжайте-ко вы со Киева,
А живите-тко вы да по-старому,
Живите-тко по старому по-прежнему». (103–107)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

А как собралисе все да князья, богáтыри... (484)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Тут ведь скоро гончи, скоры́ послы наехали... (I: 273)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

Доложили ему да старому казаку да Илье Муромцю. (485)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Они звали Илью да низко кланелись.
Ише тут у Ильи-то отошло да ретивó серьчѣ;
Он ведь тут поехал веселѣхонек... (I: 274–276)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

А скомандовал сорок теперь друзей великих
А во лапотцах новолиповых:
«А как вы ступайте-тко за мной видь вси,
А как к солнышку пойдѣм-ко на поцѣстной пир²⁵⁰,
А как может быть вы не видали ведь полаты белокаменны,
А полаты белокаменны, царски комнаты,
А вы ступайте да не бойтѣсь-ко».
Вот приходит со всима голями кабацьками... (487–494)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ведь стрѣчат их тут князь на широкѣм двори
Со своей-то со кнегиной с Опраксѣй тут.
Говорит-то Илья, да Илья Мурамечь:
«Уж ты здрастуй-ко, ты красно моѣ солнышко,
Ише тот ли князь Владимир стольнѣ-киеськой,
Уж ты здрастуй, кнегина Опраксея Королевисьня!»
Говорил-то Владимир таковы речи:
«Уж ты здрастуй, здрастуй, атаман ты наш,
Ешше старая ли ты да всё стариньшина,
Да по имени Ильи да съвет ты Мурамечь,
Из очетесътва да ты Ивановиць!»
<...>
Он берѣт ѣго всё за праву руку,
Обнимат ево своей да руцькой правою,
Он челуѣт всё в уста ѣго в сахárнныя;
Он проводит во полаты княженеськия
Он ведь всих-то ѣго да всих товаришшов:
Ай Добрынюшку ведѣт да всё Никитича,
Ай Алѣшеньку ведѣт да всё Поповиця,
Он ведь всех ведѣт богáтырей да до единого... (I: 280–290; 298–305)

²⁵⁰ У Г. М. Сидорова-Полевого — «мы ко Владимир на поцестной пир».

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Тут Владимир-князь да стольнё-киевской
Со Опраксией да королевичной
Подошли-то они к старому казáке к Илье Муромцу,
Они брали-то за ручушки за белыи,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же, старыя казак ты, Илья Муромец!» (111–116)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Для тебя-то этот пир да собирайтце
За твою-ту за услугу богатырьскую,
Для твоих-то всё ведь тут да для товаришшов,
Для товаришшов збираю, для богатырей». (I: 316–319)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Твое мѣстечко было да ведь пониже всех,
Тóперь мѣстечко за столиком повыше всех!
Ты садись-ко да за столик за дубовый». (117–119)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Не садился он на место на большее,
Садился на место на среднее... (622–623)

Гаврила Матвеевич Сидоров-Полевой, Пудога:

А как все на пиру накушались,
А как все на перу напивалисе,
А как все на перу пьют, проклаждаютси,
И как пьют, не чают-от ведь. (502–505)

* * *

*Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска,
Нарьян-Марский район:*

Воротился Илья в стольный Киев-град.
Выбирал он себе, Илья, товарищев
Что по силе по своей, по своей ловкости:
Выбирал он Добрынюшку Никитича,
Выбирал он ведь Алешеньку Поповича,
Да семь братьев Сбродбвичей.
Поезжают они во чистó полё,
Они делают заставу богатырскую,
Стали жить да быть богатыри на заставушке. (238–246)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

Собрались тут русьские могучии богатыри,
Мало-помалу справляются,
Мало-помалу сподобляются.
Сподобляется Олешенька Попов-тот сын
Во дáлече далéче во чистó поле,
Седлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он пóтеси,
На потеси седельшко черкасское...
<...>
Подвязывал шелками муханьскими,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрепы богатырскойей.
Пряжки клал меди казанскойей,
Стремянки железа булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поедуци,
Одна курева стоит во чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.
Приехал Олеша во чисто поле
К тому дубу ко Невиду,
К тому кресту Леванидову,
К белому ко камению к Олатырю.
Раздернул ён свой бел шатер,

Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшены белояровой,
О шатёр поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил двадцати сажен.
На деревце повесил одну кисточку,
Одну кисточку повесил золоченую,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради признашки богатырскойей!
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Алеша во чистом поли,
На этой на за́ставы великойей.
Мало-помалу справляются,
Маль-помалу сподобляются.
Сподобляется Добрынюшка Микитинич
Во да́лече далече во чисто поле,
Седлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он потеси,
На потеси седельшко черкасское...
<...>

Подвязывал шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрепи богатырскойей.
Пряжки клал меди казанскойей,
Стремянки железа булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поедучи,
Одна курева стоит в чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.
Приезжает Добрыня во чисто поле
К тому дубу ко Невиду,
К тому кресту Леванидову,
К белому ко камению к Олатырю.
Роздернул ён свой бел шатер,
Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшены белояровой,
О шатёр поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил тридцати сажен;
На деревце повесил две кисточки,
Две кисточки повесил золоченыи,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрепи богатырскойей,

Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Добрыня во чистом поли,
На той ли на заставы великой.
Мало-помалу справляются,
Маль-помалу сподобляются.
Сподобляется старый казак Илья Муромец
Во далече далече во чистое поле,
Седлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он потеси,
На потеси седельшко черкасское...
<...>

Подвязывал шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрепы богатырской.
Пряжки клал меди казанской,
Стремянки железа булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чистое поле поедуци,
Одна курева стоит во чистом поли
От его копыт от лошадиных.
Приезжает Илья во чистое поле
К тому дубу ко Невиду,
К тому кресту Леванидову,
К белому ко камению к Олатырю.
Роздернул он свой бел шатер,
Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшены белояровой,
О шатер поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил сорока сажень,
На деревце повесил три кисточки,
Три кисточки повесил золоченных,
Не ради красы басы угожества,
Для ради пристрашки богатырской,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Илья Муромец во чистом поли,
На этой на заставы великой.
Мало-помалу справляются,
Мало-помалу сподобляются.
Собрались двенадцать богатырев

(122–130; 131–164; 166–198; 200–227)

*Тимофей Степанович Кузьмин, деревня Тельвиска,
Нарьян-Марский район*

Они делают заставу богатырскую,
Стали жить да быть богатыри на заставушке. (245–246)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Принимал-то Владимир их с цёсти, с радости...

<...>

Отовсюль он собирает-то всё богатырей.

Во первых познакомились Илья всё со Добрынюшкой.

Во вторых-то покрестовались со Олешенькой,

Да ишше с Дунаём сыном Ивановичем,

Да ише они с Цюрилушком со Плёнковичём,

Да ише же со Самсоном всё со Сильним-то;

Да ише-то Перетьсямяка тут со племянничком,

Ишше был с има Ванюша, всё боярской сын,

Ишше был с има Ванька, енеральской сын.

Ишше те же богатыря всё сильния

Записались всё в заповедь великую:

«Шьчобы стоять нам за князя за Владимира,

Шьчобы стоять нам за веру християнскую,

Шьчо за матушку Россию за православную,

Шьчо за землю-ту нам шьчобы Святоруськую».

(II: 135; 137–151)

Ише та-то старина да тем приконьцилась. (I: 320)

ИЛЬЯ И НАХВАЛЬЩИК

Источники текста

- Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень* (Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем: [Былина] № 368 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 353–360.).
- Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень* (Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 392 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 466–470.).
- Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район* (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 74 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 385–391.).
- Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень* (Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 364 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 327–332.).
- Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега* (Встреча Ильи Муромца с Добрыней, Святыгоркой и со своим сыном: [Былина] № 129 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 408–412.).
- Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшеле, Мезень* (Молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 346 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 218–224.).
- Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район* (Подсокольник: [Былина] № 11 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 163–173.).

- Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская, Усть-Цилемский район* (Про старого: [Былина] № 57 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 368–373.).
- Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район* (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 89 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 435–443.).
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* ([I] Илья Муромец и Ермак Тимофеевич: [Былина] № 20 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 106–114; [II] Илья Муромец и дочь его: [Былина] № 77 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 41–52.).
- Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма* (Застава богатырская [Илья Муромец и Сокольник]: [Былина] № 1 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 5–15.).
- Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма* (Бой Ильи Муромца с сыном: [Былина] № 6 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 37–41.).
- Влас Иванович Чекалев, село Верхняя Зимняя Золотица* (Илья Муромец на заставе: [Былина] № 98 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 462–464.).
- Шенкурский певец* (Илья Муромец: [Былина] № IV/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 46–52.).
- Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка, Усть-Цилемский район* (Недалеко от Киева: [Былина] № 87 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 480–485.).
- Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора* (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 79 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 402–409.).
- Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро* (Илья Муромец и сын его: [Былина] № 233 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 251–255.).
- Онежский певец* (Илья Муромец: [Былина] № IV/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 52–56.).

- Варлам Матвеевич Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район** ([Илья Муромец и сын]: [Былина] № 20 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 220–224.).
- Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря** (Бой Ильи Муромца с сыном: [Былина] № 4 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 53–57.).
- Семён Фёдорович Поздеев, деревня Малые Нисогоры, Лешуконский район** (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 92 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. — С. 455–459.).
- Алексей Ипатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район** (Про тура золота рога: [Былина] № 20 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 97–99.).
- Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень** (Наезд на богатырскую заставу и бой Подсокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 308 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 24–31.).
- Леонтий Тимофеевич Чупров и Анна Лукична Чупрова, деревня Боровская, Усть-Цилемский район** (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 89 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 443–449.).
- Павел Николаевич Поздеев, деревня Осколково, Нарьян-Марский район** (Про Илью и Соколика: [Былина] № 91 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 253–256.).
- Игнатий Терентьевич Марков, деревня Голубково, Нарьян-Марский район** (Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 73 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 381–385.).
- Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень** (Бой Ильи Муромца с Добрыней, неудавшаяся женитьба Алеши Поповича и рассказ Добрыни о своем бое со Змеем: [Былина] № 351 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 245–252.).
- Ульяна Егоровна Вопиашина, село Варзуга, Терский берег** (Бой Ильи Муромца с сыном: [Былина] № 206 // Беломорские старины

и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 594–597.).

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога (Илья Муромец и сын: [Былина] № 4 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 75–78.).

Кириша Данилов (Илья ездил с Добрынею [«Как из славнова города из Киева...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 189–192.).

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица (Камское побоище: [Былина] № 94 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 413–422.).

Певец из села Языкова Симбирского уезда (Илья Муромец: [Былина] № I/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 3–4.).

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А да ко тому было ко морю, морю синёму
 А ко синёму как морюшку Студёному,
 Ко тому было ко камешку-ту ко Латырю,
 А ко той как бабы да ко Златыгорки
 А к ней гулял-ходил удалой веть доброй молодець,
 А по имени старой казак Илья Муромець.

<...>

Он веть прижыл ей чадышко любимоё.
 Он задумал стары ехать во чисто полё;
 Он веть стал где Златыгорки наговарывать
 Наговарывать как крепко ей наказывать,
 Оставлял он веть ей ноньче свой чудён крес,
 Он ище оставлял с руки злачен перстень:
 «Уш ты ой еси, баба да всё Златыгорка!
 Если сын у тя родицьсе, отдай чудён крес(т);
 Если дочь у тя родицьсе, отдай злачен перстень!...»
 А поехал тут старой казак во чисто полё.
 Много-мало тому времени минуицьсе, —
 А от той-де от бабы от Златыгорки
 От ней рожаицэ молоденькой сокольницок. (1–6; 8–20)

Яков Тихонович Авдушев, деревня Азаполье, Мезень:

А родился у вдовы Борис королевиц²⁵¹ сын.
А ревьёт он, ревьёт да по-звериному,
А шыпит он, шыпит да по-змеиному,
А крычит он, крычит дак по-тотарьскому.
А начал ходить на улицу шырокую;
А шутки шутил дак не хорошыя:
А ухватит-де за руку, — рука уш прочь,
А ухватит-де за ногу, — нога уш прочь,
Посерёдки ухватит, — да жывота лишит.
Да ребята-ти звать стали сколотным.
Он приходит же да к своей матушки:
«Уш ты ой еси, мать моя родимая!
Ишше где же веть мой-от как батюшко?» —
«Да батюшко уехал да за синё морё
Да во тоё во славноё Чернигово». —
«А ты спусти-тко, спусти искать уш батюшка!» —
«А батюшка твоёго жывого нет!» (5–21)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он не по годам растёт сокольник — по часам:
Каковы-то люди в людях во сёмнацать лет,
А у нас был сокольницёк семи годов. (21–23)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Он замог, детинушка, конём владать,
Он немецким копейцом замог штурмовать,
Он здымать замог свою палицу буювую,
Хоть не тежолую палку — девеносто пуд. (5–8)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Ишше стало сокольнику двенаццэт лет... (24)

²⁵¹ У Я. Т. Авдушева — «одинакий».

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А-й да пригрело-припёкло тут красное солнышко;
А выходил тут сокольничёк на красно крыльцё,
А посмотрел он во дудоцьку подзорную
А на то же на по́солонь соньця красного. (6–9)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он зрить-смотреть стал в трубочку подзорную:
Во-первы-ти он смотрел нонь по чисту полю,
Во-фторы-ти он смотрел нонь по синю морю,
Во-третьи-ти он смотрел на соломя окатисто,
Во-последни он смотрел на стольне Киев-град.
Он задумал съездить взять веть крашен Киев-град.
Он веть стал просить у маменьки благословленьица:
«Уш ты дай мне-ка, мать, благословленьицё
Мне-ка съездить добру молоцьцю на чисто полё!»
А даёт ёму маменька благословленьицё,
А даёт ёму родима, наговариват... (26–36)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

«Уш ты ой еси, дитятко сердесьнёе!
Ты со всеми бейся, — не бейся с одним,
Которой на кони-то седит да сам шатайтесь,
И голова-та бела да приклоняйтесь,
И борода-та седа да роздвояйтесь...» (101–105)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«А пот старым-то конь был наубел он бел,
Хвост-от, грива у коня была черным-черна;
До того ты до старого не доежживай...» (41–43)

Степан Васильевич Рычков, деревня Тимшелье, Мезень:

«Не доедёш до ёго — да со коня слезай;
Не дошетши до ёго — да ниско кланяйся:
Он сильной-могучий-от богатырь-от!» (50–52)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А веть тут ето сокольнику за беду пришло,
За велику за досаду показалосе.
А снарежалсе тут сокольник в платьё в цветноё,
Одевал он на себя збрую богатырскую. (48–51)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

Надевал на сибя латы кольцожные,
Ише брал сибе луцёк да каляну стрелу,
А ише брал сибе сабельку тут вострую,
Ише брал сибе палощьку буёвую
А ише то же копейцё да брусоменьцятю... (29–33)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Выводил тут сокольничок добра коня;
Он седлал-уздал сокольничок добра коня:
Он на коничька накладывал сам потничьки,
Он на потнички накладывал всё войлучки,
Он на войлучки седёлышко черкальскойё
О двенаццэти потпруженьках шелковых-е,
Он тринаццату потпругу — церес хрибётну кость
Церес ту церес степь лошадиную.
Тут заскакивал сокольник на добра коня.
А не видели, сокольник как на коня скоцил,
Только видели, сокольник как в стремяна ступил;
А не видели поески богатырьское,
Только видели: во полошки курева стоит,
Курева где стоит — да дым столбом валит.
А тут выехал сокольник на чисто полё,
Он и стал по чисту полю розъежживать.
Он и ездит во поли, потешаицьсе,
Он тотарьскима утехами забавляицьса:
Он и свищот копьё своё по поднебесью,
Он и правой рукой бросит, левой потхватит;
Он веть сам ко копейцю приговарыват:
«Уш я коль лёкко владею нонь тобой, копьё,
Столь лёкко мне повладеть старым казаком!» (52–74)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А-й да Илеюшку я Муромьця конём стопьцю,
Уш я руських-то богатырей повысмотрю,
А на востру тут их сабельку повырублю,
А на белу их бумажецьку повыпишу,
Уш я Киев-от град да во полон возьму,
Уш я Божьи-то церкви да на огни сожгу,
А у князя у Владимира голову срублю,
А Опраксею-кнегину да за себя возьму!» (58–65)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Мимо едѣт крѣпку заставку великую. (51)

*Ермей Провович Чупров, деревня Аврамовская,
Усть-Цилемский район:*

Ай да не близко от города, не далѣко ж не,
Не далѣко от Киева — за двенаццэтъ вѣрст... (1–2)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

На горáх ли горáх ли да на юкатистых,
На крутых горах да на желтýх пескáх... (1–2)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

Ай, то стояла-ле русска-ле наша заставка. (4)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

На той московской на заставы,
На славной на Скат-горы высокоя... (I: 197–198)

*Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская,
Усть-Цилемский район:*

Там и жили на за́ставы буга́тыре. (3)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Да берегли-стерегли стольне Киев-град,
Да стольне Киев-град,
Да славной Киев-град,
Да стольнё-киевской. (6–9)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Кабы жили они да тут петнаццеть лет...
<...>
Не видали не конного, не пешого,
Не прохожого они тут, не проежжого,
Да не серой тут волк не прорыскивал,
Не ясен сокол не пролётывал,
Да не руськой богатырь не проежживал.
Кабы триццеть-то было богатырей со богатырём... (3; 5–10)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замезное (Замег), Пижма:

Але стар-то казак был на бóльшани... (3)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Атаманом-то — стар казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович...
<...>
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Олеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах...
<...>
Да и жил тут Васинька Игнатъевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,

Да и жил тут Пермь да сын Васильевич,
Да и жил тут Родивон да Превысокие,
Да и жил тут Микита да Преширокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроминькой... (11–12; 14–16; 18–23)

Влас Иванович Чекалев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да и жили тут²⁵² братьица Збродовици... (8)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Затем Пóтык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило блады Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата, два родимые,
Да Лука, да Матвей, дети Петровыя... (24–29)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Как ведь был Саксон да Колыбановых,
Как ведь было два брата да два Суздальця,
Как ведь был с имá мужик с ими Залешинен. (15–17)

Шенкурский певец:

Еще был у них Гришка Боярский сын... (7)

*Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка,
Усть-Цилемский район:*

Еще были²⁵³ два брата да Долгополых,
Долгополы два брата полонённые,
Как инá братья вся была схожея. (9–11)

²⁵² У В. И. Чекалева — «во-шестых-то были».

²⁵³ У Шенкурского певца — «во шестых».

Шенкурский певец:

Алеша Попович ездил в Киев-град,
Илья Муромец был в чистом поле,
Спал в белом шатре;
Добрыня Никитич ездил ко синю морю,
Ко синю морю ездил за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охоте стрелять гусей, лебедей.
Едет Добрыня из чиста поля,
В чистом поле увидел ископоть великую,
Ископоть велика — полпечи.
Учал он ископоть досматривать:
«Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския!»
<...>
«Мимо нашу заставу богатырь ехал!» (11–25; 31)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

«Проспали мы: Издолище поганое
Ездит по чистым полям по киевским». (52–53)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

На зачине-то было светла деницька,
На зори-то тут было да ноньце на утренной,
На восходе-то было да красна солнышка,
Тут ставаёт старой да Илья Муромець,
Илья Муромец ставаёт да сын Ивановиць,
Умывается он да ключевой водой,
Утираетсе он да белым полотном,
А ставаёт да он нонь перед Господом,
А молитсе он да Господу Богу... (30–38)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

А крест-от кладёт да по-писанному,
А поклон-от ведёт да как ведь водитсе,
А молитву творит полну Иусову... (39–41)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Да помолился Спасу он превышному,
Да Божьей Матушки да Богородицы. (27–28)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

Да на тот на тонкой да на белой шатёр
Налетела тут вран-от птица вещая.
Да и вран-от над шатром да ведь прокыркиват,
Да ставае Илья да славной Муромец:
<...>
«У нас что над шатром-то сучинилосе,
Не проехала ли поляница-га удалая,
Не подходит ли под коней у нас лютой зверь?» (6–9; 12–14)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Сам надёрнул сапожки на босу ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плечё,
Да пухов-де колпак да на одно ухо. (42–44)

Онежский певец:

Выдёргивал Илья Муромец трубку долговидную... (8)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да и зрел он, смотрел на вси стороны. (47)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Смотрел в сторону подзападную —
Под западной сторонешкой грязи черные, болота зыбучие;
Смотрел в сторонешку подглубничную —
Под глубничной сторонкой снежны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подсеверную —
Под северной сторонешкой стоят сини́ моря Вохлынские,
Стоят сини́ моря Вохлынские, Ледовитый океан.
Смотрел в сторонку подполúночну —
Тут стоят ледяны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подвосточную —
Под восточной сторонкой стоят горы превысокие,
Стоят горы превысокие, места претемные;
Смотрел в сторонку подобёдничную —
В подобёдничной сторонке стоят поля зеленые;
Смотрел в сторону теплую подлётную —
В подлётной сторонке стоит славный Киев-град... (33–48)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Да там белеют церкви да всё соборныя,
Да ищё слышно звоны колокольныя... (35–36)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Смотрел в сторонку подшелóнную —
Стоят леса темные, дремучие... (31–32)

Варлам Матвеевич Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район:

Из Волынь де города из Гáлици
Не темна-та туценька затуцилась,
А не синё облако накатаетси,
Как в копотí, в тумани знаменуется... (20–23)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит... (61)

Варлам Матвеевич Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район:

Не знать, конь-то бежит, не знать, молодёц идёт:
Только знать — побезжка лошадиная,
Как бы знать — поездка богатырская,
Конь-то бежит — голову высоко несёт. (24–27)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А не туман и ле там с моря поднимаетця,
А едет там ле удалой потешаетця... (35–36)

Онежский певец:

Под молодцем земля голыблитсе. (17)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А впереди-то бежат да ровно два как льва,
А позади ле тут бежат черны медведища... (37–38)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Да под конём змея да извиваетце,
Да у коня хвост трубами завиваетце,
Да из ушей у коня да дым столбом валит,
Да как из глаз у коня искры сыплотси,
Из ноздрей у коня да пламё мечетця. (45–49)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замезное (Замег), Пижма:

Под правой-то ногой дак бежит серой волк,
Под левой-то ногой дак молодой выжлок,
На правом-то плече сидит ясён сокол,
На левом-то плече сидит белой кречет... (20–23)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лещуконский район:*

Плечи была у его косая сажень,
Косая сажень да ведь печатная.
<...>
Да к им на за́ставу не провёртывал,
Проездивой дорожецьки не спрашивал... (56–57; 61–62)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную...
<...>
Да подверх богатырь стрелоцьку подстреливат,
Да и на пол он стрелоцьку не ураниват,
На полёте он стрелоцьку подхватыват. (69–71; 77–79)

*Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка,
Усть-Цилемский район:*

Он в руки её²⁵⁴ возьмет — пламё мечетца,
А вокруг-то повернет — искры сыплютцэ.
Кабы едёт собака да потешаетцэ:
На правом-то колёни держит гумажечку,
Он гумажечку держит да гербовой гист,
На левом-то колени держит чернильницу,
Во руках-то держит перо ёрлиное,
Не того же орла да сизокрылого,

²⁵⁴ У Н. С. Торопова — «в руки возьмет».

Да того ли орла́ сизокамьского,
А не тот был орёл — на лесу сидит,
А бы тот орёл — на корню сидит,
А гнездо-то он вьёт да на сёр камень...
<...>
Он бы пишет ёрлык да скорограмотку:
«Я поеду молодёць да в стольней Киев-град,
Я поеду молодёць да там поздороватьцэ». (39–50; 52–54)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Он и левою рукою нонь коня правит,
Правою рукою ярлыки пишёт,
Он разметыват по полю по чистому,
По тому ли раздолю по широкому. (47–50)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да подмётывал ерлык да скору грамотку
Да к тому же шатру да к белобархатному. (86–87)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замезное (Замег), Пижма:

Слезывал-то старой дак на сыру землю,
Он увидел ярлык дак скору грамоту,
Он взял-де ярлык да скору грамотку,
Заходил-то старой да во белой шатёр,
Говорил-то стар казак да Илья Муромець:
«Ой вы ой еси, дружинушка хоробрая!
Аш вам полно-ко спать, да пора ставать,
От великого сну да пробужатисе,
Он великой хмелины да просыпатисе». (26–34)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечастано:

“Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольнё Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я пецятны больши книги да во грези стопчу.
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгину да за себя возьму”». (89–98)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лещуконский район:*

«“Да малых детоцек тех конём стопцю...”» (113)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ишше тут-то Илья Муромец приужахнулса,
Приужахнулсэ, со страху прироздумалса:
«Мне кого бы послать-то во чистó полё,
Во чистó полё послать мне, попроведати?» (28–31)

Шенкурский певец:

Стали думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком? (33–34)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«У нас ехати Ивашку Долгополому, —
У нас то было дитятко едрёноё
А едрёно оно дитятко непроборноё, —
Понапрасно погубит свою буйну голову²⁵⁵». (88–91)

²⁵⁵ Реплика Ильи Муромца.

Шенкурский певец:

Положили на Ваську Долгополага.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Не ладно, ребяташки, полóжили;
У Васьки полы долгиа:
По земле ходит Васька — заплетается;
На бою — на драке заплетётся;
Погинёт Васька по-напрасному». (35–42)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«У нас ехать Олёшеньки Поповичю, —
У нас то было дитятко несильнёё,
Умом-раз(ум)ом дитятко заплыфьциво...» (92–94)

*Семён Фёдорович Поздеев, деревня Малые Нисогоры,
Лешуконский район:*

«Он²⁵⁶ силой да не силен, а напуском смел,
Погубит свою голову да не за денежку!» (24–25)

Шенкурский певец:

Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистом поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Не ладно, ребяташки, удумали;
Гришка рода боярскаго:
Боярские роды хвастливые;
На бою-драке призахвастается;
Погинёт Гришка по-напрасному». (43–52)

²⁵⁶ У С. Ф. Поздеева — «тот».

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:
«Да кого же нам послать нынь за богатырём?» (108–109)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Мне послать ведь разве Ваньку иниральского, —
Ениральцького роду пришол, нежного;
Утеряет-то в цистом поли буйну голову...» (35–37)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

«Как послать Саксона Калыбановых,
Да уж тот ведь родов-то всё соньливых,
Он ведь лёгет спать да нонь забудёт встать». (121–123)

Влас Иванович Чекалев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Он ведь силой-то силен, да неухватист был;
Через то он потерял свою буйну голову». (23–24)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Да послать нам Дуная сына Иванова, —
Да и тот, он ведь роду-ту запльвичива,
Заневид потерял свою буйну голову...
<...>
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка, —
Да и тот он ведь роду торопливого,
Потерееет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимыя,
Да Луку-де, Матвея, детей Петровицей, —
Да такого оне роду-то ведь вольнёго,
Они вольнёго роду-ту, смирёного,
Потеряют свои да буйны головы...» (113–115; 119–126)

Алексей Ипатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район:

«Послать в поле Василия Касемирова —
Василий Касемир да роду непочётного...
<...>
Послать нам Потанюшку Хроменького —
Потанюшка Хроменькой охоч с девчатами гулять...»
(62–63; 66–67)

Влас Иванович Чекалев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Он ведь силой-то силен, как в ногах хромой;
Через то он потерял свою буйну голову.
Да послать мне двух братийцей Збродовицей, —
Они силой-то сильни, сами забродятце...» (29–32)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«У нас ехать Добрыни сыну Микитичу, —
У нас то было дитятко едрёное
А едрёно было дитятко то вежливо
Было вежливо дитятко очесливо, —
Он и можот добра молощца принаехати,
Он и можот ёго да приобъехати,
Он и можот добру молощцю и цесь воздать!» (96–102)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да уцюло тут ведь ухо богатырскоё,
Да завидело око да молодецькоё, —
Да и стал тут Добрынюшка сряжатисе,
Да и стал тут Добрынюшка сподоблетисе:
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи чепей,
Да семи он чепей, да семи розъвезей... (133–139)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Надевал он где платьцё-то цветноё,
Надевал он на себя зброю богатырьскую. (105–106)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Говорит Добрыня таково́ слово́:
«Да уж едет ведь паленица уж ведь не мне цета́,
Да как не мне цета́ и не мне верста́,
Мне уж с им не супротивьтиси».
Как Добрыня стал да срежатися,
Стал срежатися да сподоблетися,
Надеват-то латы он булатныи,
На шею кольцугу позолочену.
Да он берёт-то палицю железную,
Да он берёт-то сабельку вострую,
Да он берёт копьё то бурзамецкое,
Да он берёт ножи́що да чинжали́що. (128–139)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А пошел тут Добрынюшка из бела шатра,
Выходил тут Добрыня из бела шатра,
Он седлал-уздал Добрынюшка добра коня,
А заскакивал Добрынюшка на добра коня,
Он поехал Добрыня во чисто полё.
Выежжал тут Добрынюшка на чисто полё... (107–112)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А еще бьёт ли он коня по тучным ребрам —
А под им карюшка рассержаетця,
А от земли от матушки ён отделяетця,
А скачёт и ли карюшка по семи как вёрст,
А высокие горушки перскакиват,
А мелки как речки промеж ног берёт. (79–84)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижда:

Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно: курива стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплотсе,
Из ноздрей у коня пламё мечетсе,
Да и сива-де грива да разстиляется,
Да и хвост-то трубой да завиваетсе. (154–161)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он наехал сокольника во чистом поли. (113)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

А сокольник в поле уж шатается,
Не знать кого он дожидается. (165–166)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он наехал ёго да приобъехал же... (114)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Заехал он к молощу спереди-де, з глаз.
А ишше слез-де Добрыня со добра коня,
Он снял-де шляпу дак земли греческой,
Он не малу, не велику — дак во сорок пудоф... (106–109)

*Семён Фёдорович Поздеев, деревня Малые Нисогоры,
Лешуконский район:*

Добрынюшка Никитич во правой руки черну шляпочку несет...
(39)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Он ниско молощу да поклоняицэ:
«Уш ты здрастуй, удаленькой доброй молодець!
Уш ты коёго города, коей земли?
Ишше коёго оцца-матери?
А куда же ты едёш да куда путь держыш?» (110–114)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Заревел-то Добрынюшка во второй након:
«Уж я верной богатырь, дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь».
А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Да и тут-де Добрынюшка ругатце стал:
«Уж ты гадина едёшь да перегадина!
Ты сорока ты лётишь да белобокая!
Да ворона ты лётишь да пустопёрая,
Пустопёра ворона да по загуменью!
Не воротишь на заставу каравульнюю —
Ты уж нас, молодцов, видно, нечем считаешь?..» (166–177)

Шенкурский певец:

«Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаману Добрыне Никитичу?
Есаулу Алёше в казну не кладёшь
На всю нашу братию наборную?»
Учёл нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попущал на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озёр вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал. (88–98)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Подломились у Добрынюшки ножки резвья,
Приупали у Добрынюшки руцьки белья,
Приудрогло у Добрынюшки ретивó серцо,
Помутились у его-то оци ясныя,
Прокатились у ёго жо горюци слёзы:
«Уж я сколько по цисту полю не ежживал,
Уж я эдакого богатыря не видывал». (67–73)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Снимал Добрыню²⁵⁷ со добра коня,
Во праву холку дал ему два отяпыща,
Во леву холку дал два оляпыща,
Посадил Добрыню²⁵⁸ на добра коня,
Стал Добрынюшке²⁵⁹ тогда он наказывать... (96–100)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

«А я заеду, удалый, в стольний Киев-град,
А Божьи как церкви да я всё под дым спущу,
А мелку как силу я под меч согну,
А князя Владимира — глаза выколю,
А княгиню Апраксию — за себя возьму,
А старшего казакá — старшим конюхо́м,
А тебя ле, Добрынюшу, — чашки-ложки мыть,
А Олёшеньку ли Поповица — подносицьком!» (110–117)

*Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская,
Усть-Цилемский район:*

«Поеждяй ты, Добрыня, во белой шатёр,
Да скажи от мене старичку низкой поклон,

²⁵⁷ У В. П. Тайбарейского — «Олёшку».

²⁵⁸ У В. П. Тайбарейского — «Олёшку».

²⁵⁹ У В. П. Тайбарейского — «Олёшиньки».

Да пускай вами, гавнами, не заменетца,
Самому ему со мной не поправитца». (86–89)

Шенкурский певец:

Добрыня Никитич млад
Господу Богу возмóлится
И мати Пресвятой Богородице:
«Унеси, Господи, от нахвальщика!»
Под Добрыней конь посправился, —
Уехал на заставу богатырскую. (99–104)

*Леонтий Тимофеевич Чупров и Анна Лукична Чупрова,
деревня Боровская, Усть-Цилемский район:*

А-де едёт Добрыня да не по-старому,
Его конь бежит да не по-прежнему,
А повеся дёржит Добрыня да буйну голову,
Потопя́ его да оци да ясные. (117–120)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

А Добрыня на коне чуть жив сидит.
<...>
Да приезжат Добрыня ко белу́ шатру́,
Да как встречают тут русские богатыри,
Да говорит тут стар да таково́ словó:
«Да ты гой еси, Добрыня Никитич млад,
Почему не привёз буйну голову на востро́м копье?»
Говорит Добрыня таковы́ словá:
«Уж едет паленица не мне чета,
Не мне чета и не мне верста...» (174; 179–186)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«Не моя цёта едёт и не мне родня...» (125)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

«Как уж мне ведь с ним не супротивитьця!» (187)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А тут-де старому за беду пришло,
За велику за досаду показалосе. (157–158)

*Семён Фёдорович Поздеев, деревня Малые Нисогоры,
Лешуконский район:*

У Ильи стара казака у Муромца
Сердце-то было богатырское... (61–62)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Могучи его плеча да расходилисе,
Ретиво его сердцё разгорещилосе,
Кабы ровно-неровно — бутго в котли кипит. (215–217)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Из глаз-то слёзы прокатилиси:
«Верно, некем мне, старому, заменитиси!» (190–191)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

Да говорит Илья да таково слово:
«Да и ой же Добрынюшка Микитин сын!
Да поезжай-ко к жене да к своей матери.
Да ты экой в товарищи мне большё не надобно». (36–39)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Недосуг Ильи коня учясывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцеть шолкóвых опружинок застёгивать;
Ише сам говорит да таковы речи:
«Ише мне-ка во чистом по́ли смерть не писана;
Я поеду з богатырем побратаюсь,
Я поеду с могучим поздороваюсь». (78–83)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Только видно, как старой нынь на коня скочил,
На коня он скочил, да в стремена ступил,
Да и прижнял он свой да нонь пухов колпак:
«Вы прощайте, дружинушка хоробрая!
Не успеете вы да штей котла сварить... (224–228)

*Леонтий Тимофеевич Чупров и Анна Лукична Чупрова,
деревня Боровская, Усть-Цилемский район:*

«Да привезу погану да буйну голову
На погáленьё вам, дак на покрóканьё». (140–141)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

И поезжае в сугон да за богатырём.
Еде ведь долог день еде до вечера,
Да и тёмну ночку до бела свету,
Да не может догнать богатыря во чистом поли.
И на другой день Илья да попускается,
И еде долог день еде до вечера,
Да и тёмну ночку до бела свету,
Да не может догнать богатыря во чистом поле.
Да на третий день же попускается,
Да догнал богатыря в чистом поли... (44–53)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он наехал сокольника на чистом поли.
 <...>
 Он наехал ёго и приобъехал же,
 Он и сам говорил стар таково слово:
 «Уш ты ой еси, удалой доброй моодець!
 Не застрелил ясна сокола — теребиш же;
 Не убил добра молоцца — ездиш-хвастаёш!» (167; 185–189)

*Павел Николаевич Поздеев, деревня Осколково,
 Нарьян-Марский район:*

А соколик с им не разговариват,
 Он челом не бьет, головы не гнет. (63–64)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

А богатырь-то ездит, забавляйтцё
 Он как детским-а боярским-а забавами;
 Ишше сам-то он палици приговариват:
 «Приклоню-ту свою палицу тяжолоую,
 Приклоню-ту я тибя прямо на красён Киев-град,
 Как на матушку тибя, да каменну Москву».
 Ишше те слова ведь старому²⁶⁰ старыньшины
 За беду-то ёму стали за великую...
 <...>
 Он ударил своей-то ведь палицёй тяжолоую,
 Он ударил богатырю по буйнóй головы.
 Как богатырь сидит, сидит не думает,
 Он не думает сидит-то, сам не обёрнитце,
 Не обёрнитце сидит, да не зглёнёт же.
 Ишше тут ведь Илья да призадумалсэ:
 «Разве силушка у мня уж не по-прежнему,
 Не по-прежнему сила, не по-старому?»
 <...>
 Да тогда-то богатырь усмехнулса-то.
 Тут не лютоё зёлъе разгорелосе,
 Богатырьско-то серцё роскипелосе... (86–93; 95–102; 115–117)

²⁶⁰ У А. М. Крюковой — «ведь старой ведь».

*Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская,
Усть-Цилемский район:*

Заревел тогда стырѳой да во вторѳой након:
«Ах ты летиш, ворѳна да пустопѳрая,
Ах ты летиш, сорока загумѳенныя!
<...>
Ай неужели нас, богѳтырей, ничем зовѳш?» (128–130; 126)

Шенкурский певец:

Услышал вор-нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добрѳ коня... (152–153)

Ирина Денисовна Калитина, Суетин-остров, Свиное озеро:

И говорит-де богатырь таково слово:
«Да и чорт тебе старому псу надобно,
Да и старому да пушай мертвому!» (97–99)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Говорит сокольник таково слово:
«Мы таперь со старым съехались,
По добру нам будет не разъехаться». (242–245)

Кириша Данилов:

А навтапоры Збут-королевич млад
И отвязывал стремя вожья выжлока,
Со руки опускает ясна сокола,
А сам ли-та выжлуку наказывает:
«А теперь мне не до тебе пришло,
А и ты бегай, выжлок, по темным лесам
И корми ты свою буйну голову!» (34–40)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«А уш ты ой еси, мой да млад есён сокол!
Уш ты ой еси, мой да млады бел кречят!
Полетите-ко теперь во темны леса, —
А тепере мне-ка не до вас стало!» (175–178)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

«Ты пойдн-ко, Змея, ко синю морю,
Да там ищи хозяина поласковой,
Да как поласковой да поприятливей». (250–252)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Побежите, полетите вы нынь проць от меня,
Вы ищите сибе хозяина поласкове,
Со старым нам съездяться — да нам не брататься...» (259–261)

*Леонтий Тимофеевич Чупров и Анна Лукична Чупрова,
деревня Боровская, Усть-Цилемский район:*

«Со старым-то съехатце, дак не с родным отцом,
Со старым-то съехатце, дак дело да под молитвою,
Дело под молитвою, да чья Божья помочь». (156–158)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Заревел тут сокольник по-звериному,
Засвистел тут сокольник по-соловьёму,
Зашипел тут сокольник по-змеиному:
Тут и матушка сыра земля потряхаласе,
А сыры-ти тут дубы погибалисе
А вёршиной за комель заплёталисе,
А сухи-ти веть дубы поломалисе... (168–174)

Кириша Данилов:

И наехал Збут-королевич млад,
Напускается он на старова,
На стара казака Илью Муромца,
И стреляет Илью во белы груди,
Во белы груди из туга лука.
Угодил Илью он во белу грудь... (47–52)

Шенкурский певец:

Илья Муромец не удрóбился.
Съехался Илья с нахвальщиком... (155–156)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А не золото з золотом сливалось,
А не серебро з серебром стекалось,
А не две-де горы вместях сокаталось... (148–150)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А не две тут грозных тучи сокаталось, —
А два сильних богатыря соеждалось.
Они съехались на сабельки-ти вострыя, —
У их востры-ти сабли пощорбалисе:
Они тем боём друг друга не ранили.
Они съехались на копыя брусаменьчяты, —
По насадочькам копыя повертелисе:
Они тем боём друг друга не ранили.
Они съехались на палици боёвыя, —
А боёвы у их палици поломалисе... (190–199)

*Игнатий Терентьевич Марков, деревня Голубково,
Нарьян-Марский район:*

Палки в руках загорелися,
Никоей никоего не ранили,
Не ранили, не окровавили. (91–93)

Василий Петрович Аникиев, деревня Кузьмин Городок, Мезень:

Они сцепилисе цепями-то железными, —
Некоторой некоторого перетянуть не могли. (25–26)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Как ударил стар казак да сокольничка —
Тут ведь вышиб его из седёлышка;
А скакали тут ёни да на сыру землю,
Как хватались они дратця в рукопашную,
Они бились как, дрались да двои сутоцьки.
Как каки-то-ле тяжки грехи попутали... (66–71)

*Еремей Провович Чупров, деревня Аврамовская,
Усть-Цилемский район:*

А похвальнѐе слово старóго спутало... (145)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Как права нога стара казака да окатилосе,
Да лева его нога да подломилосе. (72–73)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А тут падал-де старой казак на сыру землю.
А заскакивал сокольник на белы груди;
Он не спрашивал не имени, не вотчины,
Не отечества не спрашывал, не молодчества, (211–214)

*Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская,
Лешуконский район:*

А рвал его латы-пáнзыри... (224)

Шенкурский певец:

Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову.
Еще стал нахвальщина наговаривать:
«Старый ты старик, старый, матёрый!
Зачем ты еддишь на чистó поле?
Будто некем тебе, старику, заменитися?
Ты поставил бы себе келейку
При той путё — при дороженьке;
Сбирал бы ты, старик, во келейку;
Тут бы, старик, сыт-питанён был...» (174—184)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«Ише стали бы тя старого поить-кормить!» (186)

Шенкурский певец:

Лежит Илья под богатырём.
Говорит Илья таково слово:
«Да не ладно у святых отцёв написано,
Не ладно у апостолов удумано;
Написано было у святых отцёв,
Удумано было у апостолов:
“Не бывать Илье в чистом поле убитому”;
А теперь Илья под богатырём!» (185—192)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

Он вымал-то чинжалище булатен нож,
Он хотел-то пороть да груди белыя, —
В заведи его рука да застоялосе;
Замахнулса сокольник да во второй након —
Да в локтю его рука да застоялося.
Тут змолилса старой дак Господу Богу... (75—80)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

А змолился тут старой казак Илья Муромець:
«Уш ты ой еси, Спас да Многомилослиф,
Пресвята Мати Божья, Богородичя!» (221–223)

*Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка,
Усть-Цилемский район:*

«А стоел я за веру за Христовую...» (138)

*Игнатий Терентьевич Марков, деревня Голубково,
Нарьян-Марский район:*

«И за дом Божьей Матери...» (115)

*Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка,
Усть-Цилемский район:*

«Я держалса того Креста распятого...» (139)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

«Я стоял ноньце за церкви православныя,
Я стоял ле за иконы за цюдныя...» (83–84)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А за тех я за вдов за благоверные...» (192)

Анкудин Ефимович Осташов, село Замежное (Замег), Пижма:

«Ты повыдала поганому Едолищу». (85)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Вдруг не ветру полоска да перепахнула, —
Вдвое-втрёе у старого да силы прибыло... (301–302)

Варлам Матвеевич Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район:

Не живая рыба встрёпескаласи, —
Тут-то стар да возъерилса он... (129–130)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он смахнул-свёрнул сокольника со белых грудей... (235)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ишше ма́стёр Илья-то да был боротисе;
Подкорю́жил бога́тыря правой ножо́чкой;
Ище пал-то бога́тырь на сыру землю,
Мать сыра земля-то потрясаласе. (126–129)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он заскакивал сокольнику на белы груди.
Он и сам говорил да таково слово:
«Уш ты ой еси, удалой доброй молодець!
А которого ты города, коей земли?
А которого оцця, которой матери?
Тибя как, молодець, именём зовут,
Тибя как величают по отечесъству?»
Отвечат тут удалой доброй молодець:
«Уш ты ой еси, старая старэльшына!
Я когда был у тибя веть на белых грудях, —
Я не имени, не вотчины не спрашывал,
Не отечества не спрашывал, не молодецъсва:
Вынимал из-за налучья свой вострой нож,
Я хотел у тя пороть да груди белыя,
Я хотел у тя смотреть веть ретиво серьцо».
Говорит ёму старой казак во фторой рас:

«Скажи, молодець, как ты именём зовут!»
Отвечал ёму удаленькой доброй молодець:
«Когда был я у тебя веть на белых грудях, —
Я не спрашивал не имени, не вотчины,
Я хотел твои пороть веть груди белыя». (236–256)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Тут у старого казáка Ильи Муромца
Розгорелось ёго сердце богатырское... (II: 255–256)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нишнепечорский район:*

Завернулса ему он на черны груди,
Разрывал он его латы-панзыри
И те же кольчуги золоченые,
Тогда вынимал он из кинжалишща булатной нож,
Еще хочет он пороть груди черные,
Мешать он собаки кровь со печенью... (183–188)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ен еще занес да руку правую,
Ай здыну́л-то ручку выше го́ловы,
А спустить хотел ён ниже пояса.
По Господнему тут по велению
Права ручушка в плечи-то остоялася,
В ясных очушках-то помутился свет. (II: 257–262)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А увидял-де Илейка свой старинной крест, —
А брал молоцца да за белы руки,
Подымал молоцца да на резвы ноги,
Ишше стал у молоцца да всё выпрашивать:
«А которого ты города, коей земли?
А какого оцьця, какой ты матери?
А как тибя, молодець, именём зовут?» (201–207)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Отвечал тут малоденькой сокольничок... (260)

Ульяна Егоровна Вопияшина, село Варзуга, Терский берег Белого моря:

«Я от батюшка синя моря, от камешка...» (150)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

«От того же я от моря, моря синёго,
От синёго я морюшка Студёного,
От того я веть от камешка-га Латыря...» (261–263)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Я той бабы да от Латы́ници,
От тоёй я поляници от уда́лой». (141–142)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Да котора живёт во земли неверныя,
Получает она пошлину великую
Как с того ли со князя-то со Владимира
Шьто за ти ли за чёрны-ти его кáраблї;
А миня она послала всё на святую Русь,
На святую миня Русь-ту, всё в каменнú Москву
Отыскать тибя, старого седатого;
Не дошод, она велела всё низко кланитцё...» (151–158)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«А меня ведь называют заугóлышем,
Заугóлынием да подугóлышем.
А не могу я славушки той слышати, —
А не видал отца я рóдного,
А какой не знаю отец-то был». (143–147)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Он ведь свой ведь увидел всё именной перстень
Он со той ли со 'тавоцькой драгоценною,
Он ведь брал-то его да за праву́ руку,
Человал он его в уста сахарныя:
«Как моё ты, моё цядо милоё,
Цядо милоё моё ты, всё любимое...» (162–167)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Ты дитя ле моё, дитя моё сердечной!
Да съезжались с твоей да мы ведь матерью,
Да на том же мы ведь на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились, —
Сотворили мы с ей любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили...» (344–351)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

«Лета твои да ишше млады есь;
И когда ты будешь веть да тритцати годоф, —
И тогда поедёш воевать везде
И за святую ты Русь да стоеть правдою;
Тогда тебе здам да латы золоты,
И отдам свою саблю вострую,
Отдам я тебе коня стоялого,
Которой уносит мя конь от туци грозное,
И уносит мя конь от пули свиньцовое,
И уносит мой конь от силы богатырьское,
И уносит мой конь от сабли вострое;
И здам я тебе да Крест Царя небесного;
Воевать ты веть будёш храбрым богатырём!» (117–129)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Да не будёт тебе у нас поединщиков». (355)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Тут скакали молощцы на добрых коней,
А поехали они тут ко белым шатрам.
А приехали они ко белым шатрам,
Сходили молощцы тут во белой шатёр,
Они пили во белом шатри трои суточки. (272–276)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А говорил тут сокольник²⁶¹ таково слово:
«А и ты, Ильюша ты Муромец!
Ты спусти ты меня на родину,
Ко своей ли мамушки престарой,
А я спрошу у своей мамушки,
А расспрошу, ей поведаю!» (283–288)

Кириша Данилов:

И заплакал Илья Муромец Иванович:
«Поезжай ты, Збут Борис-королевич млад,
Поезжай ты ко своей, ты ко своей сударыни матушки». (77–79а)

*Николай Самсонович Торопов, деревня Климовка,
Усть-Цилемский район:*

«Ты поедь-ко, удалой да доброй молодець,
Привези матушку родимую,
Окрестим-приведём в веру Христовую...» (181–183)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Посадил его на добра коня,
А он уж не может и конём владать.
Вот они тут и розъехались.

²⁶¹ У Я. Е. Гольчикова — «Подсокольник».

Сокольник поехал ко синю морю,
 А старый казак ко заставе²⁶².
 Приезжал старый на заставу²⁶³ ... (347–352)

Влас Иванович Чекалев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ише сам он говорил им таковы речи:
 «Уж вы вой еси, дружиночка хоробрая!
 Розъезжайтесь вы, дружиночка, по своим местам,
 По своим-то местам да ко своим домам.
 Ише полно вам стоять заставушкой великою!»
 Да розъехались богатыри по своим местам,
 По своим местам, по своим домам. (117–123)

Тимофей Семёнович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

И поехал тогда Илеюшка в стольный Киев-град:
 «Надо, надо мне-ка покаяться,
 Надо, надо мне с души грехи снести,
 Может статься — убьют меня».
 Покаялся Илейко, распростился с князем и с княгинею...
 <...>
 Распростился со богатырями.
 Как сказал Илейко таково слово:
 «Коли убьют меня, — схороните во матушку во сыру землю».
 (198–202; 204–206)

Певец из села Языкова Симбирского уезда:

Выезжал Илья на высок бугор,
 На высок бугор на раскатистый,
 Расставлял шатёр — полы белыя;
 Расставя шатёр, стал огонь сечи;
 Высечá огонь, стал раскладывать;
 Разложá огонь, стал кашу варить;
 Сваря кашу, стал расхлёбывать;

²⁶² У М. Г. Антонова — «ко белú шатру».

²⁶³ У М. Г. Антонова — «во белой шатёр».

Расхлебав кашу, стал почив держать.
Богатырский сон на двенадцать дён,
На двенадцать дён, на двое суточки. (12–21)

Иван Алексеевич Чунов, деревня Кильца, Мезень:

А поехал тут сокольник во чисто полё
Ко тому же он ко морюшку ко синёму,
Ко своей он к родимой-то ко матушки. (277–279)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

На кони он сидел, да пороздумался²⁶⁴:
«Хоть-то съездил я²⁶⁵ на славну на святую Русь,
Так и нажил я²⁶⁶ себе посмех великии:
Этот славный богатырь святорусьский
Ай он назвал тую мою матку блядкою,
Мёне назвал выблядком». (II: 308–313)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

«Я приеду домой, да що мне делати?
Ишша звать-то меня будут сколо́тышом,
И звелицять-то меня да будут выблетком...» (132–134)

Трофим Григорьевич Рябинин, Киж, Заонежье:

«Не спущу этóй посмешки на святую Русь,
На святую Русь да и на белый свет». (II: 316–317)

Кириша Данилов:

И приехал тут Збут-королевич млад
К тому царю задонскому... (83–84)

²⁶⁴ У Т. Г. Рябининой — «на кони она сидела, пороздумалась».

²⁶⁵ У Т. Г. Рябининой — «хоть-то съездила».

²⁶⁶ У Т. Г. Рябининой — «так я нажила».

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да и едет сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высокоу терему,
Да встретят его матушка родимая.
«Уж ты цядо ле, цядо мое милоё!
Уж дитя ты моё, дитя сердечнёе!
Уж ты што же нынъ едешь да не по-старому?
Да и конь-то бежит не по-прежнему?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
Потопя ты доржишь да оци ясныя,
Потопя ты их дёржишь да в мать сыру землю».
Говорит-то сокольник да таковы речи... (357–367)

Кириша Данилов:

«А и гой еси, сударыня-матушка!
Ездил я, Збут-королевич млад,
Ко великому князю Владимиру
На ево потешных лугах...» (87–90)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Уж я видел стару коровушку базыкову,
Он тебя зовёт блядкой, меня — выbledком». (369–370)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Да скажи-ко мне-ка, мать, правду-исътяну,
Королевич ли я, ли Борис младой Ильевич?» (476–477)

Кириша Данилов:

Еще втапоры его матушка
Тово королевича²⁶⁷ задонскова
Разилася о сыру землю

²⁶⁷ У Кириши Данилова — «короля».

И не может во слезах слово молвити:
«Гой еси ты, Збут Борис-королевич млад!» (96–100)

Онежский певец:

«Как я тоби, вить, наказывала:
“Бейсе во цистом полй со всёкима,
Да не бейсе, бърте, со старыма,
Да не бейсе-ко с угрюмыма,
Не бейсе со стариками невесёлыма”». (112–116)

Кириша Данилов:

«Почто ты напушался на старова?
Не надо бы тебе с ним драться,
Надо бы съехаться в чистом поле
И надо бы тебе ему поклониться
А праву руку до сырой земли...» (101–105)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Ишше ты ведь как, дитя, Борис не королевичь сын:
Ай когда же я была зполонёна,
Приехал де восударь тогды Илья Муромец;
Ай миня-то ведь как он отполанивал...» (479–482)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«Не пустым-де старой да похваляется —
Да съезжались мы с им да на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы с им любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, цядо, тебя прижили». (372–378)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Ише ты ведь как Борис теперь младой Ильевич».
Да Борисушку как речи эти да не в любви пришли... (485–486)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

А и тут-де сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалосе... (379–380)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А схватил сокольник²⁶⁸ да ноне вострѡ копьѣ,
А притиснул ноне мати белы груды,
А придавил матушку ко сырѡй землѣ —
А взвилась мати под востры́м копьѣм,
А кровь горячая у её да побежала же,
А говорила мати таковы́ слова:
«А какову я крови чашу пью — и тебе такову́ же пить!»
Заколел он мати скоро-на́скоро... (301–308)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ише сам-то собака похваляйтцѣ:
«Уходил-то теперецѣ рѡдну матушку;
Как теперецѣ мне будѣт воля вольная.
Заполоню-ту все я руськия чѣрны кáрабли,
Изберу-ту, изымаю со караблей мно́гих людей...» (220–224)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

У поганого серыцѣ-то заплывчиво,
Да заплывцево серыцѣ-то, разрывчиво,
Да подумал он думу да промежду собой... (385–387)

²⁶⁸ У Я. Е. Гольчикова — «Подсокольник».

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Разышшу-то тогда жа Илью Мурамця...» (225)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

«...Он спит нынь с устатку да нонь с великого». (391)

Дарья Григорьевна Кобелева, деревня Курга, Пинега:

И осенила его да дума черная,
И одолила его да смерть великая:
«И воротюсь назат да я сколю его,
И одену его платьё да богатырьскоё,
Я возьму веть его да саблю вострую, —
Уш я буду веть ёздить за богатыря!» (136–141)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Как пришло-то об ону по́ру, прикатилосе,
Уж и сотня цёрнёных-то пришло кáраблей;
Захватил-то он, вси-то зáбрал-то,
Заполонил он народу всего да православного. (227–230)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да поехал сокольник в стольнё Киев-град,
Не пиваючись он, да не едаючись,
Не сыпал-де он нынеце плотного сну,
Да розорвана лата нынь булатная,
Да цветно его платьё да всё истрёпано.
Приворачивал он на заставу каравульнюю,
Некого тут на заставы не случилось,
Не случилось-де нынь, не пригодилося... (392–399)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

А русские богатыри уехали... (353)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да и спит-то один старой во белом шатру,
Да храпит-то старой, как порог шумит;
Да соскакивал сокольник да со добра коня,
Да заскакивал сокольник да нынь во бёл-шатёр... (400–403)

Певец из села Языкова Симбирского уезда:

Он взошёл в шатёр, сам дивуется:
«Еще быть это Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Соннаго мне убить — не честь не хвала,
А разбудить его — не сладити». (24–28)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да хватал он копейцё да бурзومهцькое... (404)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он кинал ёго старому во белы́ груди. (292)

Певец из села Языкова Симбирского уезда:

Он не попал, злодей, во белую грудь,
Он попал, злодей, в чуден зóлот крест... (30–31)

*Леонтий Тимофеевич Чупров и Анна Лукична Чупрова,
деревня Боровская, Усть-Цилемский район:*

А-де у старóго на груди да зóлот²⁶⁹ чудный крест,
Из-под креста старóго да кровь ведь брызнула. (225–226)

Певец из села Языкова Симбирского уезда:

От креста копьё загибалося.
Ото сна Илья пробуждается,
Злу татарченку издивляется:
«Еще что это... за татарченок!» (32–35)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Он выскакивал стары казак из бела шатра,
Он хватал где сокольника за чесны кудри,
Он метал ёго над вышину небесную,
Он мётал где сокольника — не потхватывал.
Тут и падал сокольник на сыру землю... (295–299)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да и тут-де сокольнику смерть случилосе... (415)

Иван Алексеевич Чупов, деревня Кильца, Мезень:

Да и тут-де сокольнику славы поют,
А славы поют сокольнику — старины поют. (300–301)

²⁶⁹ У Л. Т. Чупрова и А. Л. Чупровой — «медный».

КАЛИН-ЦАРЬ

Источники текста

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 3-а // Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. — С. 92–95.).

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень (ЗаклЮчение оклеветанного Ильи Муромца в погреб и спасение им Киева от Кудреванища-царя: [Былина] № 402 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 505–512.).

Елена Григорьевна Мяндина, деревня Среднее Бугаево, Усть-Цилемский район (Илья Муромец: [Былина] № 11 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 75–80.).

Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 102 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 487–491.).

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма (Илья Муромец в опале: [Былина] № 2 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 16–21.).

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица (Камское побоище: [Былина] № 94 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 413–422.).

Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район (Илья Муромец: [Былина] № 1 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 47–52.).

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост (Илья Муромец в соре с князем Владимиром [Илья Муромец и Калин-царь]: [Былина] № 1 // Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. — Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1948. — С. 40–55.)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 57 // Онежские былины, записанные

- Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 424—433.).
- Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря* ([I] Илья Муромец и Калин: [Былина] № 2 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 41—47; [II] Илья Муромец и Бадан [Батый]: [Былина] № 3 // Там же. С. 47—52.).
- Егор Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район* ([Илья Муромец и Калин-царь]: [Былина] № 143 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 571—574.).
- Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район* ([Илья Муромец и Калин-царь]: [Былина] № 131 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 539—542.).
- Иван Михайлович Кропачев (Лядков), деревня Мамоново, Кенозеро* (Илья Муромец и голи кабацкие: [Былина] № 257 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 325—330.).
- Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости* (Илья Муромец и царь Калин: [Былина] № 9 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 30—34.).
- Николай Михайлович Швецов, деревня Ормы, Моша* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 304 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 489—498.).
- Алексей Ипатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район* (Про тура золота рога: [Былина] № 20 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 97—99.).
- Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье* ([I] Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 20 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 106—114; [II] Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 75 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 19—38.).
- Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское, Нижнепечорский район* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 101 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 484—487.).

- Алексей Сергеевич Дуркин, деревня Уег, Усть-Цилемский район* (Про тура [Илья Муромец и Скурлат-царь]: [Былина] № 21 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 99–101.).
- Фёдор Захаров, Выгозеро* (Василий Игнатъевич и Батыга: [Былина] № 181 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 650–654.).
- Илья Андреевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень* (Васька-пьяница и Кудреванко-царь: [Былина] № 337 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 159–165.).
- Анна Денисовна Осташова, деревня Боровая, Пижма* (Василий Игнатъев: [Былина] № 18 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 69–76.).
- Авдотья Андреевна Шишолова, деревня Верхнее Бугаево, Усть-Цилемский район* (Два тура: [Былина] № 15 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 90–91.).
- Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район* (Про татарское нашествие: [Былина] № 12 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 173–181.).
- Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд* (Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 19 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 97–106.).
- Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 69 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 525–541.).
- Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора* (Маево побоище: [Былина] № 26 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 132–142.).
- Татьяна Ивановна Поздеева, деревня Роцинский Ручей, Усть-Цилемский район* ([Туры и турица]: [Былина] № 50 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 157.).

- Казак Дьяков, Бухтарма* (Илья Муромец и Каин: [Былина] № 12 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 48–52.).
- Кириша Данилов* (Калин-царь [«Да из орды, Золотой земли...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 129–134.).
- Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень* (Камское побоище [Илья Муромец и Калин-царь]: [Былина] № 415 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 561–570.).
- Архангельский певец* (Илья Муромец: [Былина] № 6 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 4. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 38–46.).
- Максим Васильевич Семенов, деревня Белощелье, Лешуконский район* (Кудреванишо: [Былина] № 33 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 257–263.).
- Павел Абросимович Логинов, деревня Мелентьевская, Пудога* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 38 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 203–208.).
- Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры, Лешуконский район* ([Илья Муромец и Кудреванко]: [Былина] № 44 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 309–315.).
- Григорий Васильевич Поздеев, деревня Роцинский Ручей, Усть-Цилемский район* ([Илья Муромец и Скурлык]: [Былина] № 86 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 475–477.).
- Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега* (Илья Муромец и Калин-царь // [Озаровская О. Э.] Бабушкины старины. — Петроград : Огни, 1916. — С. 27–37.).
- Степан Ильич Максимов, деревня Няматовская, Кенозеро* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 296 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 454–462.).
- Мезенский певец* (Илья Муромец и Мамай: [Былина] № 8 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 22–30.).
- Анна Васильевна Бронникова, деревня Нижняя Зимняя Золотица* ([Камское побоище]: [Былина] № 143 // Былины Печоры

- и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 461–462.).
- Андрей Васильевич Сарафанов, Кижь, Заонежье* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 105 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 238–244.).
- Василий Петрович Щеголенок, Кижь, Заонежье* (Илья Муромец: [Былина] № 3 // [Барсов Е. В.] Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. — СПб. : Тип. Майкова, 1873. — С. 34–39.).
- Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 138 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 386–396.).
- Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость* (Илья Муромец и Каин: [Былина] № 11 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 38–48.).
- Сузунский певец* (Илья Муромец: [Былина] № IV/3 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 56–58.).
- Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица* (Про царя Кудрянка: [Былина] № 97 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 281–284.).
- Козьма Романов, деревня Логмасы, Петрозаводский уезд* (Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 21 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 114–118.).
- Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога* (Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 5 // Онежские былины. — М. : Государственный литературный музей, 1948. — С. 79–85.).
- Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица* (Камское побоище: [Былина] № 81 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 357–364.).
- Степан Григорьевич Шуваев, деревня Нижа, Долгощельская волость* (Камское побоище: [Былина] № 303 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 473–480.).

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря).

Ай во славном было горади во Киеви,
Там ведь жил-был старая старыньшина да Илья Мурамець.
Илья Мурамець был да сын Ивановиць. (1: 1–2)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как у князя-то у Владимира
А ведь жил-то Ильюшенька да ровно десять лет.
Как стали к князю-то Владимиру
А стали веть людишки подхаживать. (1–4)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

И как слуги-ти были подмутчивы. (24)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Стали князю Владимиру да наговаривать:
«Как Илья Муромец да сын Ивановиць,
Как ён с сильныма могуцьма богатырьми.
Хоцут брать себе да княжество». (5–8)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

И говорил же тут князь да стольнекиевской:
«Как перву-ту вину и Бог простит».
<...>
Как у ласкова князя да у Владимира
Заводилось пированьицо-стол, поцесьён пир.
Они все были на пир у их собраны:
И как сильни-могуция богатыри,
Как все паленици да преудалыя,
Ище все же купци-гости торговыя,
Ище все же хресьянушка прожытосьни.
Они все на пиру да напивалисе,
Они все на цесном да наедалисе.
И где-ка пили, где ели, да тут и спать легли.

Напивалсэ Илеюшка тут допьяна,
 Наедалсэ Илеюшка досыта.
 Он выходит на сѣряду кирьписьную,
 И он ходит по сѣряды кирьписьнее;
 Он сапок во сапок да поколачиват,
 Он скопка во скопку нашалкиват,
 Ище белыма руками намахиват,
 Злоцяныма перснями да он нашалкиват;
 Он сам из рецей да выговарыват:
 «Волоцю я, толоцю шубу собольнею, —
 Ишше так я волоцить буду царища Калина²⁷⁰
 Как за те его за волосы за долгия,
 Я за долгия волосы за цѣрныя!» (30–31; 1–23)

*Елена Григорьевна Мяндина, деревня Среднее Бугаево,
 Усть-Цилемский район:*

«Я убил Идолище во чистом полї,
 Еще убить бы неприятеля со зятелком со Киршаком,
 У его, у собаки, силы множество». (17–19)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

И говорили же слуги и во фторой рас:
 «Уш ты ой еси, и князь да стольнекиевской!
 Ишше хоцѣт волоцить да вас Илеюшка
 Как за те жа за волосы за долгия!²⁷¹»
 Говорыл же тут князь да стольнекиевской:
 «Как фтору-ту вину ишше Бог простит».
 И говорили же тут слуги и во третьей рас... (32–38)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка,
 Нижнепечорский район:*

«Ой еси, солн<ышко> Вл<адимер>-князь!
 Ходит старой нынче по горници,

²⁷⁰ У М. Г. Михашина — «Кудреванища».

²⁷¹ У М. Г. Михашина — «цѣрныя».

Твою шубу он по полу потаскиват
И шубы старой да приговариват:
“Как легко эту шубу я потаскиваю,
Та же участь будет солнышку Владимиру,
А матушку Апраксию за ся возьму”». (35–41)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Тут призвал нынь солнышко Владимир-князь
Как тово же ведь нынь да стара казака...

<...>

Кабы думных бояр да приказал притти,
Они сложились троима да все ответили:
«Говорил-то-де это еще стар казак,
Он вполне говорил, да все мы слышали».
Говорит-то тут стар казак Илья Муромец:
«Говорил же то я, да не совсем же так,
Они ложно доносят показанье-то,
Они с клятвой на старá да пригибают же».

<...>

Нечему тут Владимир-князь не веруёт²⁷²:

«После дела-то ведь всяк же отпираетца».

Он позволил ископать нынче глубок погреб,
Засадить²⁷³-ту-де стара нынче казака.

Тут ведь нынче богатыри прогневилисе,
Говорят тут вси руськии богатыри:
«Засадишь ты нынь нашего предводителя,
Мы уж все нынь розойдемся и розедемся,
У тя пусто станет стоеть стольно Киев-град».

Говорит-ту ему тут молода жона,
Кабы та же княгина да мать Апраксия:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!

На кого же ты ведь нынь да понадеешьсе?

У тя думны бояра да, знать, изменщики, —
Когда не будёт у тя надежды великойей,
Они тогды же пуше изменят же».

Нечему же тут князь нынче не веруёт²⁷⁴. (15–16; 18–25; 31–47)

²⁷² У Ф. Е. Чуркиной — «не варуёт».

²⁷³ У Ф. Е. Чуркиной — «засадил».

²⁷⁴ У Ф. Е. Чуркиной — «не варуёт».

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Говорил жа восударь тогды Илья Муромець:
«Уж ты вой еси, Владимёр стольнёй-киевської!
Ишше не́жаль мне тебя, князя, со кнегиною,
Ишше не́жаль мне бояринов да брюшіников;
Только жаль мне-ка во Киеви Божьих церквей,
Только жаль мне-ка во Киёви-то бедных вдов». (161–166)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Тут и выскоцил стар казак Илья Муромець,
Побежал он по городу по Киеву,
Забегал же нынь он на царев кабак,
Он и выпнул там двери все подвальния,
Он тут выкатил три боцьки сороковоцьки,
Да крычал-де старой да зычным голосом:
«Ох вы ой еси, да руськии богатыри!
Уж вы вси же хресьяна да православнии!
Уж вы вси-де нынь голи да кабацкии!
Вы тащите-тось мни меру да своеруцьную,
Своеруцьную меру, да поварёноцькой,
Уж вы пейте вина да сколько хочите,
Поминайте меня, да добра молодца».
Тут не крык ле стоит, да как не стон стонёт, —
Спровожают тут удала добра молодца.
Говорит-то-де тут да нынче стар казак:
«Уж я мог бы-де не сесь нынче в глубок погреб,
Уж я мог бы победить да нынче весь город, —
Повинуюся закону да государеву:
Я сидел преж без ног да ровно тридцеть лет,
Нынч опять, видно, мне да бывает Бог судил». (48–68)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

«Насказали на старóго бояре толстобрюхии...»
<...>
Испужался солнышко Владимир-князь,
Приказал слугам верным взять старого за белы руки

И вести его в подземелие.
Дал там ему стол дубовый, книгу Евангелье,
свечи стерлинные...

(141; 145–148)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Засадил казáка Илью Муромца
А на тья ль на погребы глубокии,
А на тья ль на ледники холодныи,
А за тьи за решетки за железныи... (4–7)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Как захлупили плитой его железной же,
Загребли его матушкой сырой землёй. (70–71)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А сильнии киевски богáтыри
А розсердились тут на князя на Владимира... (11–12)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Да на думных-то бояр да толстобрюхиих. (76)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Ай с того-то всё горя, горя великого
Тут уехало двенадцеть всё богáтырей:
В перву голову уехал Самсон Сильния,
Во вторых-то тут уехал Пересмяка со племянницком,
Тут ишшэ-то как уехал всё Цюрило-свет всё Плénковиць,
Да ишшэ-то тут уехал всё Добрынюшка Никитиць млад,
Да ишшэ да тут уехал всё ведь Олешенька Поповиць млад...

(I: 64–75)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А оны скоро ведь садились на добрых коней,
А уехали оны да во чисто полё,
Ай во тое роздолье во широкоё:
«Ай не будем ведь мы жить больше во Киеви,
А не будем мы служить князю Владимиру...» (13–17)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

У солнышка матушка была до сирот добра... (150)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Как добра-та была она, добродетельна:
Нанимала она пьяницей кабацких жа
Как копать-то ходы да подземельния
Ко тому же ко старому да во темной подгрёп. (64–67)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как она велела выкопать дорожку подземельную
Как во тыи погреба да во глубокии,
Где посаженной-то Ильюшенька... (18–20)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Подкопала она подкопы другі ёму,
Она в роди как пещер ёму спасённых... (I: 60–61)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

А снесла она ему нынцце ременщат стул,
А снесла она свечи да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатны... (81–83)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Да й перинушки-подушечки пуховыи,
А одьялышки снесла теплыи,
На себя она шубоньку ведь ю куньею,
А сапоженки на ноженки сафьянныи,
На головушку шапку соболиную.
В полону сидит дуродный добрый молодец,
В полону сидит да й под обидою,
Он не старится да й лучше ставится. (31–38)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как Ильюшеньки носила яства да сахарнии,
Напитоцьки-то разный медвяныи. (22–23)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Шьчо сама-та пила, ела, она кушала,
Она тем же кормила Илью Мурамця;
Она так ёго корьмила, шьчобы князь не знал;
Ай добра́ коня спускали в зелёны́ лужка,
В зелёны́ лужка спускали, в шолкову́ траву.

* * *

Егор Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Мхи были болота до²⁷⁵ Белá-озера́,
Реки-то, озера ко Смоленському... (1–2)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

А что чысты поля к Ёросóлиму,
А что матушка Казань под Острокань,
А что устьем подошла во синé морё... (2–4)

²⁷⁵ У Е. Б. Сурикова — «от».

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

А²⁷⁶ прошла про Илью-то слава да широкая,
Как прошло веть того времени да три году. (24–25)

Иван Михайлович Кропачев (Лядков), деревня Мамоново, Кенозеро:

Да прошол туто слух по всем землям, по всем ордам,
Да прознали то все короли иностранные,
Что не стало во Киеве во городи
Славнаго богатѣря Ильи Муромца. (102–105)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Тут садились нынь бояра толстобрюхие
Как за ти же за столы да за дубовьи,
Они писали ерлыки, да скору грамотку,
Посылали вси по дальниим сторонущкам,
Посылали они собаке царю Калину²⁷⁷:
«Нынь уж вси разошлись руськи богатыри,
Как пустой стоит у нас стольно Киев-град... (90–96)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Да й на тот на славный стольный Киев-град
Воспылал собака ли царь Кáлина. (40–41)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Тот ли²⁷⁸ Каин веть царь да Калинович... (I: 115)

²⁷⁶ У Ф. А. Конашкова — «как».

²⁷⁷ У Ф. Е. Чуркиной — «Ковшѣю Безсмѣртному».

²⁷⁸ У А. М. Крюковой — «ише».

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

Злой Калин-царь, сын Смородьевич...²⁷⁹ (55)

Николай Михайлович Швецов, деревня Орьмы, Моша:

Ай ведь чужда Калин Смарадонович... (1)

Алексей Ипатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район:

Скурлат-царь, поганое издолище... (23)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как узнал-то вить да и Калин-царь
Што вить Ильюшеньки живого нет... (26–27)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Отсылал татарин туриц на святую Русь,
Отсылал он туриц и наказывал:
«Поезжайте-ка, турицы, на святую Русь,
И ко славному ко городу ко Киеву,
Что-нибудь вы там да попроведайте,
Что деется на матушке святой Руси».
И съехались турицы на святую Русь... (I: 1–7)

Алексей Сергеевич Дуркин, деревня Уег, Усть-Цилемский район.

Саратынское поле поперек прошли,
В стóльной Киев-град во полночь пришли. (7–8)

²⁷⁹ У Л. Г. Тупицына приведённая строка входит в реплику «Днепр-реки».

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

У той ли у турицы златорогоей,
Были у ей дети малые.
<...>
Говорят своей матери родимой:
«Уж ты ой еси, мать наша родимая!
Уж и та турица златорогая,
Над стольным заря зачинаетца,
Восходно красно солнце подымаетца». —
«Врите, мои дети все любимые,
То не утрення заря зачинаетца,
Не восходно красно солнце подымаетца —
То выходит Пресвята Мать Богородица,
Она слышит над городом невзгодушку,
Видит: будет над стольным безвременице». (1–2; 6–16)

Илья Андреевич Тярсов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Ай дак поплыли туры да за синё морё... (2)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

И приехали к татарину поганому.
Стал тут Калин²⁸⁰ у них спрашивать... (1: 8; 10–12)

Илья Андреевич Тярсов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«Уш вы здрастуйте, туры да златорогия
А златорогия туры да ёднорогия!
Уш вы где же были да цёго слышили?» (8–10)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Где же вы, мои турицы, были-побыли,
Что же вы, мои турицы, видели?»
Говорят ему турицы таковы слова... (1: 13–15)

²⁸⁰ У Т. Г. Рябинына — «татарин».

Анна Денисовна Осташова, деревня Боровая, Пижма:

«Ож мы были-то, были²⁸¹ во Шахове,
Уж мы были-то, были²⁸², во Ляхове,
Сорочинско славно полё поперек прошли,
А Куликово поле — с угла на угол,
Стольнё Киев-де град — да из конца в конец;
Не какого щюдышко не видели,
Только видели щюдышко не малое,
Как не малое щюдо, привеликое...» (9–16)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«То мы видели во городе во Кieve,
Как со матушки с Божьёй церквы
Шла девица душа красная...» (I: 18–20)

*Авдотья Андреевна Шишолова, деревня Верхнее Бугаево,
Усть-Цилемский район:*

«Вставала она на сер горюч камень,
Горячими слезами обливаласе,
Тоской-кручиной обтираласе,
На все стороны четыре всё крестиласе...» (15–18)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«...Причитаючись она да слезно плакала».
Говорил тут Калин²⁸³ таковы слова:
«Ай вы глупые турицы, неразумные!
Не девица тут шла душа красная,
А тут шла Мать Пресвятая Богородица,
На руках книгу несла во-Евангелье:
Она ведала над Киевом невзгодушку,
Ту она и слезно плакала».
Снаряжается царь Калин со своею силушкой великою...

(I: 22–30)

²⁸¹ У А. Д. Осташовой — «матушка».

²⁸² У А. Д. Осташовой — «восударына».

²⁸³ У Т. Г. Рябининой — «татарин».

Анна Денисовна Осташова, деревня Боровая, Пижма:

Кабы Калин-де²⁸⁴ царь до подымается,
Скурлы-та-де-ка царь да сын Смородович,
Со любимым со сватушкой со Коршаком,
Со любимым со зятём со Коньшаком,
Со любимым племенником со Киршаком...²⁸⁵ (37–41)

Егор Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Ай справляется-сподобляется,
Сподобляется царь Кáлина
Он ко стольному ко городу ко Киеву,
Он ко ласковому князю ко Влади́миру... (6–9)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Хоцёт князя Владимира под мець склонить,
Хоцёт сильную силоцьку повырубить,
Хоцёт малых робят во углы повывистать,
Хоцёт старых старух да всех под гору срыть,
Хоцёт Божьи-ти церкви в огонь спустить,
Как светы-ти иконы хоцёт во гресь стоптать,
А как кнегину Опраксею за себя хоцёт взять. (78–84)

Егор Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Сбирал свою силушку великую,
Сбирал свою силушку по три годú,
Той ли силы что и сметы нет. (12–14)

²⁸⁴ У А. Д. Осташовой — «Скурла-де».

²⁸⁵ У А. Д. Осташовой приведённый пассаж включён в реплику турицы.

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Набирал набор он ровна три года:
У которого было ведь семь сынов —
Он ведь шесть сынов ноньче себе берёт... (9–11)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Собирал собака князей-бояр,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей:
У каждого царя, у царевича,
У каждого короля, у королевича
Силы собрано по сорок тысячей. (4–9)

Кириша Данилов:

Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от конинова
А и месяц, солнце померкнула,
Не видеть луча света белова;
А от духу татарскова
Не можно крещеным нам живым быть. (11–17)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Ай становился ён ко матушки да Елисей-реки,
Ай во ты во поля во Елишина. (15–16)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

А и бежала калика перехожая
А от того от моря от студеного,
Алатыря-камешка, Алатыря.
<...>
Прибегала ко матке Елесей-реки,
Захотела калика тут попить и поись... (1–3; 6–7)

*Авдотья Андреевна Шишолова, деревня Верхнее Бугаево,
Усть-Цилемский район:*

Огня добыть, право, котла сварить,
Котла сварить, платье повысушить. (40—41)

*Татьяна Ивановна Поздеева, деревня Роцинский Ручей,
Усть-Цилемский район:*

Вся калика прибродилася,
Вся калика приумоклася.
Не успела калика огня добыть,
Не успела калика котла сварить,
Не успела калика платье высушить... (26—30)

*Авдотья Андреевна Шишолова, деревня Верхнее Бугаево,
Усть-Цилемский район:*

Вдруг буря-погода подымаетца,
Не туман с моря занимаетца.... (43—44)

Казак Дьяков, Бухтарма:

Не грозна туча накатается... (3)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Навалилося ёрда неверная... (13)

Казак Дьяков, Бухтарма:

Не из той тучи маланья сверкат... (4)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Прибегала собака — царь Калинович²⁸⁶,
Он со тим со зетем со Киршиком,
Он со тим со сыном со Миршиком.
У его, собаки, силы множество,
Прибегала ко матке Елесей-реки.
Он мосты мостил тут калиновы,
Перекладыны кладет все дубовыя,
Переносится, собака, перевозится
Через ту-де матушку Елесей-реку. (14–22)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Подступал нонче собака Калин-царь,
Он одиннадцать прошел земель сильных,
Под двенадцатой подходит стольной Киев-град. (18–20)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Не доехал он до города до Киёва... (4–7)

Петр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Становился на поле Куликово,
Заставливал шатры он чернобáрхатны;
Ёт того-де от пару лошадиного,
От того ёт духу человеческа
А и поблёлкло красно солнышко,
Помертвел батюшко светёл месяц,
А и потерялися ле тут да звезды частыя,
Звезды частыя, да зори ясныя.
А и ёго ле, у собаки, силы множество,
По праву его руку сорок тысячей,
По леву-ту руку сорок тысячей,

²⁸⁶ У П. Р. Поздеева — «Кудреванко-царь».

Переди собаки сорок тысячей,
 Позади его да числа-смету нет.
 Он кабы сам ён, собака, заговоршык злой,
 Ён кабы стал по силы поезживать,
 Кабы стал он силу заговаривать:
 Не брала чтобы силу сабля вострая,
 Не ломила бы палица буёвая,
 Не кололо бы копейцо бурзомёцкое.
 Он как ездил по силы да трои суточки,
 Он как бы всю силу заговаривал... (23–43)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то ведь собака ишше Каин-царь,
 Ишше Каин ведь царь да всё Калинович:
 «Выходи-тко вы, всё да три тотарина,
 Три тотарина вы всё да три поганого!
 Вы пишите вы скоре-ко мне-ка грамотку,
 Вы пишите мне-ка грамотку да всё вы руськую,
 Не пером-то вы пишите, не џернилами,
 Не по белой по ербóвой по бумажоцьки, —
 Вы по рыту-ту пишите всё по бархату
 Дорогим-то вы пишите сухим красным золотом,
 Уж мы как ведь зайдём да в красен Киев-град».
 Ишше тут ёму тотара отказалисе:
 «Мы не знам, не знам писать-то, всё ты Каин-царь,
 Всё ты Каин-царь да всё Калинович!
 Не уумем-то мы писать всё грамотки всё руською».
 Закрыщял-то тут собака по-зъверинному,
 Засьвистел-то тут собака всё по-соловьинному:
 «Уж вы гой еси, тотарева-булановя...
 <...>
 Вы пишите скоро грамоту тотарьскую,
 Ай тотарьску вы грамоту немецькую,
 Ай пишите вы про князя про Владимира:
 “Ай мы князя с Владимира мы кожу всё с жива зьдерём,
 Опраксею-Королевисьню мы всё с собой возьмём,
 Увезём-то мы всё ей да во свою землю”».

(I: 123–140; 142–147)

Архангельский певец:

«Кто умеет говорить русским языком, человеческим?
Кто бы съездил ко тому городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Отвез бы ему посольный лист, ярлык скорописчатый?»
Поголовно молчат бурзы-мурзы, татаровя. (22–26)

Максим Васильевич Семенов, деревня Белощелье, Лешуконский район:

А вскричал тут Калин-царь²⁸⁷ громким голосом:
«Уж вы ой еси, злы поганые тотаришка!
Как кому же вас ехать нонеце во Киёв-град
Ко тому же ко князю ко Владимиру...
<...>
Ко тому же Добрыни, Добрынюшки Никитичю?»
Ищó большóй кроитця да за среднего,
Ишо средний кроитця да за меньшого,
Как от меньшого богатыр́я ответу нет. (24–27; 29–32)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Был у его богатырь Игнатий сын Иванович.
Он призвал его во чернóй шатёр,
Подавал он ему ерлык-скору грамотку,
Он не красками печатал, не печатями,
Он печатал, собака, красным золотом. (26–30)

Алексей Инатьевич Ермолин, деревня Уег, Усть-Цилемский район:

Посылает его да ко солнышку Владимиру
Во тот же да во стольний Киев-град,
Дает ему в руки да рукописаньице... (45–47)

²⁸⁷ У М. В. Семенова — «Кудреванищо».

Архангельский певец:

«Поезжай не путем, не дорóгою,
Через леса дремучие,
Через лузья дьбучие,
Поезжай ты ко Киеву,
Перескочи через стену городóвую,
Через ту башню наугóльную...» (41–46)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

«Ты приедёш ко Владимиру да на посольней двор
Ко тому ко Владимиру ко красну крыльцю, —
Не вяжи ты коня за золото кольцо —
Золото где кольцо да то Владимирьско,
Не вяжи ты коня к кольцю серебрянну —
Да серебряно кольцо тут князей-бояроф,
Не вяжи ты коня кольцо за медноё —
Медно кольцо руських богатырей...» (25–32)

Архангельский певец:

«Брось своего коня середь двора
Не привязана, не приказана,
Иди во гридни княженецкия». (47–49)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Ай как русьскому Богу не кланяйся,
Ай как солнышку князю челом не бей,
Не клони ёму буйны головушки...» (42–44)

Архангельский певец:

«Двери грудью на́ пята бери.
Положь ярлык на дубов стол.
Оборотясь, приступи крепко, вон поди,
Приступи, чтоб спели светлыя оконницы!» (50–53)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Кабы это калика все увидела,
Она все, калика, услышала...

<...>

А идет калика в стольный Киев-град,
Приходила калика в стольный Киев-град,
Уж ко той ко грине княженевской;
Как становилась под окошечко косящато,
Как на то на место на калическо;
Как просит тут милóстыню ради Христа,
Как крычит она зычным голосом.

<...>

Уж и тут бы князь скоро не ослышался,
Побежал он скоро вон на улицу,
Выбегал-де скоро на круто крыльцо,
Он спускался скоро со крута крыльца,
Кабы тут калике да низко кланялся,
Говорил тут князь ей таково слово:
«Ты пожалуй-ко, калика перехожая,
Ты ко мне, ко князю ко Владимиру,
Уж во ту во гриню княженевскую,
Ище хлеба ись да перевару пить,
А затим у меня, у князя, чего Бог послал».

Кабы скоро тут калика нонь идет ище
Как во ту во гриню княженевскую,
Заходила тут во гриню княженевскую,
Она Богу-ту ноньче молилася,
Кабы крест кладет все по-писáному,
А поклон кладет все по-ученому,
А молитву творит полну Сусову,
На вси стороны калика покланяется,
Как князю со княгиной на особицу.

Говорит тут князь²⁸⁸ таково слово:
«Приходи-де ты, калика перехожая».

<...>

Как становят бы нонь скоро дубовой стол,
Как на стол бы носят всяки кушанья.
И говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Ты садись-ко, калика, за дубовой стол

²⁸⁸ У П. Р. Поздеева — «старый».

Кабы хлеба ись да перевару пить,
 А затим от князя чего Бог послал».
 А и бы тут ноньче калика перехожая
 Как садится скоро за дубовой стол
 Попить-поись, хлеба покушати.
 А бы садилось калика перехожая
 Кабы пить да ись, хлеба кушати.
 А и как пила-де, ела она досьта,
 А ходила скоро из-за стола еще,
 А из стола-де скоро да дубового,
 Кабы Богу ту помолилося,
 На вси стороны она поклонилосе,
 И как спасибо она нонь дала ище,
 А садилосе на лавочку брусчатую.
 <...>

«Ты откуль же, калика перехожая,
 Ты откуль идешь, куда путь держишь?
 Ты чего, дорогой шла, нонь видела,
 Ты чего, дорогой шла, нонь слышала?»
 Уж как тут ему калика нонь ответ держит:
 «Я иду, калика перехожая,
 От того ле от моря, от студеного,
 С Алатыря-камешка, от Латыря;
 Я бежала, калика перехожая,
 Я бы по три дни бежала, по три ночи,
 Не пиваючи бежала, не едаючи,
 Прибежала я ко матки Елесей-реки,
 Захотела тут калика нонь попить-поись,
 И попить-поись, да тут огня добыть,
 Уж огня добыть, платье повысушить.
 Не юспела я, калика, опочиниться —
 Накатилосе вдруг тут туча темная,
 А темна туча, туча грозная,
 Навалилося бы тут орда неверная,
 Прибегал тут собака ли царь Калина²⁸⁹,
 Прибегал ко матки Елесей-реки;
 Он как чрез ту-де Елесей-реку,
 Он мосты мостил все калиновы,
 Перекладины кладет да все дубовые.
 Переноситце собака, перевозитце

²⁸⁹ У П. Р. Поздеева — «Кудреванко-царь».

Через ту-де ноньче матку Елесей-реку;
Становился на поле Куликово,
Заставливал шатры он чернобáрхатны.
У его ле, у собаки, силы множество:
По праву руку сорок тысячей,
По леву руку сорок тысячей,
Переди собаки сорок тысячей,
Позади его да числа-смету нет;
От того ле от пару лошадиного,
Ёт того ёт духу человека
Ой поблѣкло красно солнышко,
Помертвел батюшко светел месяц.
И как стал он, собака, по силы поежживать,
Кабы стал он силу заговаривать,
Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буювая,
Не кололо бы копейцо бурзомецкое;
Он как ездил по силы да трои суточки,
Приежжат тогда-де он во черной шатер,
Во черной шатер, да чернобáрхатной,
Он садился тогда да на ремещат стул,
Брал чернильницу он да с гумагою,
Он писал тут ерлык, скору грамоту,
Он писал-де ноньче в стольной Киев-град,
Ко Владимиру ко князю, ко солнышку,
Он просил у князя виноватого,
Виноватого да поединщика.
Написал ерлык он, скору грамоту,
Говорит-де собака ли царь Калина²⁹⁰,
Говорит он своей силы-армии:
“Из вас бывал ле кто на святой Руси?
А по-руському кто говаривал,
По-немецкому протолмачивал?”
Приходило тут тугарище поганое,
<...>
А у этого тугарища поганого,
Голова тугарища с пивной котел,
А юшища — да царски блюдища,
А глазища — да сильны чашища,
Как ручища — да сильны граблища,

²⁹⁰ У П. Р. Поздеева — «Кудреванко-царь».

Как ножища — да сильны кичинища,
Вышиной тугарище он трюх сажон,
Шириной югарище — коса сажень,
Коса сажень да нонь печатная».
Кабы все ёна им рассказала же,
Кабы все ёно им разведала,
Ище тут нонь калика стала прощатися,
Как бы тут калика опять вперед пошла.

(73–74; 76–82; 97–118; 124–141; 146–204, 209–221)

Павел Абросимович Логинов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А приходит-то князю Владимиру,
А приходит беда неминучая,
Затыкает ж... он онучею.

<...>

Выходит князь на высок балкон,
Закрычал князь во всю голову:

<...>

«Ай же Добрынюшка Микитинец,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит Добрынюшка Микитинец.
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Что ты нас треложишь, киевских богатырей?» —
«Наехал собака Кáлин-царь,
Собрано у него силы сорок тысящей,
Сорок царей, сорок царицей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Сорок князей, сорок княжевичей,
У каждого силы по сороку тысящей.
Хочет взять-жениться,
Хочет взять княгиню Апраксию,
Велит улицы распахивать
Да ряды раздваивать,
Курить зеленó вино».
Говорит Добрынюшка Никитинец;
«Солнышко Владимир-князь стольно-киевский,
Ножки да мои ножки притупилиси,
Ручки да мои ручки примахалисе, —
Не могу застоять за Киев-град».
Выходит князь Владимир на высок балкон:

«Приходи, Чурилушка Плёнкович,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит Чурилушка Плёнкович.
«Что ты, князь стольно-киевский, требуешь?» —
«На наше на село да на прекрасное
Приехал собака Кáлин-царь,
Хочет в Киеви женитися,
Взять стольную княгиню Опраксею.
Велит улицы распахивать
Да ряды разлаживать,
Варить-курить зеленó вино». —
«Не могу стоять я за Киев-град.
Ноги мои, ножки притомилисе,
Руки мои, ручки примахалисе».
Выходит князь на высок балкон:
«Ай же ты, Олешенька Попович млад,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
И Олешенька Попович приходит:
«Об чем, Владимир-князь, треложишь?» —
«А на наше село на прекрасное
Приехал собака да Кáлин-царь,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Сорок князей, сорок князевичей,
У каждого силы по сóроку тысячей.
Хочет в Киеви женитисе,
Взять стольную княгиню Опраксею,
Велит улицы распахивать,
Да ряды разлаживать,
Варить да курить зеленó вино, пьяное». —
«Не могу стоять да за Киев-град,
Ноги мои, ножки притомилисе,
Руки мои, ручки примахалисе».
Выходит князь на высок балкон,
Закрицял князь во всю голову:
«Ай же ты, Ставёр Годиновиць,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит Ставёр Годиновиць:
«Об чем, солнышко Владимир-князь,
Треложишь нас, русских богáтырей?» —
«А вот, — говорит, — наступает собака Кáлин-царь.
У него сорок царей, сорок царевицей,

Сорок королей, сорок королевичей,
 Сорок князей, сорок князевичей,
 У каждого силы по сорок тысячей». —
 «Не могу стоять за Киев-град,
 Ноги мои, ножки притомилисе,
 Руки мои, ручки примахалисе».
 Выходит князь на высок балхон:
 «Ай же ты, Пóтык сын Ивановиць,
 Поди-ко ко мне на совет на думу крепкую!» —
 «Об чем, солнышко Владимир-князь,
 Треложишь русских богáтырей?» —
 «А на наше село на прекрасное
 Приехал собака да Кáлин-царь,
 Сорок царей, сорок царевичей,
 Сорок королей, сорок королевичей,
 Сорок князей, сорок князевичей,
 У каждого силы по сорок тысячей.
 Хочет в Киеви женитися,
 Взять стольную княгиню Апраксию,
 Велит улицы распахивать
 Да ряды разлаживать,
 Курить да варить зеленó вино». —
 «Не могу стоять за Киев-град,
 Ноги мои, ножки притомилисе,
 Руки мои, ручки примахалисе!»
 Приходит беда неминучая,
 Отказалися богáтыри, —
 Приходит, видно, княгине замуж ийти.

(1–3; 17–18; 41–132)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Тут заплакало-то нашо-то да солнышко,
 Да по имени наш да всё Владимир-князь:
 <...>
 «Теперь некому стоять будёт за веру православную,
 Православну-ту веру, за Божый цёрквы,
 За Божый-ти за цёрквы, за золоты кресты,
 За золоты-ти кресты-ти стоеть, за князя, за кнегину-ту!»

(I: 178–179; 181–184)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

А кабы немного время миновалосе... (222)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Тут доклáдуют ко князю ко Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольне-киевский,
Ты сидишь во тереме златом верхи,
А ты ешь да пьешь да й прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь.
А ведь твой-то славный стольней Киев-град
В полону стоит да й под обидою, —
Обошла его литва поганая
А того ль собаки царя Кáлины...» (133–141)

*Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры,
Лешуконский район:*

«Де подошел и к нам вор-собака да злой неверной пан,
Де злой неверной пан, да молодой салтан...» (72–73)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

«Он хочет черных мужичков твоих повырубить,
Хочет Божья церкви все на дым спустить,
А тебя, князя Владимира, в полон-то взять
Со Опраксией да королевичной,
А в полон-то взять да й голову́ срубить». (142–146)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Уж немного время прокатилосе —
Приезжает идолище поганое
Ко тому ко князю, ко Владимиру... (223–225)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Он скакал через стену городовую,
Через высокую ту башню наугольную. (40–41)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Не вязал он коня за золото кольцё,
Не привязывал коня кольцо серебряно,
Не вязал он коня колечко медноё.
А соскакивал посол²⁹¹ дак он з добра коня,
Не привязывал коня дак не приказывал.
Да заходит посол²⁹² да на красно крыльцо, —
Да не спрашивал у ворот он приворотничков,
У дверей где посол²⁹³ да тут придверьничков. (55–58, 61–64)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Идет Игнатий на красно крыльцо,
Его лесенки дубовые сгибаютца,
Вереюшки точеные шатаютца.
Заходит Игнатий в гридню светлую,
Во те палаты княженецкие,
Он и Богу не молитца и челом не бьет... (45–50)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

А заходит посол²⁹⁴ дак во светлу грыню, —
Не крестил он свою рожу тотарскую... (65–66)

²⁹¹ У А. М. Мартынова — «Борис».

²⁹² У А. М. Мартынова — «Борис».

²⁹³ У А. М. Мартынова — «Борис».

²⁹⁴ У А. М. Мартынова — «Борис».

*Максим Васильевич Семенов, деревня Белощелье,
Лешуконский район:*

Как одной ногой-то на порог ступил,
А другой ногой-то — на середину пол. (49–50)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нишнепечорский район:*

Он мечет ерлык на дубовой стол... (53)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

...Положил, пословесно выговаривал²⁹⁵:
«Ай же ты, Володимир стольно-киевский!»²⁹⁶ (26–27)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

«Если нету в городе поединщика, —
Божьи-ти церкви да я во дым спущу,
Да почесны монастыри я розорю,
Силу крещону да всю привырублю...» (101–104)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

«Отворяй-ко ворота да широкии,
Уж ты улицы да распахивай...» (32–33)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Чисти во Киеве улицы,
Расчисти ряды во Киеве,
Курь-ка още зелено вино...» (52–54)

²⁹⁵ У Н. Прохорова — «положи, пословесно выговаривай».

²⁹⁶ У Н. Прохорова приведённый пассаж входит в реплику Калина-царя.

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

«А наставь-ка ты хмельных напитокочек,
Чтобы бочечка о бочечку й частёхонько,
А частёхонько было, близёхонько...» (88–90)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

«Дубовы скамьи да вынашивай...
<...>
Как стрещай-ко нас, да дорогих гостей!» (34; 36)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Жди мою силу великую:
Наш-то сударь Калин-царь
Хочет у вас пожениться,
От жива мужа жену отлучить,
А стольную княгиню Опраксию». (55–59)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«Ай по всему как по городу как по Киеву
Ай со Божьих как церквей да чудны кресты повыснимай,
Во церквах сделай стойлы лошадины,
Ай стоять нашим да добрым коням.
Ай еще по всему как по городу как по Киеву
Ай умой-ко полаты ведь белокаменны,
А стоять нашей рать силы великии». (54–60)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Они стали-то цитать, да все заплакали.
Говорит-то князь Владимир таковы слова... (I: 171–172)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижепечорский район:*

«Пусть он даст нам строку хоть на три годика,
На три годика не даст, дак хоть на три месяца,
На три месяца не даст, дак хоть на трои суточки,
Нам покаятца в городи да подладитца». (79–82)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Отслужить-то мне обедни со молебнами,
Со молебнами мне да с панафидами». —
«Не дайм-то тебе строку да на три дёнищка». (I: 175–177)

*Григорий Васильевич Поздеев, деревня Роцинский Ручей,
Усть-Цилемский район:*

Как ле вон пошел, плечьми ободверины вывёртывал,
Повернуть хотел вверх дном хоромину. (38–39)

Кириша Данилов:

Владимер-князь запечалился...
<...>
По грехам над князем учинилося —
Богатырей в Киеве не случилось,
А Калин-царь под стеною стоит....
<...>
И то у них дело не окончено,
Татарин из Киева не выехал,
Втапоры Василей-пьяница
Взбежал на башню на стрельную,
Берет он свой тугой лук разрывчетою,
Калену стрелу переную,
Наводил он трубками немецкими,
А где-та сидит злодей Калин-царь,
И тот-та Василей-пьяница
Стрелял он тут во Калина-царя,
Не попал во собаку Калина-царя,

Что попал он в зятя ево Сартака,
Угодила стрела ему в правой глаз,
Ушиб ево до смерти.
И тут Калину-царю за беду стало,
Что первую беду не утушили,
А другую беду оне загрезили:
Убили зятя любимова
С тоя башни стрельныя.
Посылал другова татарина
Ко тому князю Владимиру,
Чтобы выдал тово виноватова.

(52; 55–57; 68–89)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Тут не вёшна все вода да розливаласе,
Всё тотарьска-та сила-та подвигаитѣ
Ко тому-то всё ко городу ко Киеву,
Ко ко ласковому князю ко Владимиру,
Шьчо ко тем ли ко цѣрквам Божьим соборным,
Шьчо соборным, к цѣрквам все богомольным,
Шьчо ко тем щодным крестам животворящим,
Ай ко тем ли ко манастырям к спасёным. (I: 105–114)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А закручинился тот князь да запечалился
Это той тоской печалью он великою:
«А розсердел-то я теперь богатырей
А старого казака Илью Муромца
А засадил-то его во глубок погрѣб,
Ай поморил его смёретью голодною...» (64–69)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Говорит он своей да молодой жоны,
Как своей он супруге да обручальной:
«Ох ты ой есь, княгина да мать Апраксия!
Ты позволь мне придумать думу крепкую:

Кабы просит Калин²⁹⁷ у меня поединщиков,
А кого же нам послать будёт поединщиком?»
Говорит-то его да молода жона:
«На кого же ты надею преж оставалса же?
У тя есь думны бояра, да при сибе живут,
Ты поди-тко има нынь заменейся же».
Говорит-то тут князь да такovy речи:
«Ты не дельнѣ мене да говоришь нынѣ,
Ах ты ой есь, Опросинья да дочь Семеновна!
Молодая княгина да обручалья,
Ты ведь востра баба, да всё догадлива,
Та скажи-тко, скажи мне, пожалуста, —
Да кого же нам послать нам поединщиком?»
Говорит тут княгина да мать Опраксия:
«Мне ночесь што-то мало спалось — много виделось:
Будто жив в погребу да сидит стар казак».
Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:
«Кабы была при сибе да сабля вострая,
Я срубил бы у тебя буйну голову:
Уж прошло нынѣ время ровно трицѣть лет,
Уж какой нынѣ этам живой нынѣ стар казак?»
Говорит-ту княгина да мать Апраксия:
«Я не знаю, к чему да сѣдни виделось,
Будто жив сидит в погребу будто стар казак».
Говорит-то-де солнышко Владимир-князь:
«Как ты преж будто дельнѣ што ле баяла,
А уж нынѣ сочиняшь таку безделичу:
Уж и много продолжалось да поры-времени,
Уж прошло-де топере ровно тридѣть лет,
А какой уж нынѣ живой да есь стар казак?»
Говорит ему княгина да мать Апраксия:
«Мне ведь зря-то нынѣ сон вногo не видитсе,
Што приснитсе мне ночью, то и сбыдетсе.
Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты некого не посылай, некому не приказывай,
Уж ныне ведь народ да всё неверной здесь,
Ты изволь посмотреть, сходить в глубок погреб,
Он и взáбыл не живой ле в погребу сидит».
Как на то-де нынь князь да не ётслушалса,
Он надѣрнул сапожки да на босу ногу,

²⁹⁷ У Ф. Е. Чуркиной — «Ковшей».

Он и куню-де шубу да на одно плещё,
 Свой пухов-де колпак да на одно ухо,
 Побежал-ту-де князь да скоро-на́скоро,
 Ухватил он лопатоцьку жалезную,
 Он раскидывал пески да всё макарьевски,
 Отопружил он плиту да все железную.
 Уж и жив-то сидит да нынче стар казак... (109–158)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай горит у Ильюни воскова свеча,
 А читает он ведь книгу да Евангельё. (82–83)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

...Перемётывают листики ербовья;
 Закрычал-то тут-де солнышко Владимир-князь:
 «Уж и звыше ума цюдо состоялось!»
 Заревел тут и солнышко Владимир-князь:
 «Ты изволь-ко, Илья да ище Муромець,
 Ты и выгтти нынче к нам на белой свет,
 Ты уж больнё большой да строк нынь высидел».
 А сидит-ту старой да не огленетсе.
 Побежал тут назад домой Владимир-князь,
 Он рассказывает своёй да молодой жоны:
 «Уж и з́аболь же не здря да сон привиделса,
 Ищэ жив-де сидит да у нас стар казак.
 Уж ты ой есь, княгина мать Апраксия!
 Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
 Побежала тут княгина да мать Апраксия,
 Уж как кликнула княгина да во первой након:
 «Поизыть-ко, пожалуй, доброй молодец,
 Разгони-тко-сь ты кручину да с ретива сердца,
 Ты не ради князя да ты Владимира,
 Уж ты ради веры да ты Христовой,
 Послужи-тко же ты да верой правой».
 Кабы тут-де старой да нынь выскакивал,
 Будто белой тут куропать выпархивал;
 Он ступил по земли да нынче три ступья,
 А услышал его да нынче доброй конь, —

Он и сорвал все цепи да нынь железный,
Он розорвал все пуинки шелковыи,
Закрычал-де ведь, заржал да зычным голосом,
Прибежал он к Илье да к стару казаку,
Как Илья-то-де плачѣт, конь не поддавайтсе,
Уж как ровно-де пули, слезы катятсе.
Говорит-то-де тут да нынче стар казак:
«Уж ты здравтуй-ко, княгина да мать Апраксия!
Уж жива ле моя сбруня да лошадиная,
Уж жива ле моя приправа да богатырьская?...»
Ухватил-ту-де стар казак Илья Муромець
Кабы ту же нынь палицу буёвую,
Он свиснул эту палицу, доброй молодець,
Улетела эта палица подверх из виду,
Уж и пала она на матушку сыру землю.
Подрожала нынче матушка сыра земля —
Уж уцюли нынь все руськйи богатыри:
«Ищэ есь нынче в Киеви сильнѣй бѣгатырь,
Подават нынче знак нам, добрым молодцам». (160–208)

Фѣдор Андреевич Конашков, Пудога:

Тут стоит Владимир-князь у Ильюши, порасплакался:
«Как прости меня, Ильюшенька, в такой беды!»
Показал письмо Ильюше царя Калина. (37–39)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«А не мошь ли постоять да ты за Киев град,
А за матушку стоять да свято-Русь землю,
А постоять ли-то за церкви за соборныя,
А тьи за кресты животворящие,
А спасти нас тѣперь всех князей бояр?
А некому поехать супротиво царя Кáлина
А розсердел-то я теперь богáтырей,
А уехали оны да во чистѣ полѣ,
Ай не бывали ѓны здесь да трѣ году». (97–105)

Архангельский певец:

Говорил казак Илейко Муромец:
«Запирай, князь, ворота крепко-накрепко,
Засыпай их желтым песком, серым камешком;
Я поеду, добрый молодец, на Почай-реку,
Я поеду созывать сильных богатырей». (175–179)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как нацял Илья писать да царю Калину:
«Ай же ты, собака Калин-царь,
Дай-ко нам ты строку да три году,
Как не дашь нам строку три году,
Дай хоть строку нам да на три месяца,
Как не дашь нам строку на три месяца,
Дай хоть строку ты нам на три дня». (63–69)

Кириша Данилов:

«В Киеве нам приуправиться,
Отслужить обедни с панафидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися!» (144–147)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

«А не дашь нам строку на три дня,
Дай хоть строку ты нам на три часа.
Наварим мы веть да зелена вина,
Как накурим мы да пива пьяного,
Угостим тогда всю мы силу, всю армию!»
Сам садился Илья да на добра коня,
Как поехал Илья на горы на высокии,
Как глядел Илья на рать-силу на великую,
Как сколько у царя-то вить у Калина
Силы набрано, силушки-то нагнано —
Серу волку силы не обрыскати,
Черну ворону силы не огряти. (70–81)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А стоит-то сила тая во чистом поли,
Аки синее море колыбается,
Ино мать-та земля да подгибается. (194—196)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не мог на́смотрётъ конца й краёу силы татарскойей,
А скрозь пару-та ведь лошадиного,
Да скрозь того пару человекьего
Да й не может пропекать да й красно солнышко,
Ото ржания да й лошадиного,
А от покриков да й человекьцких
Ужахается сердечко й молодецкое. (275—282)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай садился Илья да на добра коня,
А не смеет напустить на тую силу не на сметную (так),
А на сильниих могучиих татаревей. (122—124)

*Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная
Барнаульской волости:*

И едет он в церковь соборную,
И ставил он свечу воска ярова
Перед Матерью Пресвятой Богородицей
И сам ставал на коленочки,
И поднимал свои руце ко верху:
«Мати Божия, Пречистая Богородица!
Пособи Ты мне согнати зал Калина-царя,
За твой я дом стою — церковь соборную,
И за Тебя, Мать Пресвятая Богородица!»
И встал и пошел из церкви соборныя... (104—113)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А выезжает-то Илья да во чисто полё... (125)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

А и ехал он день до вечера,
А и темну ночь до белá свету. (С. 31)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А поднимается на гору на высокую,
Ай поглядел ведь он во трубку во подзорную,
А на вси-то на четыре он на стороны;
А со первой горы Илья да он спускается,
А на другую-то он гору поднимается,
А поглядел-то он во трубку во подзорную,
Ай на вси он на четыре да на стороны;
А со другой горы да он Илья спускается,
А на третью высоку поднимается,
А поглядел-то он во трубку во подзорную,
А на вси он на четыре да на стороны;
А в той ли стороны да подвосточныя
А увидае в поли там белóй шатёр.
А приезжает тут Илья да ко белú шатру,
А у того ли в поли у белá шатра
А стоит двенадцать кóней богатырских,
А видит-то Илья да таково дело:
А стоят ты кони, кони тут русíйские,
А ёго-то ведь братицев крестовых,
А крестовых-то братцев ведь названных. (126–145)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Становил коня он богатырского,
Выходил на матушку й сыру землю,
Принакинул кóню й поводы шелкóвыи.
Он спустил коня к полóтну белому,

Яго й добрый конь да й богатырский
Смелой грудью шел к полóтну белому,
А все добрыя кони раскочилиси.
Говорит старый козак тут Илья Муромец:
«А ведь верно есть еще й во белóм шатри
А мне-то есть еще Божья помочь». (313–322)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А он вязал коня тут ко столбу точеному,
Ай припушал-то ко пшены да белояровой... (146–147)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Тут старый козак Илья Муромец
Заходил тут он да й во бело́й шатер.
А во том во славном во белóм шатри
А его крестовый еще й батюшка,
А Сампсон-то есть да и Самойлович
Со своей дружинушкой хорóброей.
Он садится хлеба-соли кушати... (323–329)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А заходил-то тут Илья да во бело́й шатёр,
А глаза-ты он крестит да по-писáному,
Ай поклон-от он ведет да по-учéному,
А на вси стороны Ильюня поклоняется,
Ай крестному он батюшку в особину:
«А здравствуёшь ты, крестный ты мой батюшко,
Ай Самсон сын Самойлович!
А вы здравствуйте крестова моя братия...» (148–155)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

«Уж вы здрастуйте, дóньски кáзаки!» (С. 31)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А увидали-то оны да Илью Муромца,
А скоро ведь скочили на резвы́ ноги,
А с Ильюшенкой тут братия здоровкались:
«А старый казак да Илья Муромец!
Ай говорили, ты посажен во глубок погрёб
У того ли-то у князя у Владимира,
А поморён ты смеретью голодною, —
А ты верно, старик, да жив поезживашь». (157–164)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Говорит Самсон да й таковы слова:
«Ай же, крестничек да ты любимый мой,
Старый козак да Илья Муромец,
А садись-ка с намы за единый стол,
А поешь-ка ествушки сахарнеей,
Ты попей-ка питьвицов медвянныхих».
А тут старый козак да Илья Муромец
А сажился молодец тут за единый стол,
Да й поел он ествушек сахарниих,
Да й попил он питьвицов медвянныхих. (330–339)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай говорит-то ведь Илья да таково слово:
«Ай же ты крёстной мой батюшко,
А Самсон сын Самойлович,
А вси братия крестовая названая!
А поедемте на помочь на великую,
Ай насупротив поедем царя Кáлина».
А говорит-то ведь крёстной ёму батюшко:
«А я сам то ведь не еду, да тебе не блáсловлю,
А не буду я стоять большё за Киев град,
Ай не могу болé смотреть на князя Владимира,
А на Апраксию да королевичну
Ай положено заклятіё великоё. (165–176)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Говорит Илья тут таковы слова:
«Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,
А Сампсон же ты да и Самойлович!
А вы вся дружинушка хоробрая,
Вы й седлайте-тка кбней богатырьских,
Да й поедемтя в раздольице в чисто поле,
Постоимтя за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церкви Божию,
Сберегёмте мы князя й Владимира».
Говорит тут Самсон еще й Самойлович:
«Ай же ты, любимыи мой крестничек,
Старый козак да Илья Муромец,
А не будем мы коней седлать,
Не поедем в раздольице й чисто полё
В поле биться, больно й раниться
А на тьи на удары й на тяжелыи,
А на тьи ль побоища на смёртныи.
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да й бояринов,
Он их кóрмит, пойт, да он и жалуёт,
Ничего ведь мы от князя й не предвидели». (342–362)

Степан Ильич Максимов, деревня Немятовская, Кенозеро:

Поклонился-то Илья им²⁹⁸ с унижением.
«Да заступим мы да за Киев град,
Да не дль ради князя Владимира
С молодой-то княгиной Апраксией,
Да дль ради дому Богородицы,
Да дль ради вдов, сирот, людей бедных».
И отвечает-то дружина ему храбрая:
«Ты старые казак да Илья Муромец!
Да однажды от Киева отказаны». (155–163)

²⁹⁸ У С. И. Максимова — «и поклонился-то им».

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Пили они дак зелено вино,
Пили же они дак пиво пьяноё,
Сладк-от-де мёдом закусывали.
Тут-то робята да все призаспали;
А старому казаку ему не спицсэ же... (235–239)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Да призвал тут стар Добрыню Никитича:
«Ой еси, Добрыня Никитич млад!
Обседлывай ты своего добра коня,
Двенадцать дён объезжай всю вокруг землю́,
Всю вокруг землю́, повселенну всю,
Захватывай по украинам,
Забирай всё русских могущих богатырей!»
Обседлал Добрыня добра коня́,
Объездял он в двенадцать дён всю вокруг землю́,
Всю вокруг землю́, повселенну всю,
Захватывал по украинам,
Забирал всё русских могущих богатырей. (160–171)

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А Ильюнюшки не спится, мало со́бится;
Как²⁹⁹ зауснула ведь тут братия крестовая,
И встаёт-то ведь Илья да на резвы́ ноги,
А выходит-то ведь Илья да из белá шатра... (200–203)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Ай выходит-то Илья да со белá шатра,
Приходит к добру́ коню да богатырскому,
Брал его за поводы шелко́выи,

²⁹⁹ У И. Фепонова — «и».

Отводил от по́лотна от белаго,
А от той пшены от белояровой,
Да садился Илья на добра́ коня,
То он ехал по роздольицу чисту полю
И подъехал он ко войскам ко татарским. (II: 352–359)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Подъезжал он ко рать-силе ко великой,
Он просил себе тут Бога на́ помочь,
Да й пречистую Пресвятую Богородицу... (404–406)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Помолилсэ на восток всё Богу-Господу
Он во ту ли во востоцьню всё в стороноцьку,
Ко тому ли ко манастырю спасёному,
Ко тому ли ко Онтонию, Феодбсею;
Да поехал-то он тут да доброй молодець
Ишше конь-от у ёго да как сокол летит. (I: 278–283)

Мезенский певец:

И сомутились у стараго очи ясныя,
И разгорелось у стараго ретиво сердце;
Не увидел старьей свету белаго,
Не узнал старьей ночи темныя,
И расходились у его плечи могучия... (262–266)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А спучается со гóры со высокия,
А напучает он на рать-силу поганую,
А на сильних на могучих на татаревей. (205–207)

Мезенский певец:

И размахнулись руки белья,
И засвистела у его палица боевая,
И зачивкала его сабелька острая. (267–269)

Анна Васильевна Бронникова, деревня Нижняя Зимняя Золотица:

Застонали, заревели тотара проклятые... (64)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

А он стал как силы с крайчика потаптывать,
Как куда проедет — падёт улицмы,
Перевёрнется — дак переулкамы. (409–411)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А силу-ту он бьет да трои сутки не едаючи,
А не едаючи Илья да не пиваючи,
А с добра коня Илья да не слезаючи,
А добру коню отдоху не даваючи;
А бьёт-то силу до шести он дён,
А не едаючи Илья да не пиваючи,
А с добра коня Илья да не слезаючи,
А добру коню отдоху не даваючи.
А его доброй-от конь да проязычился... (208–216)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Взлепетал языком человечеким... (413)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Ай ты старьи казак да Илья Муромец!
А укроти-тко ты ведь сердце богатырскоё». (218–219)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

«Напускаешь ты на рать-силу й великую.
А ведь сила есть тут очинь сильняя,
А ведь воины-то есть могучии,
Поляницы есть ведь разудалыи;
Есть три пódкопа подкóпаны глубокиих,
Я прогрязну в первы ямы-пóдкопы глубокии,
Я оттуда с подкопов повыскочу,
А тебя Илью й Муромца повыздыну;
Я прогрязну в други ямы-пóдкопы глубокии,
А я с дрúгих ям-то ведь повыскочу,
А тебя Ильи Муромца й повыздыну;
Я й прогрязну в третьи ямы-пóдкопы глубокии,
Я ведь с третьих ям да как-нибудь повыскочу,
А тебя Ильи Муромца не выздыну».
Разгорелось сердце й у богáтыря
А у старого ль козáка Ильи Муромца,
Говорит тут он да й таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок,
Ты оставить хочешь в ямах во глубокиих!»
Он берет тут в руки плеточку шелкóвую,
Он тут бил коня да й по тучной бедры,
Перьвый раз он бил коня между ушей,
Дрúгой раз он между ноги между заднии,
А давал удары всё тяжелыи.
Яго й добрый конь тут богатырский,
По чистú полю он стал поскакивать,
Не в пример он зло поехал по чистú полю. (415—441)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добрóm коне сидит Илья, не старится. (II: 415—417)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Он прогрязнул в перьвы ямы-пóдкопы глубокии,
А он с перьвых ям еще й повыскочил
Да й козáка Илью Муромца й повыздынул.
Он прогрязнул в други ямы-пóдкопы глубокии,
А он с дрúгих ям еще й повыскочил
Да й козáка Илью Муромца повыздынул.
Он прогрязнул в третьи ямы-пóдкопы глубокии,
С третьих ям конь еще й повыскочил,
А козáка Илью Муромца й не выздынул,
Он свернулся с седельшка черкальского,
А упал в ямы-пóдкопы глубокии.

Иван Фепонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А сбежал его конь да во чистó полё,
Это начал он ведь по полю побегивать. (237–238)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Тут напáдали татарова й поганыи
На того ль дуродня добра молодца,
Да й сковали Ильи да й ножки резвыи,
Да й связали Ильи да ручки белыи,
Да й хотели срубить буйну́ й головушку.
Говорят тут татарова поганыи:
«Не рубите-ка ему буйнóй головушки,
Это есть богатырь святорусьский,
Вы сведемте его к собаки царю Кáлину,
Что он знает — над ним дак то пусть и делаёт».
Повели тут дуродня добра молодца
А к тому собаке царю Калину;
Приводили к собаке царю Калину
А вот оне да и во бел шатер. (454–467)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ай сидит де Идолишшо на девети стулах,
Ай сидит-то де он будто сильнѣй бугор... (228–229)

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы, Сенногубский погост:

Говорит собака ли царь Кáлина:
«Ай же ты, стерва й молодой шенок,
Напускаешь ты й на рать-силу великую,
А ведь сила есть тут очень сильняя,
Воины ведь есть могучии,
Поляницы есть ведь разудалыи,
Есть три подкопа подкопаны глубокии,
Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,
Не служи-ка ты князю ведь Владимиру,
Ничего ведь вы от князя не предвидите.
А служи ты мне, собаке царю Кáлины,
Положу я тебе ествушку й сахáрнию,
Положу я тебе питьвица медвянныи,
Я дарить буду й дары драгоценныи».
Говорит собака ли царь Кáлина:
«А раскуйте-ка Ильи вы ножки резвыи,
Развяжите-ка Ильи да ручки белыи».
Расковали Ильи да ножки резвыи,
Развязали Ильи да ручки белыи.
Старый козак тут Илья Муромец
А вставал мóлодец на резвы ноги,
Говорит тут он да й таковы слова:
«Ай же ты, собака ли царь Кáлина,
Не могу я служить тебе, собаке царю Кáлины,
У меня сделаны заповеди великии,
Что служить мне князю-то Владимиру,
Сохранить мне надо стольний Киев-град,
Сберегать я й буду церкви Божии,
Сохранять буду веру православную,
Сберегать буду князя Владимира». (468–478, 480–497)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же, старья казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной а за единый стол,
Ешь-ко ествушку мою сахарною,
Да и пей-ко мои питьица медвяныи,
И одежь-ко ты мою одежду драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью, —
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествушек сахарниих,
Не буду пить твоих питьецов медвяных,
Не буду носить твоей одежи драгоценныи,
Не буду держать твоей безсчётной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке царю Калину,
Еще буду служить я за веру, за отечество,
Ай буду стоять за стольний Киев-град,
А буду стоять за церкви за Господнии,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой королевичной». (II: 470–491)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то всё ведь царь поганой-от да всё неверной-от:
«Вы возьмите-ко да стрелоцьки калёныя,
Вы стреляйте-тко ёму всё во ясны оци».
Тут ведь говорит-от царь да таковы речи:
«Послужи-тко мне, Илейко, хоть три годика». (II: 222–226)

Николай Михайлович Швецов, деревня Ормы, Моша:

«У меня ведь есть две дочери,
Ты посватайся на моих дочерях,
Я любую отдам за тебя замуж».
Говорил Илеюшка не с упадкою:
«Уж ты чужда Калин Смарадонович,

Не случилось у меня сабли вострыя,
Я посватался бы на твоей шеи». (233–239)

Казак Дьяков, Бухтарма:

Тут царю за беду стало,
За злую досаду показалось,
Соскакивал на ноги резвья,
Бил Илью по белу лицу,
Избивал лицо его до крови. (136–140)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то собака таковы речи:
«Отсеките у нево вы буйну голову». (II: 232–233)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

И бегаёт его маленький Калиненок,
Калиненок маленький царенок... (144–145)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Говорит-то собаки царю рódной сын
Как по имени-то всё да Торокашко-то... (II: 240–241)

Леонтий Гаврилович Тупицын, деревня Ересная Барнаульской волости:

«Недовлеть тебе молодца бить по белу лицу,
И тебе лучше бы молодца уговаривать». (146–147)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

«Ты спусти, ты татенько родимой мой,
Ты спусти-ко старого да на Божью волю:
Сединой-то ведь старой изукрасилса». (II: 242–244)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А связали-то Ильи да ручки белыя
А во тыи ли во пúтыни шелкóвья... (241–242)

Кириша Данилов:

Втапоры Ильи за беду стало...

<...>

Говорил таково слово:

«Сабака, проклятой ты, Калин-царь,

Отойди прочь с татарами от Киева!

Охото ли вам, сабака, живым быть?»

<...>

И тут Калину за беду стало

И плюет Ильи во ясны очи:

«А русской люд всегда хвастлив,

Опутан весь, будто лысай бес,

Еще ли стоит передо мною, сам хвастает!»

(160; 162–165; 175–179)

* * *

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Не видать как старóго казáка Ильи Муромца да из чистá поля.

Ай как солнышко князь опять да не весел стал,

Ай как сам говорил да таковы слова:

«Ай же ты княгина Апраксия!

Ай как видно как пришло тое времечко да великое,

Ай как топерь пришло да отдать в полон

А как славный город нам Киев-от;

А как всем князьям да боярам ведь

Ай как быть да порозъехаться,

Ай как всем поляницам удалым,

Ай русейским сильниим могучим богáтырям,

А нам пришло с тобой как на убег бежать.

А как видно на кого была надея великая,

Ай на старáго казака да Илью Муромца,

Ай у того топерь да уехано

А в дáлече далéчо да в чистó полé,

Ай не будет ён из чиста поля».
Ай как тут ёна говорит ему таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владимир князь!
Забери остатнее столованье да почестен пир,
Ай забери-тко ты топерь всех князей бояр,
Всех сенаторов да думных,
Ай как всех вельмож, купцей богатых,
Всех поляниц да ты удалых,
А русейских сильних могучих богатырей.
<...>

Ай возьми-тко ты рассылай-ко ведь³⁰⁰
А указы ты строгие,
Ай по городу по Киеву,
Ай по городу по Чернигову,
Ай по прочиим городам по губерским, по уездным,
Ай выпускай затюремщиков грешников,
Ай прощай-ко во всех винах великих,
Ай как всих призывай к себе да на почестен пир.
Ай как призывай-ко сильних могучих богатырей...
<...>

А може приедут³⁰¹ к тебе да на почестен пир.
А пусть-ко оны со честного пиру да порозьедутся
да порозойдутся,
А мы тожно с тобой на побег пойдём».
<...>

Ай как забирал он остатнее столованье да почестен пир.
Ай как тут приезжали князи бояра ведь
Сенаторы да думные,
Ай вельможи, купци все богатые,
Поляницы удалые,
А русейски сильни могучи богатыри
Ай ко солнышку князю Владимиру на почестен пир;
Ай как ведь набрались полны полаты белокаменны
Все удалых добрых молодцов.
Ай как ведь да сядилисе
Ай за ты столы за дубовыи княженецкие,
А за ты за ествы сахарные,
А за ты за напитки за медвяныи.
А как боле сядят оны,

³⁰⁰ У А. П. Сорокина — «публикуй-ко ведь».

³⁰¹ У А. П. Сорокина — «приеде».

Никто не пьет да не кушает,
А у всех повешены да буйны головы
Ай как ниже плеч своих могучиих,
Притуплены очушки ясны,
Очушки ясны во кирпичной пол.

(307–331; 147–155; 158–160; 334–352)

Андрей Васильевич Сарафанов, Киж, Заонежье:

Приезжает ко князю ко Владимиру
Его рódный племянничек,
Млáдый Ермак Тимофеевич. (39–41)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Идет молодец по новым селям,
Идет он — будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Здравствует князя со княгиною:
«Ай же ты, мой любимый дяденька!
А чего кричишь, тревожишься?» (174–181)

Андрей Васильевич Сарафанов, Киж, Заонежье:

«Что же ты сидишь невесел,
Что же ты буйну голову повесил?» —
«Ай же млáдый Ермак да Тимофеевич!
Чего же мне веселиться?
Когда во Киеве была добрá пора,
Тогда во Киеве было защитчиков,
Защитчиков и заступчиков,
А как стало во Киеве недобрá пора,
Так нет во Киеве защитчиков,
Защитчиков и заступчиков».
Отвечае млáдый Ермак Тимофеевич... (46–56)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Ай же ты, любимый мой дяденька!
Я могу служить-стоять за стольный Киев-град.
А есть ли у тебя латы-кольчуга в сорок пуд,
Есть ли палица мне в сорок пуд,
А есть ли мне добрый конь
Возить удалаго добра молодца?» —
«Ах ты, млад Ермак Тимофеевич!
Ты дитя захвастливо, заносливо,
Заносливо дитя, неразумное:
Не служить, не стоять ти за Киев-град!» —
«Ай же ты, мой любимый дяденька!
Я могу служить-стоять за Киев-град,
Только дай мне латы-кольчугу в сорок пуд,
Палицу дай сорокапудовую
И дай мне добра коня богатырского». (190–204)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

«Дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать мне-ка силушки поганаго».
Говорил ему Владимир, князь стольно-киевский:
«Ай же ты, любимый мой племничек,
Молодой Ермак Тимофеевич!
Не дам тебе прощеньица-благословленьица
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганаго:
Ты, Ермак, младешенек,
Младешенек, Ермак, глупешенек.
Молодой, Ермак, ты, лет двенадцати,
На добром коне-то ты не езживал,
В кованом седле ты не сиживал
Да и палицы в руках не держивал;
Ты не знаешь спонаровки богатырския:
Тобя побьет литва поганая;
И не будет-то у нас богатыря,
То нам нё на кого будет понадеяться». (I: 121–139)

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

«От роду тебе всего девенадцать³⁰² лет;
Где же у тебя да родный батюшка?»
Воспроговорит млад Ермак Тимофеев сын:
«Ушел-то мой родной батюшка
Ко Ерману, ко Сергию.
Дай ты, Солнышко, мне, Владимир князь,
Прощеньицо и благословеньицо...» (С. 37)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

«А спусти-тко ты меня да ты в чистó полё.
Ай как съезжу я да сыщу топерь
А как стараго казака да Илью Муромца
А со всёй я с дружиной со хороброю».
Ай как ён говорыл ему:
«Ай же ты, молодой Ермак,
Молодой Ермак сын Тимофеевич!
Ай как ты, молодёц, молодёшенок,
Ай как ты, молодёц, да лет двенадцати,
Не бывать тебе да в чистóм поли,
Не видать те стараго казака да Ильи Муромца.
Ведь промедлилось времечки три месяца,
А в три месяца Бог знат куда у его топерь уехано,
А как може уехано
Край светушка край белаго». (359–373)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Говорит Ермак, поклоняется:
«Ай же ты, дядюшка мой рóдный,
Владимир, князь стольно-киевский!
Когда не дашь мне прощеньица-благословленьица
Повыехать в раздольице чисто поле,
Поотведать силушки поганаго,
Так дай-ка мне прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Посмотреть столько на силушку поганую». (I: 140–148)

³⁰² У В. П. Щеголенка — «семнадцать».

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Спрогóворил князь стольно-киевской:
«Ты, млáдой вы́нош, перéрвишься,
Теби-то вси двенадцать лет!» —
«Дашь коня — поеду, не дашь коня — пешóй пойду...» (75–78)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Дал ему дядюшка прощеньице-благословленьице
Повыехать в раздольице чисто поле,
Посмотреть на силушку поганую: (I: 149–151)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Ступай, Ермак, на конюшенку,
Выбирай себе добра коня по любви;
А латы-кольчута на конюшне есть,
Палица есть тая богатырская». (205–208)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Ай наливал ему чару³⁰³ зеленá вина,
Ай как мерой чара полтора ведра,
Весом как чара ровно полтора пуда.
Ай подавал-то ему солнышко князь да единóй рукой,
Принимал как молодой Ермак да единóй рукой,
Выпивал как молодой Ермак да единým здухом.
Ай потом как он ставал да на резв́и ноги,
Ай как тут скакал через ты столы ён дубовые,
Через ты еств́и сахáрные,
А через ты напитки да медвяные...
<...>
Ай бежал потом он на ш́ирок двор... (416–425; 429)

³⁰³ У А. П. Сорокина — «третью да чару».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Тут бежал Ермак на конюшенку,
Выбирал себе добра коня по любви,
Выбирал себе палицу богатырскую...

<...>

А латы-кольчуга призаржавели:
Бросил он латы о кирпичен пол,
Слетела ржа от лат-кольчуги... (209–211; 213–215)

Павел Абросимович Логинов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Стали латы старьи лучше прежнего.
За тредеветью замками
Отцовский конь, говорят, есть.
Он идет, а конь на стрету идет. (141–144)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Ай поехал он с того ли двора да княженецкаго. (431)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Приехал он далече во чисто полё,
Ко тому-то дубу ко Нёведу,
Ко тому кресту да Леванидову.
Сидят тут двенадцать богатырей,
Сидят у Самсона во³⁰⁴ белом шатре,
Играют в шашки-шахматы заморские. (82–87)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

Спроговорит Ермак Тимофеевич:
«Во том во городе Киеве
Хлеба трёснуть есть ё кому,
А за Киев град постоять некому». (266–269)

³⁰⁴ У А. Б. Сурикова — «у Ильи Муромца в».

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Говорят ему могучие богатыри:
«Ай же ты, Ермак Тимофеевич.
Повыстой, ты поди во сырой дуб,
Сосчитай-то силу по знамению». (88–91)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

«Погляди на силу великую:
Ужо ли сила на ход пошла?»
Повыстал Ермак во сырой дуб,
Поглядел на силу великую...(274–277)

Андрей Пантелеевич Сорокин, Пудога:

Ай как он увидел на тых полях на Елисилах,
А стоит-то уж силушки как на чистом поли,
А как мелкаго лесу шумячего,
Ай не видно ни краю да ни берега,
Ай как знаменьёв на чистом поли
Как сухого лесу жароваго... (438–443)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Нагнано-то силушки черным-черно,
Черным-черно, как черного ворона;
И не может пропекать красное солнышко
Между паром лошадиным и человеческим... (I: 172–175)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Ясну соколу в вешной день не облететь... (23)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Меженным долгиим денечком
Черну ворону этой силы не обгрятя... (I: 178–179)

*Василий Петрович Тайбарейский, деревня Лабожское,
Нижнепечорский район:*

Рыскучу зверю в осенню ночь не обрыскать,
Ни часту дожду эту силушку не примочить. (24–25)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Посмотрел Ермак на силушку великую... (I: 182)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

А там сила на ход пошла. (278)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Его сердце богатырско не ужахнулось. (I: 183)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Скочил Ермак со сыра́ дуба... (94)

Трофим Григорьевич Рябинин, Кижы, Заонежье:

Он зовет себе Бога на́ помочь,
Въехал-то он в силушку великую,
Стал он эту силушку конем топтать,
Конем топтать, копьём колоть.
Бьет он эту силушку, как траву косит,
И бился целья суточки,
Не едаючись и не пиваючись

И добру коню отдѹху не даваючись;
А в нем силушка велика не умѣньшилась,
И в нем сердце богатырско не ужѹхнулось;
В двадцать четыре часика положенных
<...>

Этой силы стало в поле мало ставиться. (*l*: 184–194; 196)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лещуконский район:*

Поганой Издолище заметалосе:
Не знать, оно засыпаетси,
Не знать, оно оглупаитси. (209–211)

Архангельский певец:

«Ой вы, слуги мои верныя!
Вы ведите Илейку на широкий луг,
Вы стреляйте его стрелами калеными!»
То Илеюшке не поглянулося,
Говорил он таково слово:
«Ой ты гой еси, Калин-царь сын Смородьевич³⁰⁵!
Ты так казни, как на Руси казнят богатырей:
У нас выведут на поле на Куликово,
Положат голову на плашку на липову,
По плеч отсекут буйну голову;
Не толь старику будет смерть страшна!»
То собаке³⁰⁶ слово показалося:
«Выводите его на поле Куликово,
Положите голову на плаху на липову,
По плеч срубите буйну голову!» (237–251)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А здымали-то Илью да ведь со погребба...
<...>

³⁰⁵ У архангельского певца — «Батый-царь сын Батыевич».

³⁰⁶ У архангельского певца — «Батью».

А повели его на казень-ту на смертную,
 Ай отрубить-то ведь Ильи да буйна голова.
 А ведут Илью да мимо церковь соборную,
 А возмолился тут Илья да всем святителям. (240; 243–246)

Иван Аникиевич Касьянов, село Космозеро, Кижская волость:

...И ко святым³⁰⁷ киевским угодникам:
 «Вы киевские чудотворцы-угодники!
 Не выдайте татаринам поганым:
 Я век буду стоять за дом пресвятой Богородицы»
 И тогда послал Господь силу ангельскую,
 Оборвали повода железны. (337–342)

Николай Михайлович Швецов, деревня Ормы, Моша:

От стряхнулся Илеюшка Муромец,
 Все немецкия железа попадали... (245–246)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай как из далёча далёча из чистá поля
 Набежал-то тут к Ильюшенки да добрый конь,
 Ай хватил-то он зубамы да за тья пúтыни шелкóвья,
 Оборвал-то пúтыни шелкóвья,
 А слободил его он ручки да белья.
 А скочил Илья да на добрá коня,
 А выезжает-то Илья да во чистó полё... (247–253)

Василий Петрович Щеголенок, Кижы, Заонежье:

Посмотрел-то во трубу подзорную
 На поле на чистое.
 И только нагнано татар поганных...
 <...>

³⁰⁷ У И. А. Касьянова — «святым».

И во поли чистом млад Ермак Тимофеев сын
Как на море волна да колеблется,
Рубит татар да поганых. (С. 38–39)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

Не ясён сокол напускается
На гусей, лебедей, на серых малых уток,
На татар да на поганых
Напускается Ермак Тимофеевич.
Едет он — улицá валит,
Свернет — переулочкой.
Бьет, а вдвоем-втроем конем топчет,
И силу у царя Кáлина валом валит.
<...>
И проговорил старой казак Илья Муромец:
«Что больше некому выехать со Киева,
Как повыехал млáдый Ермак да Тимофеевич.
Прирвет он свою силу богатырскую,
Убьют его татара да поганьи». (95–102; 105–109)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай натягиват Илья свой тугой лук,
Налагает ведь он стрелочку каленую,
А сам он ко стрелы да приговáриваёт:
«А пади моя стрела ни нá воду, ни нá землю,
А не в темный лес, да не в чистó полё,
А пади моя стрела на тую ли на гору на высокую,
А проломи-тко крышу-ту шатровую,
А пади-тко крестному ты батюшку,
А крестному ты батушку во белу грудь,
А роздоби ему ты груди белыя,
А за тую за измену за великую».
А тут стрелйил да Илья Муромец;
А летела тут стрела да ведь на гору на высокую,
Ай проломилa она крышу-ту шатровую,
А пала она крестному отцу на белу грудь,
А на белую-ту грудь да во злачёный крест.
А ото сну тут крестный пробуждается... (254–270)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как ставал, скоцил да сам сонной крёсной вить... (99)

Иван Фёонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Ай вы сильнии могучии богатыри,
А пробуждайтесь ото сну да вы от крепкаго!
А где-то у нас старьи казак да Илья Муромец?
А мы едим да пьём да проклаждаемся,
А мы не ведаем незгоды над Ильюшкой».
А ставали ведь тут сильнии могучии богатыри,
А скоро-то ставали на резвы́ ноги,
Ай выходили-то оны да из шатра долой... (272–279)

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Говорит им Самсон Колыванович³⁰⁸:
«Ай же вы, русьские богатыри,
Поди-ка ты, Добрыня Никитец сын,
Сходи-ка ты во сырой дуб, —
Не упал ли Ермак со сыра́ дуба́?»
Пришел Добрыня Никитинец сын,
Прибегает он во бел шатер:
«Не ясный сокол полетывает,
Там не черный ворон попурхивает,
Поскакивает удалый добрый мóлодец,
Бьет рать-силу великую
Куда махнет — да там улица,
Куда перемахнет — с переулками!» (98–110)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«Ах вы дурни, русские богатыри!
Погубили вы головку наилучшую:
Бьется там Ермак — пересядется!
Скоро седлайте добрых коней,

³⁰⁸ У А. Б. Сурикова — «Илья Муромец».

Все поедem-те туда, молодцы!»
Начали они седлать добрых коней:
Стала мать сыра земля продрагивать;
Поезжали ко силы ко татарския.
Как приехали ко силы ко татарския
Не видят, куды силы край есть,
Не видят Ермака Тимофеевича. (275–285)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Где стоит-то сила царя Калина —
Как Ильюшенька бьет да со сторонушки... (105–106)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Закрыцел-то Илеюшка по-зверыному,
Засвистел-то Илеюшка по-соловьиному.
<...>
Забренцела тут сабелька-та вострая,
Завоёвала тут палица железная...
<...>
Как наехал Добрынюшка Микитиц млад,
Как наехал Олешенька Поповиць сын...
(266–267; 264–265; 268–269)

Иван Фёдоров, деревня Мелентьевская, Пудога:

А садилися онѣ да на добрых коней,
А спущалися онѣ да с высокóй горы,
Нападали на поганных татаревей... (280–282)

Сузунский певец:

Далеко в чистом поле рати стретились.
У собаки³⁰⁹ рать — туча чорная,
Княженецкая рать — молонья светлая. (56–58)

³⁰⁹ У сузунского певца — «Тугарина».

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Говорил Ильюша таковы слова:
«Ай же вы, русские могучии богатыри!
Идьте, братцы, по крайчикам,
А я поеду по середочке
Искать млада Ермака Тимофеева».
Поехали богатыри по крайчикам,
А Илья поехал по середочке
Искать млада Ермака Тимофеевича. (286–293)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Как кругом-то силу-то со всех сторон окружили,
Нацяли силу бить у царя Калина... (107–108)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

А и вси во городи во Киеви взволновалсе народ
А и на того ли на собаку царя Калина³¹⁰,
Побежали за им кто кому желательнѣё,
А хто с топорами же за им да кто с орудий ж. (152–155)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Не ясен-то сокол по небу разлетывает, —
Млад Ермак на добром коне разъезживает
По тыя по силы по татарския;
Куды махнет палицей, туды улица,
Перемахнет — переулочек.
<...>
Говорил Ильюша таковы слова... (294–298; 286)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

«Ай же ты смелый Алеша да Поповиц!» (111)

³¹⁰ У П. С. Пахоловой — «на царя да на Кудреанка же».

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

«Поезжай ты³¹¹ в силу великую
Бери ты³¹² храпы железные,
Младому Ермаку Тимофеевичу
Накидывай-ка³¹³ на плечи могутнии...» (303–306)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

«И подтягивай его ко белой груди,
Чтобы укротил свое сердце богатырское,
И проси-ка ты его словами ласковыми:
“Ай же ты млáдый Ермак Тимофеевич!
Ты позавтракал, дай же мне и пообедати”».
У Ермака да Тимофеевича
Розгорелось сердце богатырское,
Прирвал его храпы белые,
А еще этого сердитее поехал
Валять в силу поганую.
Усмотрел старый казак Илья Муромец,
Что прирвал Ермак храпы белые:
«Прервет свою силу богатырскую,
Убьют его татары да поганые».
Посылает он Добрынюшку Микитича...
<...>
Посылает во силу во поганую... (115–129; 131)

Козьма Романов, деревня Логмасы, Петрозаводский уезд:

«Поди, Добрынюшка Никитиничь,
Ласковыми словами его уговаривай
И удерживай баграмы железными».
И скоро Добрынюшка Никитиничь
Поехал в силу-войско татарское,
И захватывал баграмы железными,
И уговаривал словами ласковыми:

³¹¹ У Д. В. Суриковой — «поезжайте».

³¹² У Д. В. Суриковой — «берите».

³¹³ У Д. В. Суриковой — «накидывайте».

«Укроти свое сердце богатырское,
Младый Ермак Тимофеевич!
Ты младешенек, глупешенек,
Сорвешься ты, надорвешься». (138–148)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

И как накинуд он храпы белые
И подтянул его ко своей белой груди,
То младый Ермак да Тимофеевич
Прирвал его да храпы белые,
А еще этого сердитее поехал
Рубить татар да и поганных.
В это же время смотрит старый казак Илья Муромец
И видит, что прервет Ермак Тимофеевич
Свою силу богатырскую:
Не могли тыи воины укротить его храбрости.
<...>
И отправился во силу во поганую...
<...>
Подъезжает он к младу Ермаку да Тимофеевичу...
(138–147; 150; 152)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

Выскочил он со добра коня,
Скочил ему на добра коня,
Захватил его за могучи плечи,
Закричал во всю голову:
«Ах ты, млад Ермак Тимофеевич!
Укроти свое сердце богатырское...» (300–305)

Андрей Васильевич Сарафанов, Кижы, Заонежье:

«Ты же сегодня ведь позавтракал,
Ты же сегодня да и пообéдал,
Так дай-ка ты мне хоть паужинать,
Побить да и татар да поганных». (157–160)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

«А мы нонь за тебя поработаем:
Ты бьешься, Ермак, — сам пересядешься!»
Тут Ермак Тимофеевич
Укротил свое сердце богатырское. (306—309)

Павел Абросимович Логинов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Ах-ко старый казак да Илья Муромец,
Заехал бы ты спереди́,
Попал бы на место поганого татарина,
Шшелка́ бы дал».
Оттащил его с силы великия на отдых.
Как еще его крестной батюшка
Самсон Саму́йлавиць вывез оттуль,
Только отвез — Богу душу отдал. (179—186)

Николай Михайлович Швецов, деревня Ормы, Моша:

Они стали метати во жеребей,
Да кому итти по праву́ руку,
А кому итти по леву́ руку.
На паю Илеюшки не обидели,
Доставалось итти по серёдке по матицы,
Противо собаки царя Калина.
Выходили они да во чисто полё,
Они стали силу бить, как траву косить... (259—266)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А прибили, прирубили да всю силу ту несметную,
А несметную ту силу да несчётную. (283—284)

Никифор Прохоров, деревня Бураково, Пудожский уезд:

А собака Калин-царь во белом шатре³¹⁴
Спит он на кровати — рыбий зуб,
Под тым одеяльцем соболиным;
Спит он, молодец, прокладается,
Над собой невзгодушки не ведает.
<...>

Наезжает Илья Муромец,
Хватил Калина за желты кудри,
Выдернул с кровати — рыбий зуб,
Бросил его о сыру землю;
Выдернул с кармана плеть шелковую,
Начал его, собаку, чествовать,
А бьет он, сам выговаривает:
«Каково, собака, zde жениться,
От живаго мужа жена отлучить?»
Тут клянёт собака, проклинается:
«Будь трое проклят на веку тоем,
Кто станет во городе жениться,
От живаго мужа жена отлучать».
Тут клянёт собака, проклинается:
«Будь трое проклят на веку тоем,
Кто станет во городе жениться,
От живаго мужа жена отлучать». (313–317; 319–335)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

«Закажу я дитям да внуцятam —
А не то што на Русеюшку-то ездити,
А штобы думой более да не думати!» (111–113)

Григорий Алексеевич Якушов, деревня Мелентьевская, Пудога:

«Не бей-ко ты меня, не кровавь топерь,
Вези-тко ты во Кийёв град.
Как я платить стану дань-пошлины,

³¹⁴ У Никифора Прохорова — «А собака Калин-царь / На чистом поле во белом шатре».

Как за двенадцать лет,
За двенадцать лет с половиною,
За прошлые эти годы, как за нунешние!»
Садился тут ведь Кáлин да на добрá коня,
Приехал к князю да Владимиру,
Князю́ ещо да поклоняется,
Сам-то тут-то во слезах-то ведь,
Во слезах-то во великиих:
«Хорошо видь я споженилсе ведь, —
Как тут на моей спине да кожи нет!
Хорошо-то я тут да видь с молодой женой,
С молодой женой забавлялся-то!» (297–311)

Федосья Емельяновна Чуркина, деревня Чуркино, Пижма:

Стали после этого богатыри думать — куда нынче ехать?
А княгина это увидела, прилетела <...> сама за богатырьми и закла-
нялась, зазвála их в Киев. (С. 21)

Фёдор Андреевич Конашков, Пудога:

Тут поехали сильни могуци богатыри
Как ко князю-то в город, ко Владимиру.
Принимал Владимир-князь до со всей радости,
Всех молодцев-то он пожаловал... (114–117)

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев, деревня Гарницы,
Сенногубский погост:*

Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Благодарствуй вас, могучие богатыри,
Что стояли вы за славный стольний Киев-град,
Охраняли да й церкви Божие,
Сберегли меня, князя Владимира».
А того собаку царя Кáлину
Отпустил во славну во темnú Орду. (625–631)

Сузунский певец:

А и Калин-царь³¹⁵ не взвидел бела дня,
Убежал он в свои улусы загорския,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца. (60—62)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

А оставили ёму сына любимого,
Да за то ёго не сказнили, не срубили-то —
Он велел спустить Илью всё на Божью волю.
Да уехал царь да во своё место
Не на цёрньёных-то да больших кáраблях;
На мелкíх-то всё уехал лёхких шлюпоцьках... (II: 267—272)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

Благодарили старá казака да Илью Муромца:
«А сберег ты нам стольне Киев-град,
Не знаем теперь, чем дарить тебя». —
«Не надо мне ваши подарочки, —
Говорит тут Илья Муромец, —
Меня храните да в темницу не садíte». (230—235)

Аграфена Матвеевна Крюкова, Зимний берег Белого моря:

Говорил-то князь Владимир таковы речи:
«Я могу зделать тебя князём, боярином». —
«Мне ненадобно на сём свети слава сосьветная;
Я не буду жить да на двори у тя,
Я не буду слушать-то бояр всё кособрюхиих;
Лучьше буду я ездить по цисту́ полю». —
Собирал-то для ево-то нашо красно солнышко,
Ишше ласковой князь да всё Владимир-свет,
Собирал-то для ёго всё пир великой-от
Ай на целую недельку поры-времени;

³¹⁵ У сузунского певца — «Тугарин».

Шьчобѹ собрать-то всех могуциих богатырей,
Шьчобѹ собрать-то всих князьей да шьчобѹ бѹаров,
Шьчобѹ всех простых хрисьян прожитоцньих,
Шьчобѹ за здравье шчтобы ели, пили, кушали
Не за князя шьчтобы, не за кнегину-ту.
Шьчобы за славного могуцего богатыря. (I: 340–355)

Казак Дьяков, Бухтарма:

И приехали к князю Владимиру со славою,
Была гульба, борьба и кулачный бой,
Владимир князь их потчивал,
Три дня гуляли, веселилися. (171–174)

Кириша Данилов:

Пошел Илья Муромец искать своего товарища
Тово ли Василья-пьяницу Игнатьева,
И скоро нашел ево на кружале Петровским,
Привел ко князю Владимиру.
А пьет Илья довольно зелено вино
С тем Васильем со пьяницей,
И называет Илья тово пьяницу Василья
Братом названным.
То старина, то и деянье. (218–226)

* * *

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

А поехали богатыри да по своим местам,
По своим местам, к отчям, к матерям,
А да к отчям, к матерям да к молодым жонам. (381–383)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

Как поехали они и путём-дорогою назать, —
Как лёжыт-то этой силы да много и премножесво.
Они тут же и сами себе да удивилисе... (271–273)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

Они едут да сами хвастают,
Как хвастают, таковы речи говóрили... (336–337)

Михаил Гаврилович Михашин, деревня Тигляево, Мезень:

«Как ище бы естолько силы, дак то бы мы выбили!..» (274)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Говорят тут два брата Долгополые,
Как Лука, Матвей, дети Петровские:
«А бы кто нас может победить ноньче?» (356–358)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

Ишша тут два братця не натешились,
Не натешились, приросхвастались.
А один говорил таково слово:
«А было б в матушки, в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцё, —
Поворотил бы матушку сыру землю.
А другой говорил таково слово:
«А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого». (С. 35)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Ай присекли мы бы силушку небесную». —
Услыхал жа восударь тогды Илья Муромець...
<...>
«Хорошу жо вы как шуточку да нашúтили;
Ише как эта шуточка вам с рук сойдёт?»

(307–308; 310–311)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Говорит им старой таково слово:
«Уж вы ой еси, два брата Долгополые!
Кабы эти ваши слова богопротивные». (363–365)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Да легли тогда богатыри во белы шатры.
Ише спят они богатыри да по перьвой день,
Ише спят они богатыри да по второй день,
Ише спят тогда богатыри сами по третьей день
Со того жа со устатку со великого.
Да по утру-ту было, да утру очунь рано жа,
По восходу-ту как было соньця красного... (312–318)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

На светлой зори раноутренней,
На выкате солнышка красного,
Стал-то старый со постелюшки.
Умывалса он да ключевой водой,
Утиралса полотёнышком беленьким,
Помолилса Спасу Преображенскому,
Божьей Матушки да Богородицы. (228–234)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ише вышел де Илеюшка изь белá шетра,
Ай глядит на орду-силу тогда неверную, —
Ай стоит сила-орда вся живёхонька. (319–321)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

По грехам по их так ведь сделалось:
А которой сечен был надвое,
А возстало тут два тотарина;

А которой сечен был натрое,
И возстало тут три тотарина. (С. 35)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Как неверно собранье скошевалосе...
<...>
Забегал тут стар да во белой шатёр:
«Уж вы братыца мои товарищи,
Не докуль вам спать — порá вставать!
Я ведь был на улице широкое,
Я смотрел и здрел да во чисто полё,
Там неверно собранье нынче ожило:
Мы которого секли ведь нáтрое,
Тот втроем садитса на одну лошадь;
Которого секли мы нáдвое,
Тот вдвоём садитса на одну лошадь...» (237; 242–251)

Марья Дмитриевна Кривополенова, деревня Шотогорка, Пинега:

Говорит как тут да Илья Мурович:
«Уж вы гой еси, два братёлка!
По грехам по нашим так сделалось». (С. 35)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

«Ише хто-то де эту шуточку, верно, да нашучивал,
Ише надо тому шуточка отшучивать». (323–324)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

И кабы эта ноньче сила, нонь неверная,
Находити им стала на белой шатер.
Кабы тут все робята зволновалисе,
Выходили кабы они из бела шатра,
Как садились они скоро на добрых коней;
Опять они стали по силы нонь поезживать,
Кабы стали силу нонь помахивать... (374–380)

Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый), деревня Малые Нисогоры, Мезень:

Они били эту силу да всё рубили веть.
Они сколько тут ею дак они бьют ею, —
Убыли ею да тут веть нету же! (377–379)

Фёдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ай которого как рубят они на́двое,
Изь того же как рожайтьце два тотарина;
Да которого рубили да они натрое,
Ис того ведь как рожайтьсе три да тотарина.
Да рубилисе богатыри они по перьвой день,
Ай рубилисе богатыри они по вто́рой день,
Ай рубилисе богатыри сами по третей день,
Не пиваючись рубили да не едаючись,
Со добрых коней они сами не съезаючись. (335–343)

*Александр Михайлович Мартынов (Олёкса Малый),
деревня Малые Нисогоры, Мезень:*

Пресвята-де Богородица Илеюшки глас гласит:
«Уш ты ой еси, Илеюшка тут Мурамец!
Нам живым, верно, с мёртвыми не наратицьсе!»
Да скрычал бы Илейка громким голосом:
«Уш вы ой еси, дружья, братья, таварыщи!» (380–384)

Гаврила Леонтьевич Крюков, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Уж нам полно, братцы, битисе, живым с мёртвыма дратисе!
Уж простит нас Господь а в такой вины?»
Как молилисe они Спасу пречистому;
А тут пала вся сила поганая. (371–374)

*Александр Иванович Палкин, село Большие Нисогоры,
Лешуконский район:*

Да тут стали резвы́ кони брѳдить в крови до резв́а брюх́а.
Де тут прираздвинулась и мать сыра земля,
Де как прожрала она всю силушку невѳрную³¹⁶. (222–224)

Фѳдор Тимофеевич Пономарев, село Верхняя Зимняя Золотица:

Закрычал тогда Илеюшка зычьним голосом:
«Уж вой еси, дружинушка вы хоробрая!
Поежайте-ко, дружина вся, по своим местам». (347–349)

Степан Григорьевич Шуваев, деревня Нижса, Долгощельская волость:

«И отступите вы от дела-то от ратного!..» (280)

Мезенский певец:

Садилась тут удалы на добрых коней,
Поехали удалы ко городу ко Киеву,
Заехали они в крашен Киев град,
Во те же во честны монастыри,
Во те же пещеры во киевски.
Там все они представилися. (314–319)

Домна Васильевна Сурикова, деревня Конда, Заонежье:

Остался один младый Ермак Тимофеевич. (338)

³¹⁶ У А. И. Палкина — «Кудрев́анкову́».

Антон Борисович Суриков, деревня Конда, Заонежский район:

Поехал Ермак в стольный Киев-град
Ко ласковому князю ко Владимиру:
«Ах ты, ласковый-то князь стольно-киевской,
Ах ты, крестный ты мой батюшка!»
Спрогóворил князь стольно-киевской:
«Ай же ты, млад Ермак Тимофеевич.
Возьмешь ли города с пригородками,
Возьмешь-ли сёла да с присёлками?»
Да спрогóворил Ермак Тимофеевич:
«Не надо мне городов с пригородками,
Не надо мне сел да с присёлками,
Дай-ко мне привелегию:
Во каждом уездном городе
Пивцо-винцо пить безденежно-беспошлинно!»
И собрал свою дружинушку хоробрую,
На Сибирь пошел Ермак Тимофеевич. (149–164)

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА

Источники текста

- Николай Картавенко, село Усть-Урень Симбирской губернии* (Илья Муромец: [Былина] № III/3 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 31–34.)
- Влас Иванович Чекалёв, село Верхняя Зимняя Золотица* (Илья Муромец и разбойники: [Былина] № 97 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 461–462.)
- Василий Игнатьевич Лагеев, село Усть-Цильма* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 114 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 518–523.)
- Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская, Усть-Цилемский район* (Илья Муромец: [Былина] № 1 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 47–52.)
- Егор Плотников* (Илья Муромец: [Былина] № II/5 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 19–20.)
- Певец из села Станичное Симбирской губернии* (Илья Муромец: [Былина] № III/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 25–30.)
- Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень* (Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 312 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 46–52.)
- Иван Захаров, деревня Пога, Водлозеро* (Поездки Ильи Муромца: [Былина] № 197 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 9–11.)
- Фёдор Никитин, Выгозеро* ([I] Три поездки и борьба с Соловьем-разбойником: [Былина] № 3 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. IV. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1867. — С. 16–25; [II] Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 171 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 612–621.)

- Колодозерский старик, Пудога* (Об Илье Муромце: [Былина] № 11 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 62–65.).
- Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора* (Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 19 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 78–88.).
- Карп Иванович Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район* ([Илья Муромец и казна монастырская]: [Былина] № 22 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 227.).
- Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора* (Илья Муромец: [Былина] № 53 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 221–230.).
- Яков Семёнович Еремеев, деревня Трихнова горка, Кенозеро* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 6 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. — С. 14–17.).
- Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район* (Илья Муромец и Соловей Разбойник: [Былина] № 1 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938. — С. 111–116.).
- Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Рослякова, Кенозеро* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 266 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 361–365.).
- Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень* (Первая поездка Ильи Муромца: [Былина] № 360 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 298–308.).
- Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка, Нижнепечорский район* (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 46 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 289–296.).
- Кириша Данилов* (О станишниках или разбойниках [«Как далече-далече во чистом поле...»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 223–224.).
- Николай Михайлович Швецов, деревня Ормы, Моша* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 305 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 498–501.).

- Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гаревы, Усть-Цилемский район* (Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 47 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. — С. 296–300.).
- Ксения Кондратьевна Осташова, деревня Уег, Усть-Цилемский район* ([Илья Муромец и разбойники]: [Былина] № 19 // Былины Печоры и Зимнего Берега: [Новые записи]. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 96–97.).
- Михайло Иванович Тряпицын, деревня Усть-Поча, Кенозеро* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 240 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 268–272.).
- Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица* (Поездка Ильи Муромца во чисто поле: [Былина] № 94 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 270–273.).
- Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 221 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 146–150.).
- Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 287 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 424–429.).
- Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема, Лешуконский район* (Поездки Ильи Муромца: [Былина] № 13 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 181–186.).
- Иван Александрович Гурьбин, деревня Кривцово, Кенозеро* (Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 271 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 375–379.).
- Иван Фёпонов, деревня Мелентьевская, Пудога* (Последняя поездка Ильи Муромца: [Былина] № 58 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 434–438.).

Николай Картавенко, село Усть-Урень Симбирской губернии:

Нам не жалко пива пьяного,
Не жалко зелена вина,
Только жалко смиренную беседушку.
Во беседе сидят люди добрые,
Говорят речи хорошия
Про старого казачка, Илью Муромца. (1—6)

* * *

Влас Иванович Чекалёв, село Верхняя Зимняя Золотица:

Ише хто ету дорожоцьку-ту ўторил,
Ише хто ету широкою-ту ўездил?
«Уторил ету дорожоцьку старой старик.
В ширину ета дорожка — стрельцю-ту да перестрелити,
В глубину ета дорожка коню под шшэтоцьку...» (1—5)

Василий Игнатъевич Лагеев, село Усть-Цильма:

Уж как много-де ездил Илья Муромец,
Ой по чысту-то полю он всё поляковать,
Очищал-де старой дорожки да прямоезжия,
Он стоял ещё за Россиюшку — святую Русь,
Да еще того стоял он всё за Киев-град.
Ай пришло тепере да времечко ему —
Состарилсе старой наш Илья Муромец,
Ай головушка у Илюшоньки посёдела,
Очи ясные у него да притупилися,
Ай он стоял-де за веру да христианскую,
Да ещё стоял за князя-та за Владимира,
Да тех-де вдов, сирот дак малых деточёк.
Уж как пришла однажды ему дак мысль в голову:
«Я уж съезжу ещё дак во чисто полё,
Ай последний раз, видно, ещё постою-то я». (4—18)

* * *

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

От того, от моря от синего,
От того, от океана Ледовитого... (1–2)

Егор Плотников:

Не пыль то в поле запылилася,
Не туман то с моря подымается,
И не белы снежки в чистым поле забелелися... (10–12)

Певец из села Станичное Симбирской губернии:

Не былинка в поле зашаталася:
Зашатался в поле старый казак... (25–26)

Николай Картавенко, село Усть-Урень Симбирской губернии:

Из-за гор было, гор высокиих,
Из-за лесов, лесов темных
Не белая заря занималася,
Не красно солнце выкаталося:
Выезжал тут добрый молодец,
Добрый молодец Илья Муромец
На свое коне богатырским.
Побелела его бородушка,
Поседела его бородушка... (7–15)

Егор Плотников:

А затуманился под ём доброй конь,
А запылилася за ём сила добрая. (15–16)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

Выежжает-де старой на чисто полё,
А он на то же на роздольицо широкоё.
А пот старым-то конь наубел весь бел,
Грыва-хвост у его дак научерн-черна;
А сидит-де старой на добром кони:
А голова-де седа, да борода бела;
А будто скацет жемцюг да россыпаицсэ... (34–40)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

Ехал старой да Илья Муромец на добром кони.
Едет старой, только курева́ стоит, дым столбом валит,
Из-под копыт прямо летит, прямо за версту.
На кони́ Илья сам бел-белой,
Бел-белой, уж сед-седой. (3–7)

Иван Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

Ездит-то стар по чистому полю,
А сам себе старой дивуется:
«Ах ты, старость, ты старость ты старая,
А старая старость глубокая,
А глубокая старость триста́ годов,
А триста́ годов да пятьдесят годов!
Застала ты старого во чистом поли,
Во чистом поли застала черным вороном,
А села ты на мою на буйну голову.
А молодость моя, молодость молодецкая!
Улетела ты, молодость, во чисто поле,
А во чисто поле да ясным соколом».
Приехал как старой ко камешку,
А ко белому камню ко Латырю,
А у камня три дороги три розстани... (1–15)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

На камени подпись написана,
И той ли речью латынскою... (I: 18–19)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

«Первú дорожку мне ехать — живому не быть,
Вторú — мне богатому быть,
Третью — мне женатому быть».
Подумал старóй своим умом богатырским... (14–17)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

«Но на что поеду в ту дороженку да где богату быть?
Нету у меня да молодой жены,
И молодой жены да любимой семьи,
Некому держать-тощить да золотой казны,
Некому держать да платья цветнаго». (II: 19–25)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

«С мóлоду было богатство не нажито,
На старость мне богатство — душе па́губа...»³¹⁷ (18–19)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

«Но на что мне в ту дорожку ехать где женату быть?» (II: 26)

*Анастасия Артемьевна Носова, деревня Трусовская,
Усть-Цилемский район:*

«Смолоду было не жéненось...» (20)

³¹⁷ У А. А. Носовой — «на старость мне — душа па́губа».

Фёдор Никитин, Выгозеро:

«Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молодинка ведь взять да то чужа корысть.
А как старая-та взять дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь добрый молодец,
Ай во тую дороженку где убиту быть?
Ай пожил я ведь добрый молодец на сем свети,
И походил погулял ведь добрый молодец во чистом поли».
Но поехал добрый молодец в ту дорожку где убиту быть...
(II: 27–35)

Колодозерский старик, Пудога:

«Во ту розстань поеду где убиту быть,
Ко тому ко городу латынскому,
Ко той ли заставушке великия».
<...>
Заперта была земля Латынская,
Не было ни выходу, ни выезду
Из той земли Латынская. (18–20; 25–27)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатии... (II: 44–45)

Иван Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

Выехал на поле на Елесино,
Стоят-то тут станичники пленичники,
Да по русьскому воры разбойники,
А денный ночный подорожники... (26–29)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Не пропускают они ни конного, ни пешаго,
Ни удала добра молодца,
Всех они бьют и грабят. (188—190)

Карп Иванович Михеев, деревня Засулье, Лешуконский район:

Сидят у куста розбойники
И делят казну монастырскую,
Того же монастыря вселеньского
Светителя Миколáя Моженьского. (3—6)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Увидели они удала добра молодца
И ладят его бить и грабити... (191—192)

Яков Семёнович Еремеев, деревня Трихнова горка, Кенозеро:

...Сорок латных, кольчужных подорожников.
Становили старого в кружаночку.
Стали его выпрашивать:
«Ай же ты, дедушко старые,
Не знаешь ли какой-либо роскази,
Или какой-либо бывальщины?» (36—41)

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Они близко тут старому приближаютца...
<...>
Как хотят они старого испохабити. (107; 109)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

За его стали хвататисе;
За его стали иматисе;

Он сидит на добром коне не трехнется
И говорит им таково слово:
«За что вы меня хотите бить и грабить?
Бить вам меня не за что,
Взять у меня нечего;
Только есть у меня, право, доброй конь...» (193–200)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

«А доброму ле концу цены как нет,
А потому-то конь вздымаецце,
А высокие горушки перескакиват,
А мелкие речки промеж ног берёт».
А пуще станичники россержаютца,
А на старого крепче да подымаютца,
А хотят и ле старого бить да нонь грабити,
А хотят и то старого да розлучить с конём. (36–43)

Игнатий Григорьевич Третьяков, деревня Рослякова, Кенозеро:

Говорят-то станичники разбойники:
«Ты много старик да разговариваёшь».
И хочут-то старого с коня стащить. (49–51)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А говорил лишь старой да таковы́ слова́:
«А бити ле вам старого вам не́ за шьто,
А взяти лё у старого не́чего,
А есть и ле у старого кунья́ шуба́...» (22–25)

Василий Яковлевич Тяросов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«А ишше стоит эта шубочька петьсот рублей:
Подаренья Владимира стольняго киевского». (70–71)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

«А ише кажна-та пугофка во льяк лита
А во льяк лита пугофка цистого серебра
Циста серебра пугофка позолощёна,
А шше в пугофках-то было по доброму молощюцу,
А шше в петельках-то было по красной девушки;
А когда застёгнуцсе, тогда они обоймуцсе,
А ростегнуцсе, когда они пощёлююцсе...» (192—198)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А пуше станичницьки россержаютца,
А на старого крепче да поднимаютца.
А хотят и ле старого да бити нонь да грабити... (28—30)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

«Ише есть у меня чуден-крест серебряной,
Крест-от стоит у меня пятьсот рублей».
Тут робята стали за него пуше хвататися,
Пуше стали иматися,
По пяти, по десяти и по двадцати пяти со стороны хватаются.
(204—208)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

«А есть у старого тугой лук,
А есть ещё у старого десеть стрелочёк». (45—46)

Василий Яковлевич Тярсов, деревня Дорогая Гора, Мезень:

«Ишше кажная стрела стоит по пети рублей;
А ишше трём я стрелам дак и ценёй не знаю:
А было врезано каменьё самоцветное, —
А мне слуцицьсе-де ехать ночью в по́темьи,
А кидают они лучи подзорные!..» (80—84)

*Иван Кириллович Осташов, деревня Смекаловка,
Нижнепечорский район:*

Закладывал он стрелоцьку каленую,
Не серы волки в поле завоели —
У старого у лука макляки заскрипили. (227–229)

Игнатий Михайлович Дуркин, село Усть-Цильма, Печора:

Говорит ноньце старой им, как ётвет дёржит:
«Ох вы ой еси, удалые добрые молодцы!
Уж вы потьте ноньце проць от старого,
У старого смерть будёт страховитая». (110–113)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А говорил ище старый да таковы́ слова:
«А старому смерть страшным-страшно,
Страшным-страшно, смешным-смешно.
А у кого у вас ле есть дети малые,
У кого у вас ле есть да молóдые жонь?»
А закричал старый во всю голову,
А натягивал правой тугой лук...
<...>
А спустил стрелочку о сырú землю. (47–53; 55)

Кириша Данилов:

А спела титивка у туга лука... (29)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

А ёта стрелочка извивается,
А засыпал их желтым песком... (56–57)

Кириша Данилов:

Станишники с коней попадали,
Угодила стрела в сыр кряковистой дуб,
Изломала в черенья в ножевые дуб.
От тово-та ведь грому богатырскова
Тово-та станишники испужалися... (30–34)

Николай Михайлович Швецов, деревня Ормы, Моша:

Со дубов они на землю попадали... (49)

Пётр Родионович Поздеев, село Усть-Цильма, Печора:

Тогда все мужички устрашилися,
Как овсяны мешки повалилися. (222–223)

Певец из села Станичного Симбирской губернии:

И упали на сыру землю ниц лицом.
Возговорит доброй молодец:
«Ох вы гой еси, добры молодцы, камышнички!
Полноте лежать на сырой земле,
Полноте спасть-высыпатися:
По дороге много прошли конных и пеших,
У себя вы много добраго упустили».
Встали добрые молодцы
На свои резвы ноженьки,
И пали ему в резвы ноги:
«Ты гой еси, добр удалый молодец!
Поди ты к нам во товарищи,
И будь ты у нас атаманушкой!» (93–105)

Яков Евдокимович Гольчиков, деревня Лебская, Лешуконский район:

«А не губи нас да недобрых людей,
А ты оставь нас при живности,
А оставь нас ты хоть на сѣмена.

Бери сколько надо золотой казны,
А бери-ка цветное платьице,
А бери добрых коней сколько надобно». —
А говорил и ле старой да таковы слова:
«А кабы брал я да ле нонь золотой казны —
А копали как мне бы погребы глубокия,
А кабы брал я да цветно платьице —
А везли ле бы вóзы великия,
А как брал бы я да всё добрых коней —
Да гнали бы за мной да табунами же». (62–74)

Кириша Данилов:

А все оне, станишники, бьют челом:
«Ты старой казак Илья Муромец!
Возьми ты нас в холопство вековечное!
Дадим рукописанье служить до веку».
Говорит Илья Муромец Иванович:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
Поезжайте от меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилу сыну Пленковичу
Про старова казака Илью Муромца». (39–47)

Иван Захаров, деревня Пога, Водлозеро:

«Выходите-тко вы на святую Русь,
Запишитесь-ко вы в пустыни вы в монастыри,
Нет, — так убью вас я до одинаго».
Ай тут-то станичники пленичники
Ему дали заповедь великую
Записаться во пустыни во манастыри... (46–51)

Сидор Антонович Хозяинов, деревня Гареве, Усть-Цилемский район:

«Детям своим каждой наказывай
Не ездить, не ходить, не дурачить им —
По этой дорожке ездит Илья Муромец». (119–121)

Ксения Кондратьевна Осташова, деревня Уег, Усть-Цилемский район:

Стал товды старóй да на резвы́ ногí.
Помолилсе он да Господу Богу:
«Спас меня да свет Небесной Царь».
Поехал старóй да из чистá поля. (43–46)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

И приезжает старенькой ко кáмешку к олатырю,
И на камешки-то он подпíсь подписывал... (II: 156–157)

Михайло Иванович Тряпицын, деревня Усть-Поча, Кенозеро:

И та ли дорога очищена,
Эта ли подписка захерена,
Да старым-то казаком Ильей Муромцем.
«Я поеду старой где женату быть!» (63–66)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

«Я поеду попроведаю да во ту дорожочку». (19)

Кириша Данилов:

Как дáлече-далéче во чистом поле,
Что ковыль-трава во чистом в поле шатается, —
А и ездит в поле стар-матер человек,
Старой ли казак Илья Муромец. (1–4)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

Ехал он же не малое же время-то,
Приезжает — королесьво стоит очунь-от прекрасное... (21–22)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да наехал на дороги крепость богатырскую. (68)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

Приезжает тут старенькой к полатам белокаменным... (II: 110)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да стоит туто церковь соборная,
Да соборная богомольная.
От тоё-де обедни полудённые
Идет двенадцать прекрасные девицы,
Да посреде-то их идёт королевична. (69–73)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

...Сильная поляница удалая,
И выходила встречать да добра молодца:
«И пожалуй-ко-сь ко мне да добрый молодец!»
И она бьет челом ему да низко кланяется... (II: 112–115)

...Берет его за руки за белыя
И за те ли перстни злаченные,
Целует его во уста во сахарныя... (I: 141–143)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да соходил-де старик со добра коня,
Да оставливал он добра коня,
Не прикована да не привязана.
Да пошел-де старик во высок терём,
Да мосты-ты под старым качаються,
Переводинки перегибаются.
Да зашол-де старик во высок терём... (78–84)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

Она садила Илью да на диваны-ти заморски-ти да на ковры его,
На дорогие-то ковры заморские,
И ко столичку садила она да всё ко окольному,

За салфеточку садила за шелковую,
За шелковую салфеточку заморскую,
И угощала Илью она кушаньями всё сахарными,
И дорогима-ти напитокками всё заморскими.
Наливала ему чарочку да золоченую,
Золоченую чарочку да королевскую,
И дорогого напитокку заморского;
Подносила ему да низко кланялась:
«Уж ты могучой ты славной русьской же богатырь же,
А Илья ты да свет Иванович,
От меня же ты чарочку да кушай королевскую».
Ише брал Илья чарочку да в ручку правую,
Он не пил же чарочки да под стол же лил,
А не видела всё премладая да королевисьня,
Наливала она чарочку да во второй же раз,
Подносила же чарочку опять да Ильи Мурамцу,
Она кланялась ему да всё низехонько:
«Уж ты кушай-ко от меня, да доброй молодець,
Ты могучой же русьской же богатырь же,
А дорогого напитокку заморского».
Принимал Илья от премладой королевисьны,
Принимал же он правой рученькой,
Уж он пить он не пил, всё сам под стол же лил.
Она думала, что он выпил же.
И наливала премладая да королевисьня,
Опять чарочку свою да золоченую,
Золоченую чарочку да королевскую,
Подносила Ильи, да Ильи Мурамцу.
Он брал Илья у премладую да королевисьни,
А он брал же ету чарочку да во праву рученьку,
И он не пил-то дорогого напитку заморского,
А выливал же он под стол да всё до донышка... (32–67)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

Носила-то кушанья сахарные,
Питья носила медвяные,
Сама говорит таково слово:
«Не упивайся-то, стар, не удайся-тко,
Черед со девицей забавляйтесь». (95–99)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да он ест-де пьёт проклажается,
Да весь долог день да до вечера.
Да выходил из-за стола из-за дубоваго,
Да и сам говорил таково слово:
«Ты ли, душечка, красная девушка!
Да где-ка твои ложни тёплые,
Да и где твои кровати тесовые,
Где-ка мягкие перины пуховые?
Да мне на старость старику бы опочинуться». (86—94)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

Как берет тут красна девица да добра молодца,
И как берет его да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Как ведет тут добра молодца
Во тую ли во спальню богатоубранну... (II: 131—135)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да стоит старой у кровати головой качат,
Головой-то качат проговариват:
«Да я кольки по святой Руси не ежживал,
Таковá-де я-то чуда век не видывал,
Да видно эта кроватка подложная». (96—100)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

И говорила тогда премладая королевисьня:
«И уж ты ой еси, Илья, да Илья Мурамец,
И не желаешь ты со мной да ночку ночевати же,
И на моей ли ты полати королевьскою,
И на моей ли ты на кроватушки на кисовую?
И на моей ли ты на перинушки на пуховую?»
И говорил тогда Илья-то, да Илья Мурамец,
Илья Мурамец говорил да сын Иванович:
«И ты ложись-ко ты наперед, прекрасная королевисьня,
Э и на кроваточку вались да на кисовую,

А на периночку ложись ты на пуховую».
А премладая прекрасная королевисьня
Не ложится она на кроваточку,
На кисовую на перинушку на пуховую,
Говорила премладая королевисьня:
«А и ты ложись-ко-се наперед же, сам богатырь же». (70–85)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Она старому кровать уж указыват,
А сама от кровати далечó стоит. (186–187)

Михайло Иванович Тряпицын, деревня Усть-Поча, Кенозеро:

Говорил ей Илья таково слово:
«Ай же ты прекрасна королевична!
Нам ли у стенки спать не хочется,
В нас ли в стариках мочь не держится,
Да мы старики часто вон ходим». (85–89)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

«Ай же ты душечка да красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую».
И как хватил тут добрый молодец да красну девицу,
И хватил он ей да по подпазушки,
И бросил на тую на кроваточку,
Как кроваточка-то эта подвернуласи,
И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.
Закричал тут ведь старой казак да зычным голосом:
«А гой же вы братци мои да вси товарищи,
И разудальи да добры молодцы!
Ну имай хватай — вот и самá идет». (II: 138–148)

Иван Александрович Гурьбин, деревня Кривоцо, Кенозеро:

Выходил-то старые казак да Илья Муромец,
Выходил он с теремов ведь златоверхих... (89–90)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да нашол двери глубокаго погреба,
Да колодьем-то были призавалены,
Да песками-ты были призасыпаны.
Да ён колодья ногами распихивал,
Да пески-ты руками распорхивал,
Да нашол двери глубокаго погреба... (106–111)

Иван Александрович Гурьбин, деревня Кривцово, Кенозеро:

И перстами-то замки он сдергивал,
Да ногами-то ведь двери вон вышибывал. (91–92)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да с крюков с замков двери вон выставливал,
Да выпускал сорок царей сорок царевичев,
Да и сорок королей королевичев... (113–115)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

И выпускает он оттель всех рыцарей
И сильных могучих богатырей:
Алешу Поповича, Никиту Добрынича
И других всех прочиих. (I: 165–168)

Едину́ оставил саму да во погребе глубокоём. (II: 152)

Иван Александрович Гурьбин, деревня Кривцово, Кенозеро:

И говорил тут старые казак да Илья Муромец:
«Еще глупы вы цари да все царевичи
И да глупы короли да королевичи!
Вы сдаваетесь на прелесть-ту на женскую». (96–99)

*Максим Григорьевич Антонов, деревня Усть-Низема,
Лешуконский район:*

Илья Муромец да сын Иванович.
Он ведь начал плетью их наказыват,
Наказывать да наговаривать:
«Я уж ежжу по полю ровно тридцет лет,
Не сдаваюсь на реци я на бабьи же,
Не утекаюсь на гўзна их на мяхкие». (198–203)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

Бьют-то челом да низко кланяются
И удалому да добру молодцу,
И старому казáку Илью Муромцу. (II: 153–155)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

«Да вы подьте, цари, по своим землям,
Да вы короли по своим Литвам,
Да вы богатыри по своим местам». (118–120)

Павла Семёновна Пахолова, село Нижняя Зимняя Золотица:

Э и тогда взял он ей зажог да всё королесьво же,
Э и не королева-та была да всё прекрасная,
А ето была-то всё же ведьма, змея проклятая,
А наводила она красоту на себя прекрасную,
И она прельшшала-то премладых-то королевичей,
И она премладеньких прельшшала да всё царевицей. (125–130)

Ермолай Васильевич Рассолов, деревня Печище, Мезень:

А поехал-де Илеюша во цисто полё
А к тем же к ростанушкам к великием,
А к тому где ко камешку ко серому.
А на камешки тут было да где потписано.
А он розбил-приломал да весь горяць камень. (154–158)

Фёдор Никитин, Выгозеро:

Но направляет добрый молодец да своего коня
И во тую ли дороженку да где богату быть.
Во чистом поли наехал на три погребга глубоких,
И которые насыпаны погребга златом серебром,
Златом серебром камнем драгоценным.
И обирал тут добрый молодец все злато это серебро...
<...>
И роздал он злато серебро по сиротам да безприютным.
Но обращался добрый молодец ко камешку к олатырю,
И на камешки он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».
(II: 159–164; 166–169)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да еще было дорожка изведати,
Да отчего-де старику будё богатство.
Да поехал он большою дорогою,
Да наехал на дороги пречудной крест,
Да стоит у креста головой качат,
Головой-то качат проговариват:
«Да я кольки по святой Руси не ежживал
Такова-то-де я чуда век не видывал».
Да этот крест есть не прóст стоит,
Да стоит он на глубоком на погребге,
Да есть несметноё злато серебро.
Да соходил-де Илья со добра коня,
Да и брал крест ён на руки на белые,
Да снимал со глубокаго со погребга,
Да воздвигнул его³¹⁸ в славный Киев град... (135–149)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А навален-то ведь на погреб превелик камень,
А этот камень был тридевятиста пуд.
<...>

³¹⁸ У И. П. Сивцева (Пóромского) — «живот».

Подпáл ли старый могучím плечом,
А он выкинул со погреба велик камень,
А побрал ли-то много злата, много сéребра,
Много мелкаго скатнаго жемчуга;
Ай построил он церкви соборные,
Устанавливал звоны колокольние. (126–127; 129–134)

Андрей Тимофеевич Гусев, деревня Заболотье, Кенозеро:

Первая-та церковь Спасу пречистому,
А другая-та церковь Миколы Можанскому,
А третья-та церковь Егорью Храброму. (141–143)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

А прилетала невидíма сила ангельска,
А вимали-то ёгò да со добра коня
И заносили во пещеры-ты во киевски,
И тут же ведь старый опочив держал. (142–145)

Иван Павлович Сивцев (Пóромской), деревня Поромск, Кенозеро:

Да и тут ведь Илья-то окаменел,
Да поныне ево мощи нетленные. (152–153)

Иван Феонов, деревня Мелентьевская, Пудога:

Ай потамест мы старому славы поём,
Старому казáку Ильи Муромцю. (146–147)

Научное издание

**Былины про старого казака Илью Муромца:
сводный текст**

Составитель А. С. Миронов

Дизайн обложки

М. Ю. Маяков

Корректурa

И. А. Птицын

Компьютерная вёрстка

М. Е. Заболотникова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Тираж 300 экз.
Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5.